

В. П.
КОЗЛОВ

Докумен-
тальная
память
в
архиво-
ведчес-
ком
знании

В. П. Козлов

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В АРХИВОВЕДЧЕСКОМ ЗНАНИИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
В АРХИВОВЕДЧЕСКОМ ЗНАНИИ

**АРХИВ РАН
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ
МОСКВА — 2017**

Российская академия наук
Архивный совет при Президиуме Российской академии наук
Федеральное агентство научных организаций
Архив Российской академии наук
Историко-архивный институт РГГУ
Кафедра архивоведения

В. П. Козлов

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В АРХИВОВЕДЧЕСКОМ ЗНАНИИ

**АРХИВ РАН
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ
МОСКВА – 2017**

УДК 930.25
ББК 79.30
К-59

**УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Настоящее исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации. Фундаментальные проблемы оценки состояния и перспектив развития российской науки», направление 14 «Документальная память в социокультурном пространстве государства и общества», проект «Документальная память и институты исторической памяти. Проблемы формирования, сохранения и использования информационных ресурсов»

Рецензенты:

д. и. н. Т. И. Хорхордина, к. и. н. И. Н. Ильина

К-59 **Козлов В. П.**
Документальная память в архивоведческом знании.
М.: Архив РАН; Древлехранилище, 2017. 332 с.

ISBN 978-5-9909105-3-9

ISBN 978-5-93646-297-9

Книга доктора исторических наук, заслуженного профессора РГГУ, члена-корреспондента РАН В.П. Козлова является итогом его многолетней практической работы как историка-архивиста и бывшего руководителя государственной архивной службы России. В ней предложен оригинальный взгляд на документальную память в системе архивоведческого знания и на архивоведение как научную дисциплину, разрабатывающую теоретические вопросы сохранения, пополнения и трансляции документальной исторической памяти через один из ее депозитариев — архивы. Книга содержит новые понятия и идеи о роли документа в качестве регулятора человеческой жизнедеятельности и его трансформации в документальный исторический источник как носителя документальной исторической памяти, ее свободе и несвободе, а также видах, формах и особенностях ее трансляции в прошлом и современном мире.

ISBN 978-5-9909105-3-9
ISBN 978-5-93646-297-9

© В. П. Козлов, 2017
© Архив РАН, 2017
© «Древлехранилище», 2017,
оформление

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАСТОЯЩАЯ книга представляет собой попытку теоретического осмысления роли документальной памяти в системе архивоведческого знания, изучающего работу с документами на этапе их сбережения и использования.

Документальная память — понятие, сравнительно недавно введенное в научный оборот как обобщающее обозначение всего информационного массива, закрепленного в процессе бытования документов как оперативных регуляторов человеческой жизнедеятельности.

С давних пор осмысление сбережения и трансляции документальной памяти и институтов, занимающихся практической работой в этих направлениях, являлось и является задачей специальной историко-документальной дисциплины — архивоведения. Архивоведение развивалось в тесной связи с архивным делом. Символическим будет выглядеть напоминание об описи т.н. Царского архива середины XVI в. Она показывает, что государственные бумаги тогдашней Московии высшего уровня происхождения XII–XVI вв. здесь, во-первых, находились в полном порядке, т.е. были описаны и имели неплохие условия хранения, и, во-вторых, активно использовались в политической борьбе Ива-

ном Грозным¹. И в это время, и особенно позже, документы официального происхождения, прежде всего связанные с имущественными и генеалогическими делами, в России, как и везде в мире, ценились очень высоко. Архивное нестроение этих и последующих лет было связано в основном с техногенными катастрофами в виде пожаров. Значимость документов как регуляторов современной жизни была подчеркнута петровским Генеральным регламентом, а политическая роль архивного документа древности не раз демонстрировалась в документальных публикациях петровского времени. Административные преобразования XVIII столетия не сопровождались массовыми документальными утратами — они были, но все же носили скорее случайный характер. Более того, они привели к созданию исторических ведомственных архивов, которые хотя и находились десятилетиями в неупорядоченном состоянии, но все же сберегались. Во второй половине XVIII—XIX вв. к ним начали осторожно подпускать и историков, не имевших никакого отношения к архивам, — сначала доверенных императорами лиц, вроде Н. М. Карамзина² и С. М. Соловьева, затем избранных в лице университетской профессуры, потом даже историков-любителей.

Тем не менее символом дореволюционного государственного архивного строительства для автора остается серебряный ковчег, изготовленный по распоряжению Екатерины II для хранения более чем трехсотметровой длины столбца Соборного уложения 1649 г.³ Ковчег, даже серебряный, — не самое лучшее место хранения документального памятника такого уровня. Но вместе с тем он — и намек на недоступ-

¹ Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Вып. 1–3. М., 1978.

² Козлов В. П., Козлова Н. А. Архивные разыскания Н. М. Карамзина. // Советские архивы. 1977. № 3. С. 63–67.

³ Ныне этот столбец отреставрирован и разделен на отдельные страницы.

ность памятника и его уникальный характер. Напомним, что, например, хлопоты А. С. Пушкина о доступе к следственному делу над Е. И. Пугачевым, закончились ничем⁴.

С учетом сказанного мы и должны оценивать декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. и для государства, и для сохранения его документальной памяти. Этим декретом государство признало необходимость архивного дела для своего функционирования. В тот момент речь шла преимущественно об использовании большевиками архивных документов в политических и идеологических целях. Это отчетливо видно в последующих официальных документах, связанных с архивным строительством. Так, декрет СНК от 29 июля 1919 г. в русле политики национализации отменял «все ограничительные для государства условия», на которых частные архивы русских писателей, композиторов, художников и ученых хранились до революции в библиотеках и музеях, одновременно вводя государственную монополию на их издание и государственный контроль за их использованием. Политическую заинтересованность новой власти в архивных документах продемонстрировали декрет СНК от 2 августа 1923 г. о концентрации в Центрархиве архивов противников советской власти, декрет ВЦИК от 12 сентября 1923 г. об архивах семьи Романовых и некоторых других лиц, постановление ЦИК СССР от 10 апреля 1929 г. «О Центральном архивном управлении Союза ССР», наконец, само создание в составе ЕГАФ специальной «политической секции»⁵.

На протяжении последующих лет власть широко использовала политическую и идеологическую роль архивных документов, как доставшихся ей в наследство, так и создаваемых вновь. И в этом не было бы ничего странного — так было, есть и будет в любом государстве, если бы речь не шла

⁴ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование. М., 1995.

⁵ Подробнее см.: Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 34–91.

о глубинной и повсеместной фальсификации исторического прошлого народов нашей страны, о сокрытии и забвении национальных святынь. Не случайно глава архивной службы историк М. Н. Покровский заявил однажды, что не собирается издавать «барахло» — документы по древнерусской истории. Фильтр постулированных идеологических и политических догматов надежно охранял пользователей от всего многообразия информации, хранящейся в российских архивах. Но он не препятствовал их сохранению.

Вместе с тем политическая и идеологическая целесообразность, обеспечившая принятие декрета СНК от 1 июня 1918 г., лишь стимулировала реализацию идей отечественных историков и архивистов, сформулированных много ранее. Ключевое место среди них занимала идея централизации архивного дела. В этом смысле июньский 1918 г. декрет наносил серьезный удар по сильным традициям ведомственного хранения, которые подпитывались реальным положением вещей: едва ли не повсеместное отсутствие возможностей для концентрации документов не только в специально построенных хранилищах, но и вообще в каких-либо приспособленных помещениях.

С выходом декрета от 1 июня 1918 г., последующих декретов, таких как «Положение о Центральном архиве РСФСР», утвержденное декретом ВЦИК в 1922 г., произошло крупнейшее экономическое, психологическое, социальное и организационное изменение отношения к архивам: архивы стали самостоятельной институцией, а архивное дело впервые в нашей стране на государственном уровне было признано одним из элементов государственности и самостоятельным объектом хозяйствования. Последствия этого для архивов России трудно переоценить: целевой, самостоятельный, долгие годы во многом централизованный бюджет позволил начать медленное, но налаженное строительство специализированных архивохранилищ, техническое оснащение и регулярное переоснащение архивов, организовать

создание страхового фонда, обеспечить подготовку кадров архивистов и т.д. Новой России в 1991 г. досталась отнюдь не самая худшая в мире инфраструктура архивного дела.

Декрет от 1 июня 1918 г. заложил основы упорядочения Архивного фонда страны. К 1992 г. была создана система архивохранилищ, отразившая политическую организацию, административно-территориальное деление государства, специфику отдельных сфер его жизнедеятельности и жизнедеятельности общества. Речь идет об организации государственных архивов, Архивного фонда КПСС, отраслевых архивных фондов, ведомственных хранилищ, Архивного фонда АН СССР, рукописных отделов библиотек, музеев, научных организаций. Эта система доказала свою жизнестойкость и эффективность, прежде всего в сохранении накопленных за столетия архивных документов, их комплектовании и использовании для обеспечения социально-правовых, научных и иных интересов граждан. Функционируя в рамках и интересах тоталитарного государства, она в то же время впервые в истории нашей страны приобрела атрибут государственности, достаточно организованно сохраняя и пополняя архивы государственных институтов прошлого и настоящего, а также в особой форме — на базе рукописных отделов библиотек, музеев, научных организаций в соответствии еще с дореволюционными традициями — личных архивов и отчасти архивов общественных организаций.

Конечно, этой системе был присущ ряд недостатков. Некоторые из них с позиций сегодняшнего дня выглядят относительными в сравнении с идеальной моделью архивного дела, другие носили системный характер.

К числу первых можно отнести отказ от идеи национального, точнее общероссийского федерального государственного архива, чрезмерную и не оправданную не только экономически, но и профессионально концентрацию в ряде ведомств государственных бумаг с истекшими сроками хранения, параллелизм в комплектовании документами лично-

го происхождения между государственными архивами и рукописными отделами библиотек, музеев, научных организаций. Эти недостатки можно считать относительными хотя бы потому, что опыт зарубежного архивного строительства свидетельствует о многообразии форм организации хранения архивных документов, в том числе по модели, близкой и даже совпадающей с российской.

К числу системных недостатков можно отнести обособленное существование государственных архивов и архивов бывшей КПСС, полное отсутствие негосударственных архивов, разделение целостных комплексов документов высших органов государственной власти, государственного управления России, Российской империи, Советского Союза между несколькими центральными архивами, в результате чего история страны и государства в документах ее верховных институтов оказалась раздробленной и перемешанной не только в центральных, но и мощных ведомственных архивах.

Несмотря на эти и ряд других недостатков, созданная система государственного хранения архивных документов обеспечила решение главной задачи — сохранение накопленных столетиями документальных богатств. А это в свою очередь создает возможность для формирования представлений о непрерывности процессов становления развития, а также понимания кризисных состояний российской государственности. Несмотря на утраты в периоды политических и военных катаклизмов, сознательное уничтожение документов, макулатурные кампании, Архивному фонду России не был нанесен ущерб такого масштаба, который бы позволил говорить о невозможности беспристрастного изучения отечественной истории, оперирования архивными данными в доказательстве той или иной точки зрения на исторический процесс, историю российской государственности, общества и человека. В равной степени мы можем констатировать и то, что не было существенных утрат национальных реликвий Московского царства, России, Российской империи,

Советского Союза. В последнем случае мы имеем в виду и сохранение имеющих постоянное и прогностически особо важное правовое значение оригиналов государственных бумаг о формировании территории Российского государства.

Реализация приноровленной к интересам тоталитарного государства идеи централизации управления архивами, архивным делом, создала условия и для успешных попыток перехода к реализации идеи управления документацией. Эта идея получила развитие и практическое воплощение в «Основных правилах постановки документальной части делопроизводства и работы архивов учреждений, организаций и предприятий СССР» (1962 г.), Единой государственной системе делопроизводства, Усовершенствованной системе организационно-распорядительной документации и др.

90-е годы прошлого века для российского архивного дела прошли под знаком потребительского отношения к архивам и со стороны государства, и со стороны общества, в забвении важной роли инфраструктурной составляющей в функционировании архивов. Потребовалось целое последующее десятилетие, чтобы восстановить инфраструктуру архивного дела и приступить к ее развитию и модернизации.

В период реформ 90-х годов прошлого века российские архивисты столкнулись с целым рядом неизвестных им до того проблем. Собственность на архивные документы, интеллектуальная собственность, авторское право на архивную информацию, разграничение предметов ведения архивного дела между федеральным архивным ведомством и архивными службами субъектов Федерации, муниципальными архивами, правовой статус архивов приватизируемых, обанкротившихся предприятий и учреждений, механизмы защиты государственной тайны, тайны личной жизни, рассекречивание архивных документов, попечительство над негосударственной частью Архивного фонда Российской Федерации, сохранение документов на электронных носителях, внедрение компьютерных технологий в архивное дело — это далеко

не полный перечень тех проблем, которые приходилось решать архивной службе страны в последние 25 лет.

За это время произошли существенные изменения в системе организации хранения документов Архивного фонда Российской Федерации. Например, появились негосударственные хранилища документов, в том числе поступающих из-за рубежа, архивы партий, общественных движений, негосударственных организаций. В архивное дело страны все шире стали внедряться автоматизированные технологии. Архивный фонд бывшей КПСС перешел в ведение государственной архивной службы.

Иначе говоря, в нелегких социально-экономических и сложных политических условиях удавалось сохранять целостность отраслевой системы, управляемость ею как по вертикали, так и по горизонтали, прежде всего с помощью коллективно вырабатываемых, широко апробируемых нормативов хранения, комплектования, учета и использования архивных документов. За все годы реформ удалось избежать межведомственных конфликтов, конфликтов между субъектами Федерации, между ними и Росархивом, связанных с претензиями на те или иные документальные комплексы. А это значит, что единая архивная служба в государственном организме России оставалась стабилизирующим звеном, внося свой вклад в его единство и целостность.

Годы реформ стали прорывом в использовании архивных документов. Их документальные публикации в основном посвящены малоизвестным страницам нашей истории, прежде всего XX столетия, когда российская государственность испытала особенно крупные и непрогнозируемые по своим последствиям потрясения, Общество получило возможность объективно взглянуть на свою историю и сегодня, не отягощенное идеологическими путями, попытаться учесть многомерный опыт истории России, который, если он будет востребован, позволит извлечь необходимые уроки.

В любой сфере человеческой жизнедеятельности существует несколько типов знания. Первый тип — знание практическое, основанное на здравом смысле. Второй тип — знание технологическое, основанное на обобщении практики, опыта. И третий тип — знание теоретическое, в гуманитарном знании предполагающее поиск и формулировку неких условных заключений, отражающих определенные связи и отношения.

Архивоведение в его практической составляющей возникло одновременно с практическим документоведением. Затем в России приблизительно до середины XIX в. оно развивалось в рамках выработки конкретных рекомендаций и правил организации хранения документов в архиве. Оно занималось исключительно администрированием конкретных архивных комплексов и в этом смысле представляло собой ничто иное как собственно архивное дело — совокупность решений и действий, часто разрозненных, по упорядочению архивных документов, которые в своей определенной части, даже скорее частичках, стали рассматриваться как «раритеты», уникамы, поражающие воображение своей «старинной».

Возникновение собственно архивоведения как технологического знания в России с известной долей условности можно отнести ко второй половине XIX в. Именно тогда возникли первые попытки осмысления архивного документа, архивов преимущественно как некоего культурно-исторического явления. Это архивоведение можно назвать по своей форме еще и *историческим*, поскольку в его основе лежал исключительно потребительский подход к архивным документам и архивам как хранилищам исторической информации — не случайно носителями и разработчиками такого архивоведения стали преимущественно историки.

Июньский 1918 г. декрет об архивах в России стал результатом усилий носителей прежде всего исторического архивоведения. Однако он создал возможности для даль-

нейшего развития в стране на основе практического архивоведения – архивоведения технологического. Его главной особенностью стала нацеленность на нормативное и методическое закрепление выработанных и вырабатывавшихся практическим архивоведением процессов и процедур работы с документами, унификация организации их хранения и упорядочения. За время своего развития, приблизительно до середины 60-х годов XX в., технологическое архивоведение в России добилось выдающихся результатов в развитии представлений о систематизации архивных фондов, классификации документной информации, построении НСА, экспертизе ценности документов и др. В части, связанной с пониманием социальной роли документа и архивов, оно преодолело ограниченность исторического архивоведения. Постоянно испытывая на себе определяющее во всем воздействие политических и идеологических доктрин времени, например, в классификации архивной информации и документов, экспертизе ценности документов, технологическое архивоведение тем не менее в своих конкретных рекомендациях оказалось удивительно прагматичным и даже в ряде вопросов, например, в понимании НСА архивов как определенной системы, выходило на более высокий уровень осмысления регулируемого им архивного дела страны⁶.

В истории архивоведческой мысли конца 40-х – 60-х годов прошлого века огромную роль сыграли разработки преподавателей МГИАИ – К. Г. Митяева, И. Л. Маяковского, В. В. Максакова⁷. Можно сказать, что благодаря им архивоведческое знание практического и технологического характера обрело черты упорядоченности, системности и

⁶ Подробнее см.: Хорхордина Т. И. История архивоведческой мысли: Учебник. М., 2012.

⁷ Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела: Учебник. М., 1946.; Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960; Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969.

историзма, хотя оно в фактическом плане оказалось избирательным и идеологически ангажированным в соответствии с условиями времени, в котором эти труды писались.

С созданием в 1966 г. ВНИИ документоведения и архивного дела, несмотря на бросающуюся в глаза противоречивость его названия — постулирование документоведения как научной дисциплины и ограничение архивоведения технологиями архивного дела — параллельно с практическим и технологическим архивоведением появились возможности для развития и собственно архивоведения как теоретического знания о документе в архиве и об архивах, т.е для развития теоретического архивоведения. В его основу первоначально были положены идеи системного анализа документальных комплексов и информационного подхода к документу как носителю информации в определенной форме и виде отражающего действительность. Информационно-системный подход в теоретическом архивоведении в 60–70-е годы прошлого века в наиболее полном виде был разработан в трудах В. Н. Автократова⁸. Почти параллельно с ним в исследованиях Б.С.Илизарова⁹ документ, архив, стали рассматриваться как элементы социальной памяти человечества, что открывало возможности для понимания не только системных и информационных связей документов, но и изучения их взаимодействия с обществом, государством и человеком.

Для всех очевидны те огромные институциональные и инфраструктурные изменения, которые произошли в российском архивном деле за последние 25 лет. Наши предшественники-архивисты и в мыслях не могли представить себе хотя бы части таких изменений, в том числе активно разрабатывая теоретическую модель отечественного архивоведения и отчасти успешно внедряя ее отдельные элементы в

⁸ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001.

⁹ Илизаров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. М., 1984.

практику архивного дела страны. В какой степени эта модель и ее отдельные части соответствуют современным российским реалиям, что из нее ушло безвозвратно как бы само собой, что нуждается в корректировке сейчас, и что остается неизбылемым — ответы на эти вопросы имеют не только познавательное теоретическое, но и практическое значение, реагируя на современные процессы в жизни страны.

Чтобы хотя бы частично ответить на эти вопросы, было бы важно рассмотреть непротиворечивые, т.е. тогда общепризнанные, элементы советской модели архивного дела, которые содержатся в трудах его признанных теоретиков, таких как В. Н. Автократов, А. В. Елпатьевский, Б. С. Илизаров, В. В. Цаплин, отчасти И. Д. Ковальченко и другие. При этом заметим сразу несколько особенностей их модели. Во-первых, она не распространялась на такие архивные комплексы как классы документов личного и сакрального происхождения, а также документы КПСС. Речь шла исключительно о классе документов официального государственного происхождения, поэтому мы такое архивоведение вправе назвать исключительно *административным*. Во-вторых, в этой модели полностью отсутствовали проблемы доступа к архивным документам и свободы и несвободы архивной информации, без рассмотрения и решения которых любая модель архивного дела невозможна. В-третьих, эта модель создавалась под определяющим влиянием теории информации, в результате которой объектом архивоведческого знания становилась ретроспективная архивная информация, а документ как материальный объект оказывался на периферии архивоведческого знания. Это отразилось и на толковании понятия «документ». Теоретиков того времени, вероятно, удовлетворяло в его определении наличие понятия «носитель информации». И напрасно. В архивоведении очень важно подчеркивание такого свойства документа как быть материальным объектом. Для его сохранения создаются особые условия, он учитывается именно как матери-

альный объект, его движение внутри и вне архива отслеживается именно как материального объекта.

И, наконец, в-четвертых, эта модель в своей основе строилась исключительно из материалистического понимания теории отражения, в которой архивная информация выступала в качестве субъекта, с высокой степенью полноты отражающего объект – реальность, которую эта же информация регулировала. Получалось, что ретроспективная информация может существовать сама по себе, тогда как это невозможно, вернее, возможно лишь в фазе ее оперативного бытования и то в исключительных случаях в отношении визуальной и фоно информации. Модель по этой причине полностью исключала теорию запоминания, в которой ретроспективная информация существует только в виде документа, т.е. зафиксирована на каком-либо носителе и представляет собой особый тип памяти – документальную память. Однако справедливости ради следует сказать, что в работах Илизарова были намечены пути преодоления этих ограничений административного архивоведения. Именно он первым в отечественной литературе начал применительно к архивам говорить о «памяти», правда, назвав ее социальной по субъекту – обществу, а не по объекту – документу.

Но и в рамках административной модели архивного дела и архивоведения мы встречаем у предшественников важные и точные наблюдения. Возьмем для примера статью А. В. Елпатьевского «Об использовании понятий теории информации в современном архивоведении»¹⁰ – это целый каскад размышлений автора об информации как главной ценности документа, представляющей собой ничто иное как «документированное знание». Это знание, по мысли автора, прямо зависит от функции (функций) документа и его связи с другими документами в документной системе –

¹⁰ См.: *Елпатьевский А. В.* Избранные труды по архивоведению и архивному делу. М., 2015. С. 117–126.

поразительно точное и актуальное для современного архивоведения наблюдение. Далее автор пытается определить соотношение информации как «документированного знания» с «историческим фактом», между которыми он помещает «факт – событие», «факт источника», «факт – знание». Нам кажется, А. В. Елпатьевский в этой части своей работы не смог до конца продумать свои размышления и придать им системность в архивоведческом ключе. «Исторический факт» не может являться ни предметом, ни объектом, ни чем-либо еще в архивоведческом знании. Это – удел размышлений историков. Для архивоведения же интересно и важно было развить мысль о «документированном знании» в документальной информации. Оно, это знание, есть ничто иное как документальное свидетельство о прошлом – достоверное или не достоверное – для архивоведения это не имеет значения. Важна ценность этого знания ради его сохранения как документального свидетельства – факта, свидетельства – события, свидетельства – явления, свидетельства – процесса прошлого.

Вопреки своей жесткой позиции относительно экспертизы ценности документов, основой которой является мысль о не только невозможности, но и отсутствии необходимости вечного сохранения как определенных комплексов документов, так и целых фондов фондообразователей, о чем мы поговорим ниже, в рассматриваемой статье А. В. Елпатьевский пишет о неисчерпаемости информации документа, вероятно, имея в виду документ в документной системе. И с этим невозможно не согласиться, тем более, что автор предложил абсолютно оригинальное доказательство этого, основанное на пересечении знания теории информации и теории документа. Смысл его рассуждений в этой части заключается в следующем. По мнению Елпатьевского, можно в архивоведческом смысле измерить объем документной информации или «документального знания». Единицей измерения он предлагает сделать «элементарные смысловые

единицы» — дескрипторы. Умножив количество таких дескрипторов, имеющих в документе, на «количество суждений, которые могут быть приложены к данной совокупности» дескрипторов, мы и можем получить некий измеримый объем «документированного знания». Елпатьевский делает абсолютно правильную оговорку относительно того, что если количество дескрипторов в принципе определимо, то число «суждений» о каждом из них — вещь абсолютно исторически изменчивая.

В современной архивоведческой науке просто нет других работ, которые могли бы столь аргументированно показать неисчерпаемое познавательное значение документа как носителя свидетельства о прошлом. Елпатьевский — ученый-архивист здесь фактически стал над Елпатьевским — архивистом-бюрократом. И логика его научных рассуждений сегодня для нас не просто интересна, но и принципиально важна. Смысл ее заключается, на наш взгляд, в размышлении над категориями необходимости и возможности применительно к сохранению памяти о прошлом. В научно-историческом, источниковедческом смысле категория необходимости без каких-либо оговорок означает сохранение каждого мгновения случившейся жизни, фиксирующегося в каждом документе. В архивоведческом смысле эта категория не может существовать без категории возможности, смысл которой в способности современного человечества в той или иной форме сохранить весь создаваемый документальный массив. Разумное сочетание этих двух категорий есть ничто иное как современный процесс экспертизы ценности документов и комплектования архивов.

В теоретической модели советского архивного дела одно из ключевых мест занимала концепция Государственного архивного фонда СССР.

Сейчас кто-то обязательно увидит в этой концепции «отпрыжки» российского имперского самодержавства и советского тоталитаризма. Об этом мы специально еще погово-

рим чуть ниже. Здесь же хотелось бы заметить следующее. Современное поколение архивистов, может ошибаться во многом и, имея дело с прошлым, кажется, по определению должно быть консерваторами, отставая от нового. Но вот странная, интересная и важная вещь: пять-шесть поколений наших предшественников, многого не зная и не додумывая, в главном были солидарны с нами, или мы оказались всего лишь их вольными или невольными учениками и последователями.

В чем суть проблемы, спросит, возможно, не только далекий от архивоведения и архивного дела человек, но и профессиональный архивист? Суть проблемы, на наш взгляд, заключается в понимании документального наследия нашей страны и в отношении к организации ее сохранения и преумножения современной документальной памятью. И совсем не важно как это документальное наследие будет юридически или каким-то иным способом обозначаться: Государственный архивный фонд СССР или РСФСР, Архивный фонд Российской Федерации или как-то иначе.

Важно иное. К нему и прислушаемся, познакомившись с абсолютно программной статьей А. В. Елпатьевского, написанной им совместно с В. Н. Автократовым, о концепции разработки Государственного архивного фонда СССР¹¹. В ней, что не фраза, то методология, что не предложение, то идеология.

Оставим идеологию с трескучей порослью цитат из К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и за ними посмотрим на методологию, в основе которой лежит живая мысль и опытное знание.

Мысль первая. Документальное наследие России есть ничто иное как память каждого человека, общества и государства. Человек, общество, государство современности должны быть озабочены сохранением этой памяти не только

¹¹ Там же. С. 260–267.

ради своих интересов, но и ради будущих не во всем понятных интересов человеческих сообществ. Память о стране, государстве, несколько раз изменявших не только свое название, но и фундаментальные основы, о народах здесь обитавших и живущих, должна быть сохранена вопреки любым будущим и современным историческим катаклизмам. Такое сохранение есть ничто иное как современная государственная и общественная ответственность. Она невозможна без соответствующих институтов, управляющих сохранением и использованием самого большого и самого деликатного информационного массива. Эта, на первый взгляд, очевидная мысль, сформулированная еще в XVIII в. В. Н. Татищевым, сегодня в чреде уже состоявшихся и еще могущих произойти административных реформ, затронувших и архивную службу России, кажется не утратившей своей актуальности.

Мысль вторая. Документальное наследие страны — есть общенародная собственность. В современных условиях капиталистического развития России со священным правом собственности она кажется не просто спорной, но и в правовом отношении противоречащей российской Конституции. Но право не может быть внеморальным. Документальная память — наиболее адекватная составляющая часть исторической памяти народа, ее особый тип. Ее деление по сегментам собственности опасно для России в гораздо большей степени чем для любой другой страны. Она как воздух, который невозможно поделить. Она как нервы, обеспечивающие жизнедеятельность человека.

Однако на сегодня дележ состоялся, породив, например, так и не сдутый пока коллапс в комплектовании российских архивов. Строгие формулировки «Закона об архивном деле в Российской Федерации», формально опирающиеся на нормы Конституции, обойти невозможно. Понятие «Архивный фонд Российской Федерации», ныне ставшее еще более многочастным и аморфным чем в СССР, уже не может быть фундаментальной архивоведческой категорией. Оно ложно ори-

ентирует архивоведческое знание, создает иллюзию целого, уже разложенного на части. Новое понятие – «Документальное наследие Российской Федерации» – кажется, могло бы стать важным уточняющим развитием идей ставшего виртуальным «Архивного фонда Российской Федерации».

Мысль третья – централизация архивного дела в СССР как основа сохранения и пополнения Государственного архивного фонда СССР. Положа руку на сердце, скажем, что даже в СССР она не была реализована в полной мере. Достаточно напомнить, что существовал вполне обособленно «Архивный фонд АН СССР», не говоря уже об «отраслевых архивных фондах» и Архивном фонде КПСС. Централизация архивного дела, конечно же, не зная, а всего лишь эффективные способ и форма решения задач управления документацией и документальным наследием. И именно в этом направлении в архивном строительстве СССР было сделано немало. В свете сегодняшних тревожных симптомов с архивным делом России напомним два позитивных, оправдавших себя, результата централизации: наличие стройной и функционально ответственной структуры органов управления архивным делом и четкой системы контроля за управлением документацией и документальным наследием. Ныне эти структура и система, мягко говоря, испытывают разрушающие воздействия. Пока их последствия менее заметны, на фоне любого возобновляемого наследия, например, разрушенного лесного хозяйства, но они рано или поздно непременно заявят о себе. Иначе говоря, идея централизации архивного дела и в наше время сохраняя свою актуальность, ныне требует новых решений или хотя бы сохранения старых организационных форм.

Мысль четвертая – о принципиальной важности соблюдения «принципа территориального соответствия хранящихся архивных фондов», т.е. территориального принципа комплектования. Вещь очевиднейшая, ибо документальная история региона должна быть максимально приближена к

нему. Но в современной России после административной реформы 2004 г. эта идея испытывает сильнейшее разрушающее воздействие собственнической идеологии.

Мысль пятая — о важной роли централизованного государственного учета документального наследия страны. Кажется, в ее реализации современные российские архивисты достигли реальных результатов, возможно, даже превзойдя замысел своих предшественников. Во-первых, создана система электронного централизованного учета. Во-вторых, часть этой системы уже стала публичной, т.е. выполняет функцию документального поиска на уровне архивного фонда, чему, конечно же, порадуются пользователи российских государственных и муниципальных архивов. Увы, до включения в эту систему других государственных архивохранилищ, несмотря на оправданно жесткую законодательную норму, еще очень и очень далеко, подтверждая еще одну мысль А. В. Елпатьевского и В. Н. Автократова о необходимости избавления архивного дела страны от ведомственного разобщения.

Здесь было бы полезно напомнить и о других соображениях авторов, сохраняющих свою актуальность и незыблемость в качестве важных архивоведческих постулатов. Тут и размышления о недробимости архивных фондов, профиле архива как важной архивоведческой категории, призыв к развитию исследований в области «исторического документоведения» и др.

В блоке работ, связанном с комплектованием, экспертизой ценности, фондированием архивных документов и созданием поисковых средств к документальному наследию страны выделяются три статьи с коллективным авторством А. В. Елпатьевского, Т. Г. Коленкиной, В. В. Цаплина, В. Н. Автократова об экспертизе ценности архивных документов и комплектовании советских архивов¹².

¹² Там же. С. 22–40; 69–87; 172–218.

Все они носили программный характер и касались теоретического обоснования новой системы комплектования и экспертизы ценности документов советской истории. Сегодня, когда реализация этой системы стала состоявшимся фактом, важно еще раз рассмотреть логику рассуждений ее создателей. Она сводилась к следующему. Объем создаваемых в стране документов растет. Никакому государству не под силу все их сохранить. Главное же — в этом нет и необходимости, т.к. существует «неравноценность» фиксации документами реальной действительности. Она определяется функциональным предназначением учреждения, организации, предприятия, т.е. их ролью в общественной жизнедеятельности и функциональным предназначением документов, создаваемых в процессе их деятельности. Следовательно, можно отсечь часть учреждений, а значит, и все создаваемые ими документальные комплексы от какого-либо внимания со стороны архивистов, а в остальной части учреждений отсечь определенные виды документов, связанные с их незначительным для понимания роли учреждения, организации, предприятия функциональным предназначением.

Протицируем авторов: «Каждая «жизнь» (или отрасль) проявляется, в первую очередь, в деятельности участвующих в ней людей. В то же время эта деятельность невозможна без соответствующей организационной формы, то есть системы государственных и общественных учреждений и предприятий, связанных между собой подчиненностью, целевым назначением и определенной сферой деятельности. Такую систему учреждений представляет конкретное министерство с его центральными и местными органами или какое-либо другое ведомство. При этом каждая «жизнь» (отрасль, сфера деятельности) бывает представлена обычно несколькими ведомствами, без системы учреждений которых она не в состоянии проявить себя достаточно полно и законченно...»¹³.

¹³ Там же. С. 25

И далее: «Следовательно, каждое ведомство бывает представлено далеко не равнозначными учреждениями различного назначения, роль которых в выполнении задач, стоящих перед ведомством в развитии данной отрасли жизни общества, также различна. Одни из них непосредственно участвуют в ее развитии и по праву могут быть названы основными учреждениями, другие же лишь способствуют созданию необходимых условий для их работы»¹⁴.

Авторы вводят понятие «документного оптимума», суть которого заключается в выстраивании приоритета документов «безусловно важных» перед «менее важными и незначительными», а цель — при минимуме документов, поступающих в архив, обеспечить максимум сохранения информации о произошедшем. Автократов, например, прямо писал о «неравноценности документов перед лицом исторического познания».

Эти общие теоретические рассуждения, интересные сами по себе, уже во время их обнаруживания казались спорными. В наши дни они еще больше вызывают вопросов. Прежде всего в целом ряде отраслей современной российской действительности оправданно и не оправданно, но разрушены вертикальные и горизонтальные связи, позволявшие ранее вполне обоснованно говорить о системности документов. «Системы документирования как законченные линии информации» с вертикальными и горизонтальными связями хотя и существуют (и будут существовать), но уже в четко фиксированных отраслях. «Разлив информации» становится все более и более ограниченным. Кроме того, ранее стандартизированная «повседневность», включая, например, одинаковый статус однотипных учреждений, организаций, предприятий, позволявшая вполне обоснованно говорить о выборке в той или иной ее форме, ныне уже стала разнообразной. К этому надо добавить, что переходный

¹⁴ Там же. С. 26.

характер современной российской действительности ставит особую задачу сохранения о ней документальной памяти во всей ее полноте и разнообразии, чтобы будущие ее исследователи смогли лучше понять, что и как из нее выросло, а что завяло и ушло безвозвратно.

Каковы же выводы можем сделать сегодня мы, читая разработки наших коллег-предшественников о теоретической модели комплектовании советских архивов и экспертизе ценности документов?

Первое. В условиях советской действительности они довели до совершенства теоретическую основу административно-командной системы комплектования советских архивов. В отношении документального наследия советской истории она оказалась абсолютно оправданной, хотя и не во всем эффективной. Она в значительной степени внесла упорядоченность в советский документальный хаос, позволив с высокой степенью адекватности сохранить документальное наследие советской истории. В отношении отраслей и систем документации, сохранивших признаки, о которых писали наши предшественники, она вполне применима и сейчас.

Второе. В то же время сегодня теоретические послы разработчиков этой системы нуждаются в серьезной корректировке. Идея самооценности документа как фиксации и запоминания мгновения действительности в качестве важнейшего принципа комплектования и экспертизы, может быть, окажется плодотворной, тем более, что большая часть критериев экспертизы ценности документов, сформулированных в советское время, кажутся вполне приемлемыми и для нашего времени. Правда, здесь нас может поджидать одна теоретическая ловушка, связанная с понятием документа, активно внедряющаяся в некоторых теоретических построениях последних лет. Смысл этой идеи заключается в том, что документом надо признавать только то, что включается в «систему документирования», т.е. реально выпол-

няет поставленную перед документом задачу. Согласно этой позиции черновики и проекты документов документами не являются, а представляют собой всего лишь «скомканную бумажку», место которой в корзине. Такой подход пока раздается из среды документоведов, а не архивистов.

Древние говорили приблизительно так: не думай, что ты умнее своих предшественников в чем-либо, приличнее считать, что ты более опытен и этот опыт дает тебе время. Поэтому не стоит серьезно упрекать в чем-либо наших предшественников. В идеологическом государстве с его административно-командной системой управления они разработали почти во всем стройную и не противоречивую теорию документа — от его создания до бытования в качестве архивного документа и документального исторического источника и методы управления им и документальным наследием. Для государства под названием СССР они были безупречны, отражая его ценности и принципы организации жизнедеятельности. Как и положено в идеологическом государстве, они всего лишь прикрывались цитатами из классиков, а не опирались на них, ради главного — по крайней мере сохранения документального наследия советской истории. Эти теория и методы в своей значительной части себя оправдали. Сохраняют свое значение они и сейчас, оставаясь ядром современной теории архивоведения.

Вершиной советского архивоведения стала докторская диссертация В. Н. Автократова, изданная уже после смерти автора отдельной книгой.¹⁵ О важнейших положениях этого труда мы будем говорить ниже в соответствующих главах. Здесь же отметим, что в рамках марксистско-ленинской методологии им была предложена первая системная модель архивоведческого знания о документе как информационном продукте и архиве как особой информационной системе.

¹⁵ *Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001.*

После выхода в свет названных выше работ развитие архивоведческого знания сосредоточилось на частных рассмотрении его отдельных сюжетов, причем, такое рассмотрение до сих пор носит изолированный друг от друга характер, когда авторы, анализируя ту или иную проблему, будто не слышат друг друга, ограничиваясь библиографическими ссылками на предшественников или в лучшем случае говоря о дискуссионном характере их идей. И только в последние годы постепенно обозначилось общее ядро таких исследований – документ как цивилизационное явление. В рамках этого ядра наметилось и осмысление электронного документа как части объекта традиционного или особого объекта будущего пока еще не совсем ясного архивоведения.

Из работ теоретического характера следует выделить прежде всего труды Т. И. Хорхординой¹⁶. Для них характерны широкая источниковая база, интерес к персональным разработчикам архивоведческих проблем и в большинстве случаев удачные попытки рассмотрения архивоведческой мысли в динамике, в борениях разных идей и преемственности развития части их. Разработки Хорхординой, пожалуй, впервые в историографии убедительно показали существование и особость архивоведческого знания как знания об архивном документе и архивах.

Обобщенный характер решения современных проблем архивного дела с экскурсами в различные собственно теоретические проблемы архивоведения был предложен в учебном пособии коллектива преподавателей Историко-архивного института РГГУ¹⁷. Это на сегодня наиболее добротное изложение современных архивных технологий, предложенное в яркой дидактической форме.

¹⁶ Помимо названных выше исследований автора см. также: *Хорхордина Т. И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

¹⁷ *Бурова Е. М., Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П.* Архивоведение (теория и методика): учебник для вузов. М., 2012.

И тем не менее в последнее двадцатилетие архивоведческая мысль медленно, противоречиво, в дискуссиях нащупывает новые подходы в осмыслении документа, документальной памяти и архивов. К настоящему времени сложились не менее пяти направлений или подходов такого осмысления. Традиционный административный подход находит свое отражение в разработках Е. А. Плешкевича¹⁸. Культурологический подход продемонстрирован в исследовании Г. Н. Швецово-Водки¹⁹. О когнитивном понимании документа и архива было заявлено в незавершенных в связи со смертью работах О. М. Медушевской²⁰. Оригинальными и успешными выглядят исследования Г. А. Двоеносовой, основанные на синергетической теории мира²¹. Наши разработки в этом смысле можно считать основанными на архивно-источниковедческой трактовке традиционных и новых проблем архивоведения. Они восходят к ряду идей К. Б. Гельмана-Виноградова, впервые широко заговорившего о документальной памяти как одном из феноменов человеческой цивилизации²².

Настоящая монография представляет собой попытку создания системы теоретического знания о документе как

¹⁸ См., напр.: Плешкевич Е. А. Эволюция теоретических представлений о документе. М., 2011.

¹⁹ Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги. Учебное пособие. М.; Киев, 2009.

²⁰ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

²¹ Двоеносова Г. А. Объект и предмет теории документа // Документ. Архив. Информационное общество. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Москва, 26–27 сентября 2013 г. М., 2014. С. 14–24; Она же. Документ и его роль в обществе // Документация в информационном обществе: нормативно-методическое обеспечение управления документами. Доклады и сообщения на XXI Международной научно-практической конференции 18–19 ноября 2014 г. М., 2015. С. 289–296.

²² Гельман-Виноградов К. Б. Особая миссия документов. М., 2009.

носителе особого типа исторической памяти — документальной — и архиве как информационной системе, обеспечивающей сохранение и трансляцию документальной памяти. В ней автор стремился не противопоставлять такое теоретическое знание разработкам в области архивного дела, основанным на изложении и комментировании законодательных и нормативных актов, регулирующих его, а использовать их в необходимых случаях в теоретических построениях. В этом смысле книгу следует рассматривать как вводный или, наоборот, заключительный курс к курсу практического архивного дела.

ГЛАВА 1

АРХИВОВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Архивоведение и его основные проблемы. В качестве научной дисциплины архивоведение представляет собой систему знания, рассматривающего документ как особый цивилизационный продукт, его трансформацию из регулятора человеческой жизнедеятельности в носителя особой — документальной — памяти о ней, организацию ее сохранения и трансляции.

Если отвлечься от деталей, то главными задачами архивоведения является поиск ответов на вопросы: для чего человечеству потребовалось такое изобретение как документ, зачем нужно его сохранение уже как архивного документа, как происходит его трансформация в частичку историко-культурного наследия и трансляция его памяти о прошлом для обеспечения общественных запросов настоящего и будущего. Ответы на эти вопросы имеют прямое отношение к жизнедеятельности общества, т.к. в их основе находится понимание документальной памяти как особого типа памяти общества о себе в прошлом и признание важности ее сохранения и использования в современной и будущей жизни людей. Они могут быть получены при исследовании объекта архивоведения — документа и его предмета — архива как организованной совокупности документов.

Эти главные проблемные вопросы архивоведения сопровождаются комплексом других — частных, но не менее важных для понимания феномена документа. Речь идет о необходимости и достаточности сбережения той части документальной памяти, которая сохраняет свою полезность и ценность. Какая часть документальной памяти должна быть обязательно сохранена и в качестве исторической документальной памяти может обеспечить репрезентативные ответы на современные и неизвестные будущие запросы к ней об ушедшем времени? Как рационально упорядочить миллиарды носителей этой исторической документальной памяти — документы, организовать их эффективный поиск и управление их использованием? Где пределы несвободы и свободы документальной памяти? Какое место занимают архивы как хранители и трансляторы документальной памяти в системе других депозитариев исторической памяти?

Настоящая книга содержит попытки ответов на эти и другие вопросы. Эти ответы в своей значительной части не новы, являясь обобщением практического, технологического и методического опыта управления документами, накопленного в нашей стране. Они лишь содержат попытку «приподнять» архивоведческое знание, сделать его более системным и теоретическим, связать такое знание с рядом современных общественных проблем, среди которых наиболее близкой к архивоведению является проблема формирования и использования документальной памяти как одного из типов исторической памяти, одного из «кирпичиков» общественной жизни, способного удовлетворить интересы человека, общества и государства в их разных стремлениях постигнуть прошлое.

Документ — объект архивоведения. В главе 2 будет подробно рассмотрена роль документа в человеческой жизни. Эта роль, была и есть вещью самодостаточной, а потому требующей осмысления. Здесь же заметим, что документ играет каждый раз свою особую роль в таких дисциплинах как

документоведение, археография, документальное источниковедение. Как и в этих дисциплинах, в архивоведении ему отведено ключевое место.

Объект любой науки — это нечто сущностное, обобщенное и всеобщее, что пронизывает все ее разделы. Если мы обратимся к самой близкой к архивоведению научной дисциплине, которую столетиями разрабатывали корифеи отечественной культуры, к знанию, называемому книговедением, то обнаружим, что в нем объектом в ряде исследований признается книга. И ни у кого никогда не было сомнения в том, что это не так. Почему же тогда в архивоведении мы до сих пор спорим о его объекте? Этому можно дать только одно объяснение. Архивоведение как научное знание развивалось в более жесткой чем книговедение познавательной среде. Оно испытывало сильнейшее административное давление, поскольку в первую очередь было связано с государственным управлением, частью которого архивы были, есть и будут. Книга же, как элемент прежде всего публичной культуры, всегда привлекала большее внимание и ее феноменом занимались лучшие мыслители прошлого. Кроме того, столетия книга как физический объект выглядела понятно — это был тиражированный кодекс, неизменчивый в своих экземплярах.

Таким образом, по аналогии с книговедением объектом архивоведения мы должны признать документ. Но дело не столько в аналогии, сколько в сущности архивоведческого знания. Документ попадает в сферу архивоведческого знания сразу же после его создания. Номенклатура дел есть ничто иное как результат документоведческого и архивоведческого знания одновременно. Селекция документов на стадии их экспертизы ценности — это также результат документоведческого и в еще большей степени архивоведческого и источниковедческого знания. А после «прополки» документов документ, оставленный для вечного сохранения, уже в качестве архивного документа становится объектом

осмысления, во-первых, как рукотворное свидетельство о прошлом, во-вторых, как объект, требующий особой системы упорядочения, и, в-третьих, как объект его постпрактической регулирующей фазы бытования уже в качестве объекта использования.

Выше мы уже говорили, что если посмотреть в исторической ретроспективе, то можно заметить, что наше архивоведение, многие годы являясь административным архивоведением, т.е. архивоведением класса документов государственного официального происхождения, не торопилось признавать другие классы, типы и виды документов в качестве своего объекта. И это на фоне того, что архивное дело реально уже активно работало с классом документов личного или сакрального происхождения. Рукописные отделы при императорской Публичной библиотеке и Румянцевском музее являлись красноречивым подтверждением этого. Если мы откроем описание рукописей Румянцевского музея А. Х. Востокова или описание рукописей собрания графа Ф. А. Толстого К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева¹, то увидим, что значительную часть этих двух классических описаний составляют богословские и богослужебные рукописи. Более того, рукописную коллекцию Московского государственного архива Министерства иностранных дел, а до того — Московского архива Коллегии иностранных дел, содержащую преимущественно документы личного происхождения, начали активно формировать сами архивисты — Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, М. А. Оболенский. Архивоведение как научное знание явно отставало от архивного дела, которое уже в начале

¹ *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842; *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825 (с последующими «прибавлениями»).

XIX в. включило классы документов личного и сакрального происхождения в сферу своих интересов.

И не только в этом. Административное архивоведение, например, после появления фотокинофонодокументов не очень спешило признать их документами, если посмотреть на определения архивоведения и археографии в энциклопедических словарях конца XIX в. Фотодокументы получили статус документа только после того, как они стали использоваться в следственно-судебной практике как доказательство, а фонодокументы, по всей вероятности, только после того, как поняли, что это не только способ развлечения, но и живое слово, голос, правда, пока еще только выдающихся людей – совсем даже не только певцов, композиторов или музыкантов, а мыслителей, например, Л. Н. Толстого. Долгое время и кинодокументы оставались способом развлечения до тех пор, пока, скорее всего после коронации Николая II, не стало ясно, что они являются мощным пропагандистским средством – документом публичным, наглядным и массовым².

² Не раз и не два, давно и недавно, приходится слышать и читать о некоей особенности аудиовизуальных документов. Из известных нам работ эту «особость» постарался обосновать Р. Эдмондсон – сотрудник Национального архива кино и звукозаписей Австралии, который на различные гранты написал пространный отчет «Философия аудиовизуального архивирования» (Эдмондсон Р. Философия аудиовизуального архивирования // Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков. (Отечественный и зарубежный опыт). М., 2003. С. 241–242).

Для данной главы важны два вывода автора. Вывод первый: «Философия аудиовизуального архивирования может иметь много общего с философией других аналогичных профессий, но предполагается, что она должна идти скорее от природы аудиовизуальных носителей информации, а не быть автоматической аналогией тех профессий». Вывод второй: «Аудиовизуальное архивирование рассматривается на практике (но еще не официально) как полноправная профессия. Из этого следует, что оно рассматривается не как часть уже существующих «собираетельских» профессий таких как архивная наука, библиотечное дело или музеология, а наряду с ними (здесь и далее выделено нами – В. К.)».

Заметим, что ни одно из определений документа, тщательно проанализированных в книге Г. Н. Швецово-Водки³, не может быть положено в основу архивоведческого знания. Мы здесь находимся пока в поисках. Если это материальный объект с закрепленной на ней информацией, то в это понятие надо включать не только книгу, но и любой продукт, созданный человеком — он материален, несет информацию о своей конфигурации, цвете, запахе и т.д. Раньше мы могли как-то отделять книгу от документа, исходя из их разной степени доступности — книга была продуктом изначально более публичным, чем документ. Но тогда из числа документов мы должны исключить кино, видео, фонодокументы, большая часть которых изначально публичная по своей сути как и книга. Интернет вообще сравнивал по степени публичности книгу и документ.

Феномен документа архивоведение должно объяснить каким-то иным образом, вероятно, через его главную функциональную заданность — регулирование человеческой жизнедеятельности. Но и здесь есть свои нюансы, связанные с классом документов личного происхождения — что регулируют они? Если они регулируют духовную жизнь, то книга тут также не самый последний регулятор. Правда, книгу

Нам кажется, что «природа» происхождения любого типа и вида документа едина и неделима: носитель информации как материальный объект и сама информация в виде структурированных сообщений. «Философия аудиовизуального архивирования» Эдмондсона на самом деле есть ничто иное как попытка преодоления инерции небрежения к аудиовизуальному документу, имеющее быть не только в России. И в прагматическом смысле обе его идеи, подчеркивающие *особость и важность аудиовизуального документа*, не вызывают никаких возражений.

Однако попытка представить «особость» аудиовизуального наследия человечества от всего документального наследия, в России закрепляемая даже нормативно, оборачивается горькими последствиями и результатами в практической сфере, приводя к масштабным утратам аудиовизуальных документов, о чем мы еще будем не раз говорить.

³ *Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги. Учебное пособие. М.; Киев, 2009. С. 17–20.*

можно считать одной из форм бытования архивного документа, который в этом смысле всегда первичен и уникален, если учесть, что книга прежде чем стать таковой существует как нетиражированный документ.

Современное архивное дело, кажется, ушло консерватизм архивистов конца XIX в. Поэтому оно без колебаний признало, что электронные способы и средства фиксации информации создают ничто иное как документ. Однако осмысление электронного документа в рамках архивоведения явно отстает. Возможно, прежде всего потому, что это уже какое-то другое архивоведение. В нем, в принципе, отсутствуют или, вернее, не имеют ровно никакого значения такие архивоведческие проблемы как фондирование, экспертиза ценности, профиль архива и др. В нем документ как материальный объект отсутствует. Здесь имеется лишь некая нематериальная сущность, называемая информацией и всего лишь средства ее фиксации — вместо пера, фотоаппарата или типографского станка — электронные устройства. Локальные электронные сети, Интернет кажутся похожими на описанный Ст. Лемом в одном из его фантастических произведений под названием «Солярис» океан, где мириады капель воды, вдруг становятся единым, живым организмом. Тем не менее электронный документ способен материализоваться и в традиционных формах — в виде принтерной распечатки или разных электронных дисков, а в будущем — и еще чего-то другого.

Конечно же историк скажет, что информация архивного документа важнее его самого. Архивист никогда не встанет на эту точку зрения, ибо он хранит, организует и обеспечивает использование документа. Архивная информация для него всегда не то, чтобы вторичная вещь, а вещь равнозначная с ее носителем, ибо он знает, что если не будет архивного документа, то не будет и архивной информации, а не наоборот.

Документ как объект архивоведения связывает все части архивоведческого знания, присутствуя в каждой из них.

Он рождает проблемность архивоведческого знания, ставя новые задачи и требуя новых методов их решения.

Совокупность архивных документов — архив — как предмет архивоведения. Предметом архивоведения является совокупность архивных документов, выступающих в качестве организованной и неорганизованной сущности — архива. Если документ представляет собой исключительно единство информации и ее носителя, то архив существует только как средоточие архивных документов, как их обособленное объединенное бытование. Без архивного документа существование архива невозможно. Документ рождает архив, а архив обеспечивает особую жизнь документу, точнее — его некоей совокупности. Такое объединение может быть кратковременным, долговременным и относительно постоянным. Рассмотрение архива как предмета архивоведения открывает возможности понять «жизнь» в нем архивного документа как важнейшей части информационной системы архива и одновременно как самодостаточный продукт человеческой жизнедеятельности. Такое рассмотрение ставит перед архивоведением задачи разработки различных основных и второстепенных вопросов упорядочения и использования архивных документов.

Архив как совокупность архивных документов является результатом реализации неких представлений о нем его организаторов. Они формируют *модель архива*, отражающую особенности функционирования трех основных направлений его деятельности — комплектование, обеспечение сохранности и использование. Архивоведение призвано предложить наиболее оптимальные элементы такой модели, носящие как типовой, так и специфический характер.

Архив как предмет архивоведения представляет интерес не только своей моделью, в которой его *профиль* является важным организующим архивные документы признаком. Это еще и определенный административный, социальный, научный, культурный, правовой, информационный орга-

низм, жизнедеятельность которого подчиняется, как и вся человеческая жизнь, определенным публичным и непубличным правовым нормам, а также выражается в непубличных проявлениях реальной жизни, т.е. говоря старым термином — «обычным правом». Архивоведение, рассматривая архив как свой предмет, разумеется, не может не иметь в виду эти аспекты его состояния, но все же должно его канализировать в свою прикладную часть — архивное дело. Зато осмысление развития этой прикладной части архивного дела должно быть одной из составляющих архивоведческого знания.

Таким образом, документ и архив как объект и предмет архивоведения являют перед нами двуединую сущность архивоведческого знания. Его четкие объектность и предметность подчеркивают необходимость и особость такого знания и дают возможность определить место этого знания в иерархии научного познания вообще. Важнейшим критерием установления этого места является понимание архивоведения как знания о регулирующей роли документа в жизнедеятельности человека, общества и государства и запоминании им процессов и результатов такого регулирования. Архивоведение, таким образом, можно отнести к классу наук, связанных с разработкой проблем различных типов памяти. Ее границы среди разных типов памяти определяются памятью документальной. В системе познания мира и человека архивоведение занимает свое особое место, постигающее феномен документа как интеллектуального продукта человеческой жизнедеятельности и объясняющее его роль в сохранении и трансляции прошлого как документальной памяти о нем.

Принципы архивоведения. Принципы в науке — это некая мировоззренческая позиция, признающая определенные познавательные постулаты. Они позволяют с помощью различных методов познать сущность изучаемых объекта и предмета, если повезет, выявить некие закономерности их

бытования. Принципы — это методология субъекта, изучающего некие объект и предмет — в нашем случае документ и архив. Ошибка в их формулировке неизбежно скажется на понимании объекта и предмета любого знания и на методах его получения. Иначе говоря, принципы какой-либо науки — это своего рода дорожная карта, а ее методы — это способы движения по такой карте к цели.

Последней попыткой сформулировать архивоведческие принципы стал учебник по архивоведению 2012 г., подготовленный в ИАИ⁴. Мы не будем их комментировать, ибо по ходу дальнейшего повествования в этой книге станет понятно, насколько предлагаемые в ней положения совпадают и расходятся с учебником.

Применительно к архивоведческому знанию мы сегодня можем говорить о двух общенаучных принципах, без которых его существование и приращение невозможны.

Первый принцип хорошо известен и в определенной степени проработан. Это *принцип историзма*. В архивоведении принцип историзма находит свое выражение в нескольких признаках. Во-первых, архивоведческое знание по своей природе исторично. т.к. историчен его объект — документ, фиксирующий время в разные моменты состояния проживающего в нем социума. Во-вторых, сам документ изменяется во времени: меняются его носители, появляются новые виды и разновидности документов на фоне отмирания старых. В-третьих, не остается во времени статичным предмет архивоведения — архив. Он либо постоянно изменяет состав своих документов, либо увеличивает свой объем, либо изменяет среду бытования в нем документов. В-четвертых, не каждый архив сохраняет свое место среди других архивов. Он может быть ликвидирован, объединен с другими, раздроблен, изменить свою ведомственную принадлежность и

⁴ Бурова Е. М., Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П. Архивоведение (теория и методика): учебник для вузов. М., 2012.

т.д. под воздействием экономических, политических и иных решений.

Иначе говоря, и объект и предмет архивоведения постоянно меняют свои признаки под воздействием фактора времени. Эта изменчивость объективна, хотя имеются случаи и субъективного характера, о которых в соответствующем месте мы еще будем говорить.

Архивоведение учитывает принцип историзма при выработке рекомендаций по комплектованию, обеспечению сохранности и использованию архивных документов. Например, введение ограничительной даты, до которой любые архивные документы не подлежат уничтожению, или разные принципы описания архивных документов в зависимости от времени их создания есть ничто иное как реализация принципа историзма.

Его использование в архивоведении ныне особенно актуально. Как мы помним, по Августину Блаженному времени будущего и времени прошлого не существует, есть только время настоящего. В гносеологическом смысле это означает, что познание прошлого невозможно и что возможна лишь конструкция прошлого в интересах настоящего.

Такое понимание времени просто убивает архивное дело и тем более делает не нужным архивоведение. Оно игнорирует необходимость изучения документальных исторических источников, т.е. архивных документов, и всю сферу, связанную с их осмыслением. При таком понимании прошлого и его воспроизведении документальный исторический источник является всего лишь иллюстративным материалом, а не основой вскрытия прошлого.

Не стоит думать, что точка зрения Августина Блаженного канула в Лету. Она не только жива, но и распространена и сегодня. Она исходит из признания определяющей роли конструирования, а не реконструкции прошлого. В таком подходе по большому счету нет места не только докумен-

тальному историческому источнику, но и архивоведению как одной из сфер его осмысления и упорядочения.

Поэтому сегодня говорить о принципе историзма в архивоведении, значит, демонстрировать непреходящую роль архивных документов в познании прошлого, показывать непрерывность времени, запечатленную в архивных документах и архивах, поддерживать общественный оптимизм в отношении будущего и рассудочность в понимании прошлого.

Второй общенаучный принцип архивоведческого знания — *принцип обязательной классификации его объекта и предмета*. Любое знание, претендующее на по крайней мере научную дисциплинарность, невозможно без классификации ее объекта и предмета, позволяя установить общее и особенное в различных частях, составляющих их.

Документоведение, архивоведение, археография, документальное источниковедение имеют дело с бесконечным множеством документов. Без классификации это множество будет казаться хаосом. В документоведении основой такой классификации является функциональный подход, в архивоведении — принцип происхождения или пофондовый, в археографии — сразу несколько принципов, включая и наиболее универсальный — хронологический, в документальном источниковедении — функционально-хронологический, повидовой и др. Все эти классификации являются компромиссным отражением двуличной природы документа — как физической сущности носителя информации и способов ее фиксации, и в качестве собственно информации, носящей как и человеческая жизнедеятельность многообразный характер. Существующие в четырех названных дисциплинах разные основания классификации не мешают этим дисциплинам жить и развиваться, но уж коли мы говорим об архивоведении, очевидно, что стоит подумать и об общих основаниях такой классификации и в этой научной дисциплине.

Если существует некая система, а точнее в наше время система систем документирования человеческой жизнедеятельности, что давно доказано и не подлежит сомнению, то архивоведение вместе с документоведением обязано предложить их непротиворечивую классификацию. Тут мы сталкиваемся с пока еще не разрешенной проблемой — таких классификаций множество в нашей литературе и в них не просматривается убедительного единства. Классификация, основанная на целевой заданности, т.е. на функции документа, кажется нам наиболее убедительной для документоведения и приемлемой для архивоведения. К сожалению, и она не имеет общепринятых схем.

Однако, если мы признаем, что документ, как объект архивоведения в конце концов приобретает в архиве историко-познавательную функцию, то тогда его классификация в архивоведении возможна на совершенно иных основаниях. Они связаны, например, с тем, что совокупности архивных документов способны показывать зарождение события и явления, их развитие, завершение, результаты и последствия.

Тут важно подчеркнуть особую роль в такой классификации архива. Выше уже говорилось, что архив с позиций архивоведения является не только административной институцией, но и информационной системой, в которой документ становится ее опознанной частичкой, связанной с другими документами. Архив почти всегда концентрирует лишь часть каждой документной системы. Но зато он обеспечивает объединение всех этих частей. И в этом смысле следует еще раз подчеркнуть, что профиль архива является одним из системообразующих принципов архивоведческого знания. Его несоблюдение приводит либо к избытку, либо к недостатку архивных документов в архиве.

Профиль архива является надежной основой и для классификации архивов. Именно он дает возможность свести все их многообразие к нескольким классам, типам и видам,

обеспечивая не только их познавательную упорядоченность, но и более эффективный предметный поиск необходимой пользователю информации.

Таким образом, принцип классификации в архивоведении позволяет предлагать архивному делу как универсальные, так и специальные схемы организации архивных документов и их хранения в рамках разных по профилю архива. Ниже на этих вопросах мы остановимся более подробно, учитывая, что принцип классификации в архивоведении тесно связан с поиском архивных документов.

На наш взгляд можно говорить не менее чем о девяти существенно специальных архивоведческих принципах, отражающих специфику архивоведческого знания и познания.

Первым специальным принципом архивоведения можно назвать *принципом документального запоминания прошлого или принципом документальной памяти*. Понятие памяти универсально. Это память физическая, когда мы, например, видим вспышку сверхновой звезды, канувшей в небытие иногда миллионы лет назад. Это память физиологическая, сохраняющаяся нашим мозгом, а, может быть, и сердцем. Это память генетическая о каждом из нас как неповторимом божественном или природном создании. Это память быденная, устная, словесная, передаваемая одним поколением другому. Наконец, это память историческая, сообщаемая нам историками. Обращаем внимание на одну особенность современного знания о памяти — оно очень разветвлено. Однако ни в одной классификации типов и видов памяти мы не увидим даже намека на ее особый тип — документальную память. О ее особенностях мы писали неоднократно. Подчеркнем, что эти особенности как раз и дают нам возможность отделить документ как, говоря словами О. М. Медушевской, интеллектуальный продукт от других интеллектуальных продуктов, создаваемых человеком, например, от стула, пера или бумаги, а значит, идентифицировать знание о нем как особое — архивоведческое знание.

Почему документальная память, это важнейшее системообразующее понятие архивоведческого знания, отсутствует в нашем архивоведении или проскакивает в нем скороговоркой слов? Ответ надо искать в том, что его до сих пор подавляет другое понятие. Оно было изобретено нашими выдающимися предшественниками в условиях государственного нестроения и Гражданской войны, когда нужно было спасать архивные документы. Это понятие, потом не раз модифицировавшееся, сегодня называется Архивным фондом России. На наш взгляд, это не научное архивоведческое, а чисто административное понятие, играющее и сегодня важнейшую организующую роль в архивном деле. От этого нашего чисто российского «ноу-хау» ни в коем случае мы не должны отказаться. Но оно имеет отношение только и исключительно к управлению архивным наследием нашей страны, ну и еще, быть может, к архивному наследию бывших республик СССР, где оно с некоторыми модификациями продолжает использоваться. В архивоведении других стран ничего подобного нет.

Итак, в архивоведческом знании понятие «документальная память» должно занять ключевое системообразующее место, а принцип документального запоминания должен стать важнейшим. Если это особый тип памяти, то мы должны непременно показать эти особенности. Иначе говоря, объяснив и поняв специфику документальной памяти, мы должны в рамках архивоведения как знания не технологического, а теоретического, выявить особенности ее сохранения, организации и трансляции.

Принцип документального запоминания прошлого ставит вопрос о *полезности и ценности для человека, общества, государства документальной памяти*, который является ничем иным как вторым сугубо архивоведческим принципом. Принцип полезности и ценности документальной памяти предполагает безусловное вечное сохранения ее некоей части. Этот принцип открывает возможности для рассуждения

и ответа на вопрос: зачем? Прежде всего, чтобы современные Августины Блаженные безмолвствовали. Это – в жизни, а с позиций архивоведения надо объяснять, почему рано или поздно утилизируются заводы и фабрики, самолеты и подводные лодки, а их чертежи и все документы, связанные с их созданием, сохраняются? Ответ или ответы на этот вопрос – одна из ключевых архивоведческих проблем. Она так или иначе связана с признанием того, что мир естественный, природный, и мир общественный, человеческий, не могут жить не только без документальной памяти в каждое мгновение их состояния, но и без ее сохранения для трансляции в будущее. В природном мире такое запоминание обеспечивают, как уже говорилось выше, гены, в человеческом – документы.

Этот второй специальный архивоведческий принцип имеет прямое отношение, например, к сфере комплектования архивов. Этот же принцип предполагает общепринятые обоснования репрезентативности сохраняемой части документальной памяти, в том числе с учетом развития современных информационных технологий.

Природное свойство запоминания и его передача сохраняются естественным и пока независимым от воли человека путем. Оказывается, сохраняя в неизменчивости некое ядро, оно способно трансформироваться, создавая бесчисленное множество живого мира. Наука под названием генетика всегда стремилась к тому, чтобы не только изучать эти множества, но и сохранять их. Иначе невозможно объяснить, почему С. И. Вавилов колесил по свету, собирая семена разных злаков, коллекция которых была сохранена в блокадном Ленинграде. Так и архивоведение. Оно призвано обосновать необходимость сохранения документальной памяти – памяти не только о человеке как физиологическом объекте, но и как существе социальном, о совокупности людей в их разных состояниях, в том числе в рамках их государственных образований.

Принцип сохранения документальной памяти вытекает из историчности бытия каждого поколения человеческих сообществ и людей. Множество видимых и невидимых нитей связывают нас с прошлым, делают это прошлое не только полезным, но и ценным. Оно востребуется по самым разным причинам практического, познавательного, политического характера. Эта востребованность то сжимается, то расширяется, то узко локализована, то широкополосна. Но она существовала и существует всегда.

Отсюда возникает потребность не только отбора, но и сохранения документальной памяти. Она не может реализовываться усилиями лишь энтузиастов-одиночек, общественными организациями, оставаясь сферой ответственности прежде всего государства. Архивоведение разрабатывает общепринятые разумные принципы такого сохранения, становящиеся обязательными после их государственного признания, например, в виде специальных рекомендаций и даже правил. Архивы обеспечивают это сохранение документальной памяти.

Что такое архив? Во-первых, это некая институция юридически самостоятельная или не самостоятельная в структуре самостоятельной институции. Во-вторых, везде и всегда она не является постоянной. Она изменчива во времени: сегодня она есть, завтра ее нет. Это всего лишь оболочка, в которой существует, продолжает свою жизнь документ. Однако, в-третьих, при любых своих изменениях эта структура — самостоятельная или нет — точно всегда и везде обеспечивает сохранение документов и трансляцию их информации. И то, и другое может изменяться во времени: изобретаются новые средства сохранения документов и трансляции их информации. И все это ради одного — обеспечения сохранности документа и его информации.

Принцип сохранения документальной памяти тесно связан с четвертым специальным архивоведческим принципом, который можно назвать *принципом упорядочения документов*.

У этого архивоведческого принципа существуют как бы две ипостаси.

Первая — это физическая упорядоченность и вторая — учетная упорядоченность. Незыблемая сущность первой — это архивный фонд и архивная коллекция. Только эти упорядочивающие единицы обеспечивают преодоление архивного хаоса.

Учетная ипостась принципа упорядочения документов среди прочего предполагает обязательную персонализацию документа по крайней мере на уровне характеристики его вида, автора, времени создания, стратиграфии, т.е. фиксации местонахождения документа среди других документов в архиве.

Без практической реализации принципа упорядочения, который является своеобразной «паспортизацией» документа, сам документ становится мертворожденной сущностью. Он остается вне его познания. Он становится одиноким странником, заблудившимся среди миллиардов других, таких же неопознанных странников.

Незыблемая сущность второй ипостаси этого принципа — закрепление этой упорядоченности и недопущение ее изменения. Они обеспечиваются системой учетных документов и НСА, в которых опись дел или документов играет основополагающую роль. Опись дел или документов — это не опись предметов некоего склада. Если последняя всегда динамична, то первая — абсолютна статична, реализуя четвертый принцип архивоведения. Поэтому, если архивные фонды — это своего рода система планет Солнечной системы или наша Галактика, то их учетные документы являются ничем иным как каталогом объектов, составляющих нашу архивную Галактику.

Любое научное знание носит системный характер. Прежде всего потому, что части, составляющие его объект и предмет за внешней хаотичностью своего состояния являются всего лишь элементами такой естественной системы. Сле-

довательно, задача архивоведения как научной дисциплины заключается в характеристике этой системы. Во многом она давно выявлена и изучена. Это — документная система как некая совокупность взаимосвязанных документов, создающаяся для организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Более того, мы уже давно говорим о многих документных системах, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Иначе говоря, *принцип системности предмета и объекта архивоведческого знания* мы могли бы считать пятым специальным принципом архивоведения. Он охватывает все сферы архивного дела, имея особое значение в таких их проявлениях как экспертиза ценности документов и НСА.

Этот принцип означает, что документ не как абстрактная сущность, а как конкретное и реальное проявление взаимодействия между людьми и их сообществами, между человеком и государством всегда, а в наше время почти обязательно, является элементом некоей системы документов, а значит, находится в той или иной связи с документами такой системы. Причем, в отличие от книги такая связь в первую очередь естественная, определяющая само бытование документа, и лишь потом, как и в случае с книгой — основанной на логических построениях. Эта связь проявляет себя в горизонтальных и вертикальных документальных связях одного и нескольких фондообразователей, решающих общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека), в пространстве (например, дневники и мемуары нескольких человек, рассказывающие об одном и том же событии). На основе этого принципа документоведение, например, разрабатывает наиболее рациональные «цепочки» документов для документирования конкретных функций и с их учетом рекомендует первичную организацию хране-

ния документов. Архивоведение учитывает этот принцип, например, при экспертизе ценности документов, зная, что в такой «цепочке» происходит повторение, поглощение информации разных документов. Археография и документальное источниковедение при выявлении документов по теме документальной публикации или исследования стремятся максимально полно использовать или реконструировать по каким-либо причинам разрушенную связь документов «цепочки» для получения наиболее полного документального массива, отразившего факт, событие, явление, процесс прошлого. Поскольку этот принцип является не эмпирически заданным, а целевым исследовательским, его по определению невозможно закрепить нормативно.

Создание практически любого документа – почти всегда процесс субъективный, возможно, исключая документальную фиксацию физических, природных явлений, например, при измерении температуры, влажности воздуха, давления атмосферы. В этом смысле документоведение бессильно в своих возможностях ограничения такого субъективизма, даже там, где оно крайне необходимо, например, при документировании финансовой деятельности. Совсем иначе обстоит дело, когда документ становится объектом и предметом архивоведения, археографии, документального источниковедения. Для них *принцип беспристрастия*, т.е. максимально формализованного подхода к оценке и интерпретации документа, является основополагающим шестым специальным архивоведческим принципом. В архивоведении он важен, например, при экспертизе ценности документов, разработке НСА к архивным документам, в археографии – при конвоировании документа, в документальном источниковедении – при доказательстве подлинности и достоверности документального исторического источника.

Седьмым специальным архивоведческим принципом, на наш взгляд, является *принцип несвободы и свободы архивной информации*. Смысл его в том, что общество рано или позд-

но, вернее, обоснованно своевременно, но должно знать о деятельности своих институций и людей прошлого, какой бы она не была. В этом архивоведческом принципе находит свое выражение общенаучный принцип историзма. Архивоведение призвано объяснить уже не смысл документального запоминания, а роль документальной памяти для человека, общества, государства. Очень часто в этом смысле архивная информация носит болезненный характер. Нередко она подчинена корпоративным интересам. Но важно объяснить, что в потоке времени эти две вещи – ничтожны, а часто с высоты времен кажутся выдающимися по своему значению измерителями времени, препятствовавшему свободе архивной информации. Архивоведение должно показывать смысл, причины и последствия этого борения между свободой и несвободой архивной информации. Иначе говоря, принцип несвободы и свободы архивной информации похож на международный символ профессии архивиста – двуликого Януса. Одной стороной он символизирует недоступность документальной памяти, другой – ее неотвратимую свободу.

Восьмым принципом архивоведческого знания можно было бы признать *принцип необходимого и достаточного доказательства обоснованности рекомендаций и решений, связанных с управлением документальной памятью и документальным наследием*. Под необходимым в данном случае понимается совокупность неких общепринятых признаков, свойств, показателей, обеспечивающих объективность определенных теоретических постулатов, приемлемых для организации той или иной сферы архивного дела. Под достаточным имеется в виду признание истинности этих теоретических постулатов на основе анализа легших в их основу признаков, свойств и показателей. Например, в комплектовании архивоведческий принцип необходимого и достаточного связан с репрезентативностью формируемой документальной памяти, в НСА – с обоснованной глубиной и

детальностью создающейся вторичной архивной информации, в использовании — с полнотой выявленной архивной информации по теме запроса и т.д.

Девятым принципом архивоведения является *принцип неизбежного взаимодействия архивного документа и архива с общественным сознанием*, включая и ту его часть которая обычно ассоциируется с государством. Речь идет о содержательном, а не инфраструктурном взаимодействии. Общественное сознание постоянно востребует документальную память в самых разных, как увидим ниже, интересах. Одновременно и документальная память во многих случаях способна формировать общественное сознание прямо и опосредованно.

Таким образом, по меньшей мере два общенаучных и девять специальных принципов в нашем представлении определяют суть архивоведческого знания как знания теоретического в той мере, в какой это знание может выйти за границы описательности или свода нормативов и правил прикладного характера, важных для архивного дела. Они открывают возможности провести более или менее понятную границу между архивным делом и теоретическим архивоведческим знанием. Последнее в свою очередь в этом случае может очертить особую сферу человеческого познания, имеющего дело с таким цивилизационным продуктом как документ, утративший свою регулирующую функцию и обретающего историко-познавательное значение.

Методы архивоведения. Аккумуляирование накопленного и формирование нового знания о документе и архиве архивоведение обеспечивает с помощью общенаучных, специальных и частных методов изучения объекта и предмета с последующей трансляцией полученного знания на эти объект и предмет для их совершенствования.

Из общенаучных методов для архивоведения особый интерес представляют четыре.

Сравнительно-исторический метод позволяет проследить на протяжении всего времени существования объекта и предмета архивоведения особенности их бытования в разные исторические периоды, выявить характерные черты функционирования документа и архива, их развитие или отмирание во времени. Этот метод дает возможность, например, построить «дерево жизни» документов на протяжении столетий и тем самым показать связь возникновения, функционирования и отмирания разных видов документов, либо, наоборот, их стойкое соответствие политическим, социально-экономическим и духовным процессам в жизни человека, общества, государства. Он же позволяет проследить развитие типологии архивов — от их минимального разнообразия к некоей постоянно развивающейся системе, приноровленной к государственному устройству, формам собственности, типам и видам документов, особенностям их носителей.

Метод системного анализа объекта и предмета архивоведения открывает возможности рассмотрения документа и архива в системах документирования человеческой жизнедеятельности и в различных по типу и уровням депозитариях исторической памяти. Он позволяет, например, установить различные формы повторения и концентрации документной информации и определять с высокой степенью обоснованности документальные комплексы, подлежащие и не подлежащие вечному сохранению. С его помощью возможно создание взаимосвязанной системы поиска документов и документной информации в рамках архивного фонда, архива, системы архивов, установить по разным параметрам обоснованность такой системы

Метод функционального анализа объекта и предмета архивоведения позволяет создать иерархическую схему документов и архивов, дает возможность определять разные по своим классам, типам и видам документальные комплексы, а также по характеру информации выстроить рациональ-

ную систему депозитариев документальной памяти. С его помощью, например, можно создавать удобные для поиска документов и архивной информации документные классификации.

Метод наблюдения за состоянием объекта и предмета архивоведения позволяет описать состояние выделенных параметров документов и архивов и на этом основании сделать обоснованные обобщения об их новизне, рациональности и полезности использования в архивном деле. Этот метод дает возможность, например, анализировать сложившуюся систему архивов с точки зрения ее эффективности, своевременно обнаруживать новые элементы документирования человеческой жизнедеятельности и определить новые, соответствующие им, депозитарии.

Метод статистического анализа объекта и предмета архивоведения дает возможность на определенном временном отрезке выявить явления и процессы, характерные для их позитивного и негативного развития и тем самым выработать рекомендации по их поддержке или нейтрализации. Например, статистика использования разных документальных комплексов открывает возможности опережающего создания по ним научно-справочного аппарата или фонда пользования.

Среди специальных методов архивоведения выделяются метод типизации объекта и предмета архивоведения и метод моделирования организации и деятельности его предмета.

Метод типизации объекта и предмета архивоведения дает возможность определить типичность и особенность документальных комплексов и документов и на этой основе рекомендовать процедуры особых действий с ними (их выборку для вечного сохранения, создание страхового фонда, очередность и способы их научной обработки и др.), а также выделить классы, типы и виды архивов с присущими им особенностями для их учета при выработке рациональных систем организации хранения документальной памяти.

Метод моделирования организации архива и его деятельности позволяет обосновать ту или иную модель архива и определить его предназначение в сохранении и трансляции документальной памяти. Этот метод в последние годы, например, с разной степенью обоснованности применялся при решении вопросов о судьбе архивов бывшей КПСС и интеграции их деятельности с государственными архивами страны. В результате его наработки в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств привели к созданию самостоятельных архивов бывшей КПСС, филиалов государственных архивов или сделали архивы бывшей КПСС структурными подразделениями государственных архивов.

Метод реконструкции в архивоведении исходит из того, что одним из признаков объекта архивоведения (документа) и предмета источниковедения как науки (документального свидетельства о факте, событии, явлении прошлого) является их дискретность, т.е. разделенность как тех, так и других во времени и пространстве. Это – объективная заданность, характеризующая структуру объекта и предмета и процесс их изменения. Для источниковедения принципиально важным является нейтрализация дискретности документальных источников, в том числе преодоление разобщения всей совокупности архивных документов, отразивших то или иное событие, явление, процесс прошлого. Дискретность документов как объективная заданность, не позволяющая иметь одномоментно такие документы, чрезвычайно болезненна для источниковедения. Она усугубляется дискретностью предмета архивоведения – рассредоточением архивов в соответствии с их профилями и административно-территориальным делением.

Кроме того, практическая работа с документальной исторической памятью часто обнаруживает ее необоснованные лакуны, вызванные форс-мажорными и иными обстоятельствами, которые оказываются болезненными для исследования прошлого.

Для архивоведения нейтрализация признака дискретности связана не с реконструкцией всего источникового массива о событии, явлении, процессе прошлого, а с реконструкцией исторически или логически связанных с ними документальных комплексов – фондов, коллекций и др. Создание научно-справочного аппарата и есть один из вариантов такой реконструкции. Решая в ходе ее чисто архивные задачи, архивист устраняет названное выше неудобство историка, поскольку система научно-справочного аппарата обеспечивает ему возможность хотя бы в самом общем виде преодолеть дискретность источниковой базы и, значит, создать более благоприятные условия для исторической реконструкции. Архивоведение совместно с источниковедением вырабатывает также методы и приемы реконструкции утраченных частей документальной памяти. Иначе говоря, несмотря на разность целей и задач, в данном случае интересы источниковедения и архивоведения пересекаются, обеспечивая преодоление дискретности.

Таким образом, метод реконструкции позволяет архивоведению сформулировать и использовать подходы, во-первых, преодолевающие дискретность документальной памяти и, во-вторых, восстановления утраченной части документального наследия.

Из частных методов архивоведения традиционно и в наше время широкой популярностью пользуется метод демонстрации документа и архива, и метод оценки нормативно-методического обеспечения архивного дела как свода действующих норм, правил и методик работы с документами и работы архива.

Метод демонстрации документа и архива открывает возможности оценки их бытования с позиций некоей идеальной модели. С одной стороны, он открывает возможности вторжения архивоведения в процессы документирования, а с другой – позволяет оценить роль архива как информационной и институциональной сущности.

Метод оценки нормативно-методического обеспечения архивного дела позволяет определить своевременность, эффективность и полезность действующих правовых норм, правил и рекомендаций в управлении документацией и документальным наследием. Такая оценка позволяет своевременно ставить задачи по их уточнению, замене и разработке новых проблемных вопросов.

В настоящей главе мы постарались показать самостоятельную роль архивоведческого знания в общем комплексе наук и научных дисциплин о человеке и обществе. В самом широком смысле эта роль связана с сохранением, пополнением и трансляцией документального исторического наследия как носителя памяти о прошлом и как одного из условий, обеспечения обществом возможностей для своего познания в исторической ретроспективе. Осмысление этого наследия и обоснованная теоретическим знанием практическая регуляция его состояния являются главной задачей архивоведения, которую оно решает в своих специальных разделах, к рассмотрению которых мы и переходим в следующих главах книги.

ГЛАВА 2

ДОКУМЕНТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ЗАПОМИНАНИЕ

Документ как интеллектуальный продукт. Документ — одно из старейших и величайших изобретений человечества, сравнимое, например, с изобретением колеса или часов. Колесо потребовалось людям первоначально для преодоления пространства, часы — для измерения времени. Документ изначально был предназначен людьми для преодоления пространства и движения во времени и по времени.

Определяющая задача любого документа — регулирование человеческой жизнедеятельности с помощью различных по своему характеру информационных импульсов, понятных для автора и адресата документа и принимаемых ими в качестве определенного целеполагания.

Многогранная жизнь и деятельность человека, общества, государства столетия документировались не только по-разному, но и в разных пределах и объемах. Тому было несколько причин.

Во-первых, в принципе даже сегодня, в век электронных технологий, невозможно и нет необходимости документировать каждое мгновение бытия, несмотря на то, что вектор движения к этому в современной жизни обозначается все больше и больше.

Во-вторых, существуют ситуации — факты, события, явления, процессы, действия и решения — документирование которых невозможно в силу каких-либо обстоятельств. Например, ведение личного дневника является исключительно следствием желания, воли и организованности человека, чрезвычайные происшествия именно в силу их внезапности также нередко остаются задокументированными едва ли не после случившегося, хотя сегодня и в этом случае мы нередко встречаемся с их синхронным видеодокументированием.

В-третьих, человеческая история не раз подтверждала, что имеют место случаи принципиального недокументирования важных фактов и событий в жизнедеятельности человека, общества, государства в силу особых соображений сохранения тайны неких решений или действий, или опасения возможной сохранностью документального доказательства понести в будущем ответственность за принятые решения и совершенные действия. Нам известны, например, результаты политических судебных процессов в СССР в 30-е годы, но во многих случаях остается только строить догадки и гипотезы о направлявшей их воле И.В. Сталина. Сохранился дневник посетителей Сталина¹, в том числе первых дней начала Великой Отечественной войны, однако, характер его бесед со своими посетителями может быть реконструирован только на основании решений ведомств, которые эти посетители возглавляли в первые дни войны. Известна, например, директива ОГПУ полпредам ОГПУ от 22 февраля 1930 г., предписывавшая запрет на ведение кино и фотосъемки «процесса раскулачивания и всех моментов, связанных с этим (конфискация имущества, выселения, переселения и т.д.)»². Не раз приходится иметь дело с принципиальной недокументированностью сегодня кажущихся од-

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 337–339.

² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 книгах. Кн. 1. М., 2006. С. 764.

нозначно важными процессов, явлений и событий локальной и микроистории. Например, наделы земли по тяглам и ее внутриобщинные переделы до 1917 г. сегодня известны нам в лучшем случае только из задокументированных конфликтных ситуаций и земских опросов крестьянских общин второй половины XIX в. Массовые ситуации этого важнейшего явления крестьянской жизни просто не документировались, оставаясь каждый год на протяжении столетий устными договоренностями крестьянского схода. Иначе говоря, отсутствует очень важный пласт недокументированной информации, который теперь мог бы нам дать важное представление о взаимоотношениях в крестьянской общине, особенно в XVII–XVIII веках.

В-четвертых, процесс документирования человеческой жизнедеятельности — дело затратное, особенно когда речь идет о Средневековье. Пергамен и бумага стоили недешево в России, особенно до 70-х — 80-х годов XVII в., когда только началось собственное более или менее массовое производство бумаги в стране. Носитель документа в виде бересты хотя и использовался достаточно широко, но, по всей видимости, только в некоторых регионах. И этот фактор также сдерживал документирование.

И, наконец, в-пятых, характер, объем, сама возможность документирования связаны с уровнем образованности и технической оснащенности общества. По этой причине редки, например, крестьянские дневники, письма, тем более воспоминания XVIII–XIX вв. и, наоборот, мы видим как в современном мире с внедрением электронных технологий резко расширяются зоны документирования — фиксация происходящего на улицах, в офисах, магазинах, вокзалах, аэропортах, подъездах домов и т.д.

Усложнение организации человеческой жизнедеятельности потребовало необходимости и даже обязательности документирования его различных сфер. Более того, нельзя не согласиться с О. М. Медушевской, утверждающей, что

создание документа является «безальтернативным условием существования человеческого сообщества»³. Медушевская даже полагает, что у человека имеется «генетическая predisposition» к документированию, «запуск» которого происходит в условиях социума и выступает как «социобиологическое отличительное свойство человека».

Иначе говоря, в человеческой жизнедеятельности его документирование является результатом определенных потребностей и определенных необходимостей, связанных с разрешением с помощью документов неких стандартных и не стандартных жизненных ситуаций, которые реализуются при наличии соответствующих возможностей их документирования, включая технические. Все это и определяет обязательность и необязательность создания и дальнейшего бытования документа.

И чем сложнее становится социальная жизнь, тем все больше и больше она порождает документов. Водительское удостоверение, талон техосмотра автомобиля, страховой полис, лицензионное свидетельство, завещания, договора купли-продажи, паспорт, торговый чек, проездной билет, пенсионное свидетельство, образовательные аттестаты и дипломы, квитанции оплаты коммунальных услуг — это лишь малая толика документов, без которых невозможна современная организация жизни общества и отдельного человека.

Разумеется, нужно отдавать себе отчет в том, что создание того или иного документа, возникновение новых видов документов — явление не первичное, а вторичное, отражающее, фиксирующее некую целевую установку государства, корпоративных сообществ, человека. В некотором роде документ становится лишь точкой в целеполагании и целедостижении, а в большинстве случаев даже многоточием, если

³ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 45.

учесть, что зафиксировав достижение определенной цели, выполнив свое функциональное предназначение, он продолжает выполнять свою роль своеобразного оператора совершенно иных интересов, о которых речь пойдет ниже.

Итак, в повседневной жизни документ — это всегда результат целедостижения и всегда вторичен в отношении действий такого целедостижения. Он фиксатор и носитель информации о целедостижении. При этом, конечно же, надо помнить о том, что существуют три принципиально важных и принципиально отличающихся друг от друга по характеру целедостижения класса документов, о чем будем говорить подробнее ниже.

Для современного обычного человека документ — это фантом, далеко не всегда замечаемый элемент и спутник его жизнедеятельности и жизнеобеспечения. До поры до времени документ для человека является чем-то похожим на воздух, который всегда рядом, вместе с человеком — везде и всюду, и потому он остается незаметным до тех пор, пока воздуха для жизни человека хватает. Но как только его становится меньше, как только человек начинает чувствовать удушье, ему становится понятно, что без этого, всегда незамечаемого «вещества», ему может быть плохо.

Так и с документом в жизни человека. Его роль в новой и новейшей истории человечества не только не уменьшилась, но сохраняет тенденцию роста под воздействием процессов глобализации, усложнения общественных отношений, угрозы терроризма и массы других факторов. Простоватое, но точное по своей сути выражение, родившееся в XX в., — «без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек» — на самом деле точно отражает роль документа в современной человеческой цивилизации.

Современный период человеческой истории называют временем информации. И это действительно так. Информация сегодня — это не только духовная среда, но и среда жизнедеятельности и жизнеобеспечения конкретного челове-

ка, социумов, народов и государств. Случается, что человек управляет информацией, но бывает, что и она, по разным причинам, в силу индивидуальной значимости начинает управлять человеком и людьми.

Вероятно, в человеческой истории так было всегда. В древности дым костров на вершинах холмов был ничем иным как информацией, сигнализирувавшей о приближении врага и порождал соответствующие действия по приготовлению к обороне. Потом системы создания информации, ее закрепления и доставки начали совершенствоваться, и в конце концов приобрели современные очертания.

Но, признавая современное общество обществом информационным, следует иметь в виду, что такая характеристика лишь отчасти соответствует действительности в том смысле, что современное общество является обществом со все больше и больше расширяющимся документированием, ибо существование информации само собой, без носителя по большому счету невозможно. Можно спорить о целесообразности этого расширяющегося документирования. С одной стороны, оно вызывается серьезными причинами, например, видеосъемка публичных мест как один из способов борьбы с терроризмом. С другой стороны, рост объемов документирования отражает неэффективность регулирования человеческой жизнедеятельности, которая часто измеряется не результатами, а документами. Но есть какие-то еще не очень познанные явления и процессы, которые отражает само бытие документа и на которые его изучение должно дать ответы. Например, почему в безусловно более демократических государствах XX – начала XXI в. в сравнении с их прежними состояниями в XIX в. количество документов, регулирующих отношения человека и государства стало большим в разы? Что отражает этот процесс: усложнение жизни или модифицированные в сравнении с прошлым новые формы контроля за человеком со стороны государства, а то и первое и второе? Любые ответы на эти вопросы ставят перед ар-

хивоведением свои особые проблемы, отличные, например, от теории управления большими системами.

Современный этап документирования человеческой жизнедеятельности характеризуется ко всему прочему параллельным и дублирующим существованием традиционного бумажного и электронного документирования с неопределенной пока перспективой полной или – скорее всего – частичной замены последним традиционных способов документирования.

Государственный механизм где-то грозно, где-то натужно, где-то в борениях и страстях рождает законы, положения, правила, инструкции и другие нормативные документы, по которым людям предначертано жить. Государственные и негосударственные корпоративные сообщества организуют свою жизнь опять же на основе нормативных, организационно-распорядительных, финансовых, кадровых и прочих разнообразных документов. Ничуть не отстает от них и современный рядовой человек, фиксирующий с помощью аудио и видео эпизоды своей частной, и не только, жизни. Более того, интересы безопасности понудили фиксировать с помощью видеозаписей вообще все происходящее в конкретном месте или при совершении определенных действий. Например, сегодня обязательна видеофиксация конкурсов-торгов, защиты диссертаций. Человек стал не только управлять информацией, но и во многих случаях оказался беззащитной жертвой всеобщего и независимого от него документирования своей жизни, как публичной, так и не публичной.

И чем сложнее становится социальная жизнь, тем все больше и больше она порождает документов. Тенденция к всеобщему документированию человеческой жизнедеятельности является для архивоведения объективной реальностью. Этот вызов времени находит свое отражение в архивоведческом знании, обогащая и усложняя его проблематику.

Понятие документа. В силу универсальности природы документа и выполняемых им функций не существует его общепринятого толкования.

Обыденное понимание документа — бытовое, связанное с его ролью в жизни конкретного человека. Для обыденного понимания документа характерно то, что человек считает практически нужным ему в каждый момент его жизни и в некоторой перспективе. Обычный человек часто не обращает внимания на то, какую роль играет документ в его жизни, начиная от распорядительного и нормативного актов, и кончая ведомостью выдачи заработной платы. Бывают, конечно, случаи, когда человек особо остро осознает значение документа, например, подтверждающего право собственности в виде завешания. Но все же в первую очередь людей волнует и занимает сам факт их действий, их результаты, а не то, на основании чего они стали возможны и почему оказались зафиксированными. Поэтому в обыденном сознании отношение к документу становится безразличным после того как он сыграл свою роль в жизнедеятельности конкретного человека. Расхожее выражение «сдано в архив» отражало и отражает распространенное представление о ненужности чего-либо, в том числе и документа, после того как тот выполнил свое предназначение и приобрел качества архивного документа, т.е. документа, переданного на хранение в архив. В своей массе значение некоторых документов люди начинают осознавать слишком поздно для его сохранности, например, когда понимают, что прибавки к их пенсиям часто зависят от заработной платы, которую они удостоверяли своими подписями в ведомостях выплаты подчас двадцать и более лет назад.

Обыденное отношение к документу отличается, например, от отношения к книге. Воспетая многими поколениями мыслителей человечества, книга, существовавшая столетия как публичный интеллектуальный продукт, концентрирующий знания о мире, обществе и человеке, заслуженно

обеспечила более уважительное отношение к себе, нежели документ.

Впрочем, отдельные виды документов изначально были обречены на более пристальное чем книга, к себе отношение, когда речь шла, например, о документах об имущественно-правовых и межгосударственных отношениях. Собственно говоря, именно их существование и привело к появлению архивов.

Любопытно, что бытовое понимание документа оказалось очень динамичным, оперативно откликаясь и регистрируя его роль в той или иной исторической ситуации. В новой России, например, он стал знаком, символизирующим некое «доказательство», например, определенных действий и намерений. Закон воспринимается поэтому как закон, а не как документ, государственный бюджет – как бюджет, а не как документ и т.д.

В книги Г. Н. Швецовой-Водки⁴ автор приводит и анализирует 25 существующих определений документа, сводя их в 8 групп, каждая из которых по принципу «матрешки» поглощает более частные. На этой основе автор утверждает во мнении о невозможности универсального определения документа, поскольку «для разных ученых, в разных контекстах, разных науках понятие «документ» имеет разный объект».

Соглашаясь с последним выводом, попробуем с позиций теоретических установок настоящей книги обозреть современные определения документа, которые существуют в законодательстве, различных нормативах, в методической и научной литературе. Условно они сводятся к нескольким толкованиям.

Первое толкование можно назвать культурологическим. Согласно ему, документ – это все то, что создано и создает-

⁴ *Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги. Учебное пособие. М.; Киев, 2009.*

ся человеком в процессе его жизнедеятельности сознательно (механизмы, объекты недвижимости, собственно документы, в том числе как отражение технического прогресса в создании их носителей, способов закрепления на последних информации и т.д.) или бессознательно (например, отпечаток ступни древнего человека в застывшей лаве).

Второе толкование документа, которое можно назвать когнитивным, видит в нем одну из разновидностей «вещей» как «интеллектуальных продуктов», реализующих человеческое мышление, продолжающих его, т.е. равных всему тому, что создается человеком и человечеством — от, например, стула до космического корабля. Оно справедливо отделяет сознательное и бессознательное в деятельности человека и тем самым ограничивает понятие документа.

Третье толкование можно назвать документоведческим. В соответствии с ним документом является определенным образом структурированная информация, закрепленная различными способами на различных носителях с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать на основе одного или нескольких специальных и общепризнанных элементов персонификации такой информации — заголовка, указаний на автора и адресата документа, бланка, печати, подписи, включая электронную, и т.д., — придающих документу определенную знаковую, юридическую, административную важность.

Четвертое определение можно назвать информационным. Оно видит в документе любую информацию, зафиксированную на любом носителе (камень, береста, бумага, кожа, фотобумага, кинолента, диск грампластинки, магнитная лента, компакт-диск, системный блок компьютера и т.д.) любой системой письма или иным способом.

Пятое толкование документа можно назвать архивоведчески-археографическо-источниковедческим. Согласно ему документ — это информация, закрепленная различными способами на различных носителях, представляющих собой физические объекты. В отличие от первого и третьего опре-

делений и вслед за вторым и четвертым в этом толковании под информацией понимается не все сознательные или бессознательные следы человеческой деятельности, включая бессмысленный набор разных начертаний, а некие структурированные создателем документа сообщения, имеющие какой-либо смысл, понятный не только автору, но и адресату документа.

Важно проанализировать каждое из приведенных толкований.

Первое из них фактически размывает понимание документа и, приравнивая его к произведениям не только материальной культуры человечества, но и вне сознательным действиям людей, фактически лишает документ специфических, присущих только ему функциональных предназначений, о чем речь пойдет ниже.

Второе толкование справедливо ограничивает первое, но не раскрывает отличия документа от других «интеллектуальных продуктов», создаваемых человеком.

Третье толкование также обоснованно ограничивает первое, вводя понятия носителя информации документа, информации и ее определенной упорядоченности. С другой стороны, оно признает документом только такой документ, который имеет соответствующие общепринятые реквизит или реквизиты. В соответствии с этим толкованием из числа документов исключается целый класс документов личного происхождения, класс документов сакрального происхождения, черновые варианты официальных и не официальных документов, неатрибутированные с точки зрения автора, времени создания, иногда даже содержания, документы и т.д., имеющие важное значение для архивоведения, археографии, документального источниковедения.

Четвертое толкование необоснованно расширяет понимание документа до включения в него бессмысленного набора информационных элементов, например, повторяющегося набора букв на бумаге.

Для темы нашей книги наиболее предпочтительным является пятое толкование документа. Во-первых, в отличие от второго толкования оно включает в себя три класса документов — официального, неофициального и сакрального происхождения (об этом см. ниже). Во-вторых, для него, в отличие от третьего толкования, носитель документа, как и его информация, являются равнозначными, что имеет принципиальное значение при хранении документа, его учете, перемещении, нередко особой самоценности носителя и др. В-третьих, оно признает документом носитель с еще не идентифицированной информацией. В-четвертых, оно включает в число документов только те, которые содержат информацию в виде структурированных сообщений, т.е. сообщений, имеющих смысл.

Однако оно требует определенной конкретизации, уточнения, учитывая дальнейшие рассуждения в этой книге.

Во-первых, в нашем понимании документа принципиально важным является включение в него различных видов документов личного и сакрального происхождения как особых и равноценных классов по отношению к документам официальным, даже созданным не только государственными, корпоративными структурами, но и общественными объединениями. Природа документов личного и сакрального происхождения совершенно иная. Она связана с функционированием не государственных, корпоративных или общественных организаций, а с проявлением человеческого, личностного начала, с его личной духовной свободой, несвободой и ангажированностью, с его сознательным выбором священного учения, зафиксированного в сакральных документах, и желанием ему поклоняться. Это личностное начало полностью, или за небольшим исключением (например, резолюции в отдельных случаях на официальных документах их адресатов) отсутствует в официальном документировании.

Во-вторых, нетрудно заметить, что все приведенные выше определения документа страдают несовершенством, ли-

бо потому что носят чрезмерно абстрактный характер, либо рассуждают о документе с утилитарно-прагматических позиций. Но нельзя не заметить во всех или в большинстве из них двух общих составляющих. Первая заключается в том, что документ представляет собой даже в случае, если мы имеем дело с электронным документом, все же материальный объект, выступающий, в отличие от других материальных объектов, носителем информации. Вторая составляющая видит в документе информацию, представленную определенными структурированными сообщениями.

Исходя из этих предварительных соображений, мы можем определить документ как *материальный объект, выступающий в качестве носителя информации в виде структурированных сообщений, задаваемых целевыми установками его автора, техническими возможностями, правилами, нормами и традициями места, времени и обстоятельств создания материального объекта и его информации*. Кажется, такое определение может удовлетворить все четыре дисциплины, которые так или иначе занимаются изучением феномена документа. Для документоведения важно, что правила и нормы создания документа могут предусматривать его определенные реквизиты, а целевые установки автора определяют функциональную заданность документа. Для архивоведения это определение представляет интерес, поскольку рассматривает документ не только как носитель структурированной информации, но и как материальный объект, обеспечивающий возможность его учета, классификации, поиска и движения, а также не исключает классы документов личного и сакрального происхождения, создаваемые на основе «традиций», т.е. без нормативной заданности. Для археографии и источниковедения такое определение важно двумя основными составляющими документа — носителем и структурированной информацией, отрывающими возможности отбора документов для документальной публикации, их комментирования, критического анализа, для выявления

достоверных, недостоверных и сфальсифицированных документальных свидетельств о фактах, событиях, явлениях прошлого.

Это определение документа все же важно скорректировать еще одним, на наш взгляд, важным соображением. Только документ фиксирует мгновение действительности — не всегда каждое, но все же относительно короткое. Сады и парки, механизмы и предметы недвижимости, ландшафты, создаваемые человеческими руками и головой, т.е. «интеллектуальные продукты», в отличие от документа никогда не находятся в статике, постоянно под различными воздействиями изменяясь: старея и разрушаясь, модернизируясь и преобразаясь. Даже книга, картина, скульптура менее статичны в фиксации мгновения действительности чем документ. Именно это свойство документа делает его особым результатом человеческой жизнедеятельности и одновременно — свидетельством об этой жизнедеятельности. Можно подновить, подправить, приспособить к комфортным нормам современности сохранившиеся дворянские усадьбы, проведя в них, например, электричество, поставив калориферы, кондиционеры, но чертежи изначальных проектов изменить невозможно — именно в них зафиксировано это мгновение действительности и одновременно — мгновение времени. Соединяясь в одно целое, и для людей, которые когда-то создавали документ, и для нас сегодняшних, эти два мгновения и дают представление о прошлом.

Статичная фиксация документом какого-либо состояния действительности является его одним из самых выдающихся свойств, имеющих два главнейших параметра. Параметр первый — исключение любых позднейших после оперативного бытования документа вторжений в эту фиксацию. Параметр второй — по возможности недопущение изменения места документов среди других документов, определенное в период его оперативного бытования. Случаи первого порядка — редчайшие и при их обнаружении становящиеся

предметом преследования административного и уголовного характера. Случаи второго порядка — более распространенны и связаны с целым рядом объективных и субъективных причин. Так, например, произошло с Литовской метрикой. В конце XVIII в. часть ее была вывезена из Польши в Россию, а в начале XIX в. была обработана и описана по российским архивным правилам⁵. Так случилось и, например, с т.н. Смоленским архивом. Вывезенный командой А. Розенберга в Германию, этот архив был переработан в соответствии с агитационно-пропагандистскими задачами гитлеровской Германии, а затем, оказавшись в руках американских оккупационных частей, был еще раз перетасован в русле идей борьбы с СССР в годы «холодной войны»⁶.

Документ как материальный носитель информации. Выше мы отмечали, что документ, являясь продуктом человеческой жизнедеятельности, представляет собой две неразрывные друг от друга составляющие — материальный физический объект (носитель информации) и определенным образом структурированная информация, даже если последняя по каким — либо причинам остается какое-то время недоступной человеческому пониманию, как это было, например, с документами индейцев майя.

Носитель информации документа, как и сам документ, является особым цивилизационным материальным продуктом, отражающим технический прогресс человечества⁷. Первоначально им были произведения природы — скалы, камни, деревья и их кора. Однако со временем в разных

⁵ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 65.

⁶ Гримстед П. К. Возвращение «Смоленского архива». От инструмента нацистской и американской советологии к роли пешки в международных политических интригах в области реституции // Возвращение «Смоленского архива». М., 2005. С. 56—126.

⁷ Подробнее см. электронное издание Росархива: «История письма, документа и архивного дела в России». Часть 1. История письма. М., 2008.

странах начали появляться искусственные, специально созданные руками человека носители информации: сделанные из глины, специального камыша, воска, кожи, холста, бумаги, специальных носителей со светочувствительным и звукочувствительным слоями и т.д. Бывали случаи, когда экстремальность ситуации вызывала необходимость использовать в качестве носителя информации документа любые подручные средства. Например, Ф. М. Миронов, осужденный в 1919 г. за организацию антибольшевистского восстания на Дону, вел свой дневник на одной из стен Балашовской тюрьмы⁸.

Дороговизна искусственных носителей информации в момент их изобретения и определенного времени применения, постоянно сдерживала процесс документирования, который по этой причине оставался уделом не просто грамотных, но избранных людей. Однако каждый раз технический прогресс приводил в определенное время к массовому производству того или иного носителя, который с неизбежностью в процессе экономической и технологической конкуренции вытеснял ранее существовавшие носители информации, или становился равнозначным с ними. Папирус заменил глину, бумага — пергамент, пленочные носители были потеснены электронными носителями, в наше время стремящимися стать равнозначными с носителями бумажными. Каждый новый носитель документа со временем создавал возможности для все более дешевого и массового документирования. Изобретение фото, фоно, кино, видео технологий сопровождалось революционными изменениями в развитии носителей информации. Со временем документ получил возможность массового публичного и непубличного распространения. При этом, как и до изобретения книгопечатания, на современном этапе человеческого развития происходит все большее и большее стирание его

⁸ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 433–435.

границ с книгой. Процесс документирования в условиях удешевлявшейся стоимости различных носителей и конкуренции между ними постепенно обретал черты массовости, демократичности, охватывая не только официальные стороны жизнедеятельности государства и общества, но и личную жизнь граждан. Носители информации документа в истории человеческой цивилизации развивались одновременно со способами ее фиксации — письменным, изобразительным, звуковым, визуальным. Разумеется, сама по себе идея фиксации зрительной и звуковой информации была не менее революционна, чем изобретение бумаги или электронных технологий. Она может быть сравнима с изобретением письменности.

В качестве материального, физического объекта для документоведения важно, чтобы этот объект в момент своего создания обладал определенными общепринятыми параметрами своего физического состояния — качества, цвета, размера (формата) носителя и способа закрепления на нем информации. Документоведение предусматривает обязательное или возможное движение документа во времени и пространстве, нормативные гарантии его сохранения в течение определенных, присущих каждому документу сроков, промежуточные или конечную стабилизации среди других документов, а также возможность разрешения окончательной судьбы, вплоть до уничтожения.

Технический прогресс в развитии носителей документа и способов фиксации информации ставил перед архивоведением каждый раз с изобретением и внедрением в жизнь нового носителя и новые проблемы.

Для архивоведения каждый новый носитель документа означал необходимость разработки особых условий его вечного сохранения: для бумажных носителей — одних, для изобразительных, визуальных и звуковых — других, для электронных — третьих и т.д., а также выработки дифференцированных и эффективных систем их учета и поиска.

С другой стороны, все более увеличивавшийся и разнообразный объем различных носителей документов поставил перед архивоведением задачу их разумного и достаточного отбора для вечного сохранения.

Для архивоведения документ как физический объект важен по нескольким причинам. Во-первых, благодаря своей материальной физической составляющей, документ может быть размещен и классифицирован в пределах архива, фонда, дела и соответствующим образом учтен как материальный объект. Во-вторых, в качестве физического объекта документ постоянно испытывает воздействие фактора времени и интенсивного использования, которые создают угрозу его неприкосновенности и даже утраты, а иногда и приводят к такой утрате. Архивное дело нейтрализует или парирует такую угрозу с помощью современных технических средств хранения и контроля за обеспечением нормативных условий хранения, а также «страхует» сохранность носителя информации документа с помощью создания фонда пользования — копии документа, используемой вместо его оригинала, и собственно страхового фонда, гарантирующего сохранность информации документа в случае его непредвиденной утраты. Фонд пользования и страховой фонд являются не столько заменителями оригинала документа (это в принципе невозможно), сколько его представителями, парируя угрозы возможной утраты информации оригинала документа.

Документ и его информация. Второй элемент документа — это его информация. В ряде исследований, посвященных философии информации, выдвинута идея ее амбивалентной сущности как неразрывного единства материального и идеального⁹. По существу это перевернутое определение документа в широком смысле его понимания как носителя с закрепленной на нем информацией, имеющей определенный смысл. Если это так, возникает вопрос о «философии»

⁹ Соколов А. В. Философия информации. СПб., 2010.

чего нам следует говорить. Если это философия-мегатеория, то она имеет право называться «философией информации». Если это философия как специальная теория объекта, то она должна называться теорией документа. Автор книги не видит противоречия между первым и вторым. Он только хочет подчеркнуть, что в специальной теории в зависимости от решаемых задач не всегда идеальное и материальное информации или документа представляются абсолютно равнозначными. Для учета, обеспечения сохранности книг и архивных документов на первый план выдвигается материальная сущность информации документа. И в этом смысле как бы не была ясна его амбивалентность, документ, написанный на ужасающей по качеству бумаге 20-х годов прошлого века, архивист будет озабочен прежде всего сохранить как «субстрат-носитель». И учитывать такой документ он будет прежде всего как особый физический объект. И при расчете площадей для будущих поступлений архивист будет исходить из материальной сущности размещаемых в них объектов. С другой стороны, при создании, например, полнотекстовых баз данных приоритет имеет их идеальное, содержательное или, как иногда говорят, «образующие содержание смыслы», значение. При создании традиционного НСА — каталогов или описей, например, имеет значение и то и другое в равной мере.

Представляется интересным и в целом не противоречивым рассуждения некоторых авторов о трех типах информации, основанных на способах их существования — семантическая, биологическая, машинная, хотя последний термин и вызывает сомнение, например, почему не технотронная. И все же такое широкое определение информации, с одной стороны, вызывает возражение объединением информации как продукта человеческого духа и информации биологической — божественной или природной. С другой стороны, включение в понятие информации физической (машинной) информации также кажется спорным. Все же речь должна

идти об информации так или иначе создаваемой человеком, имеющей определенную социальную значимость. В этом смысле дым костра, который в древности специально предупреждал о приближении неприятеля, можно считать информацией, в отличие, например, от дыма горящего леса.

Иначе говоря, широкая философская трактовка информации нивелирует феноменальное выражение ее смысла в коммуникабельной знаковой форме и в ее документальном выражении. В этом ракурсе смысл информации заключается еще и в документировании. Сегодня полет на самолете человека вызывает создание не менее шести документов: билет, две бирки на ручной и багажной клади, наклейку на ручную кладь службы безопасности, посадочный талон. Эти документы представляют собой не просто знаковую и различимую форму и играют коммуникативную роль, но имеют и доказательное значение. Записи видеокамер на улицах, в подъездах, в офисах — почти везде несут не просто информацию, они документируют происходящее. Философия информации без понимания целеполагания ее возникновения выглядит излишне абстрактной для прикладных наук, имеющих дело с информацией. Иначе говоря, при широком философском толковании информации мы не сможем понять разницы, например, между личным письмом рядового гражданина и записью в книге регистрации его гражданского состояния о рождении или смерти. Между тем, в практической жизни это различие имеет колоссальное значение.

С учетом сказанного автор склонен все же сосредоточить свое внимание не на философии информации, а на прикладных исследованиях, изучающих определенные информационные коммуникации и определенные типы информации. В практическом смысле это могло бы обозначать создание теории «жизни» документа. Теория «жизни» документа могла бы дать ответы на интересные вопросы о том, как и почему зарождается информация, как она фиксируется, как функционирует в различных системах, почему час-

точно сознательно утилизируется, почему спустя столетия оказывается востребованной и как, в конце концов, становится источником самопознания обществом самого себя в исторической ретроспективе.

Выше, в дефиниции документа, мы говорили о том, что такая информация должна представлять собой не просто сообщение, нередко являющееся бессмысленным, а структурированное сообщение. Под структурированным сообщением документа мы понимаем изначально определенным образом упорядоченную автором документа информацию, имеющую определенный смысл и значение для его деятельности и для деятельности ее получателя. Иначе говоря, информация в виде структурированного сообщения должна быть понятна не только ее создателю, но распознаваться ее получателем, а в более широком смысле — любым, кто ею хочет и может воспользоваться.

Структурированная информация документа может быть представлена: а) в виде традиционного текстового структурированного сообщения; б) в виде звукового структурированного сообщения, зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств; в) в виде визуального структурированного сообщения, зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств; г) в виде визуально-звукового структурированного сообщения, также зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств высокой сложности; д) в виде особой системы функционирования текстового, звукового, визуального, визуально-звукового структурированного сообщения и их комбинаций в электронной среде.

Иначе говоря, любое структурированное сообщение документа в любом его виде есть ничто иное, как его текст, т.е. связанная последовательность определенным образом организованных видимых и не видимых глазом знаков, обозначающих некий смысл документа. Поэтому в дальнейшем,

рассуждая о структурированных сообщениях как текстах документов, мы будем иметь в виду и традиционный текст документа и тексты документов, созданных с помощью современных технических средств.

Структурированная информация или текст документа, как правило, но не обязательно, содержит основные и вспомогательные структурированные сообщения.

К основной части текста документа относится собственно основное структурированное сообщение. В состав вспомогательных структурированных сообщений входят (далеко не всегда в обязательном порядке): указания автора(ов), адресата(ов), вида, даты, места создания документа, его заголовков, подпись, регистрационные показания, художественное и иное (например, для кинодокументов – указания на производителя пленки, для звуковых документов – организацию, осуществлявшую их тиражирование и т.д.), оформление документа, включая электронное, бланк, печать.

Собственно основное структурированное сообщение документа может быть представлено двумя видами: просто структурированное основное сообщение и сложно структурированное основное сообщение.

Просто структурированное основное сообщение документа отражает однократный и конкретный смысл замысла и действия автора документа, часто многократно повторяющегося в аналогичных документах. Например, визитная карточка, паспорт, удостоверение личности, служебный пропуск, другие личные документы содержат просто структурированное сообщение о человеке, выполняя функцию его представления, удостоверения в чем-либо. Приглашение на конференцию, банкет, другие мероприятия является просто структурированным основным сообщением, выполняющим информационную функцию. Поздравление с чем-либо или по поводу чего-либо как просто структурированное основное сообщение отражает коммуникативную функцию данного вида документа. Конкретная протокольная запись с

конкретным поручением юридическому или физическому лицу, приказ, содержащий аналогичное поручение в качестве просто структурированных основных сообщений отражают директивную и организационную функции этих видов документов.

Для архивоведения наличие документов с просто структурированными основными сообщениями, унифицированными в результате усилий документоведения, является основанием для выработки критериев выборочного приема на вечное хранение некоторой совокупности таких документов.

Сложно структурированное основное сообщение документа представляет собой совокупность просто структурированных основных сообщений, фиксируя многоплановость замысла автора документа, в результате которого нередко возникает многоаспектный документ. При этом явно разнятся между собой документы официального происхождения, содержащие сложно структурированные основные сообщения, и документы личного и сакрального происхождения с аналогичными сообщениями.

Документы официального происхождения со сложно структурированными основными сообщениями разнообразны и представлены многочисленными видами. Документами со сложно структурированными сообщениями являются прогнозы, планы, отчеты, приказы по основной деятельности организаций, протоколы заседаний, на которых рассматриваются блоки вопросов различного характера, документальные фильмы, следственные дела и т.д. — иначе говоря, все то, что делает содержание документа многоаспектным, не вписывающимся в трафарет.

Принцип рационализации документирования, являющийся одним из основных в документоведении, признавая необходимость существования документов со сложно структурированными основными сообщениями, предполагает определенную унификацию и их. В России, равно как и

в других странах, такая унификация на нормативном уровне обозначилась уже со времени петровских реформ и сохраняет свое значение и в наше время,

Для официального документирования нового и новейшего времени характерна высокая степень регламентации видов, форм и содержания документов. Любопытно, что со временем начинается регулирование формуляра того или иного вида документов, причем, не исключено, что впервые такую регуляцию в России начала делать церковь. Московский митрополичий, а затем Патриарший двор, например, пытались это сделать специальными распоряжениями «како писати от святителя наместнику», «како писати отпуская попу и другую епископию», «како писати грамоту игумену»¹⁰. В. К. Виноградов в статье «Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества»¹¹ называет несколько таких документов-регламентов, регулировавших составление информационных сводок о положении в стране. Так, например, приказом ВЧК от 6 января 1922 г. была утверждена, по словам Виноградова, «очень подробная инструкция со схемами ежедневной и двухнедельных сводок транспортных чрезвычайных комиссий». Несколько ранее, 14 сентября 1921 г. ВЧК утвердила специальную «Инструкцию по госинформации», в которой подробно описывались процедуры сбора, обработки и передачи информации о политической ситуации в регионах.

Регламентный характер носил, например, приказ Прокуратуры СССР №451/47с от 31 июля 1936 г о порядке ведения протоколов допросов обвиняемых в антисоветской агитации, которым в частности предписывалось: «1. Следить и требовать полной точной записи конкретного содержания

¹⁰ Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII—начала XX в. М., 2007. С. 44–47.

¹¹ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. М., 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 31–73.

контрреволюционной агитации и пропаганды обвиняемых в материалах следствия. 2. В тех случаях, когда контрреволюционная деятельность проявлялась в форме распространения всякого рода контрреволюционных измышлений, оскорбительных выражений, нецензурной брани и т.п. по адресу руководителей партии и правительства — в протоколах допросов и других следственных актах должно быть дано описание этой контрреволюционной агитации и пропаганды с передачей характеристики высказанного, не допуская дословной передачи оскорбительных и циничных выражений по адресу руководителей партии и правительства. Цитирование в обвинительных заключениях подлинных контрреволюционных выражений и фраз воспрещается. Обвинительные заключения должны содержать описание действий обвиняемых, общую их квалификацию и ссылку на имеющиеся в деле доказательства»¹². Специальной инструкцией НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 9 мая 1935 г. регламентировалось формирование следственных дел и документирование заседаний троек НКВД о преступлениях «уголовных и деклассированных элементов»¹³.

Для архивоведения документы со сложно структурированными основными сообщениями ставят по крайней мере два вопроса: их обязательный учет при отборе документов на вечное сохранение (чем более многоаспектен документ, тем больший интерес он представляет для вечного сохранения) и создание эффективной системы поиска их информации.

За небольшим исключением документы личного происхождения, как правило, содержат сложно структурированные основные сообщения. К ним, прежде всего, относятся документы творческого характера разных видов и жанров (научные, литературно-художественные произведения и др.), а также письма, дневники, мемуары. Своеобразие

¹² Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. М., 2009. С. 256.

¹³ Там же. С. 559–602.

сложно структурированных основных сообщений этого класса документов как отражения исключительно мыслительной, духовной жизни человека, заключается в свободе фиксации информации и личном выборе самими авторами средств и способов ее закрепления на различных носителях.

Важно подчеркнуть, что если для класса документов официального происхождения каждое вспомогательное структурированное сообщение документа является обязательным или почти обязательным, то для класса документов личного происхождения эти части обладают высокой степенью неустойчивости, необязательности, произвольного набора и зависят от общей культуры их авторов, характеров, обстоятельств создания документов.

Архивоведение класса документов сакрального происхождения со сложно структурированными сообщениями, носящими преимущественно канонический характер, требуют особых приемов описания, издания и текстологического анализа. Эти приемы разрабатывались в России на протяжении всего XIX в., получив в настоящее время разное методическое обеспечение.

Эволюция документа. В 1974 г. ВНИИ документоведения и архивного дела издал интересный и во всех отношениях для тех, кто имеет дело с документом, полезный «Краткий справочник видов и разновидностей документов»¹⁴. Справочник зафиксировал почти тысячу видов и разновидностей документов, существовавших в России и СССР с древнейших времен и на момент его выхода в свет, и дал определения им. При всем его несовершенстве (абсолютно разные методы характеристики видов и разновидностей документов для досоветской и советской истории, отсутствие указаний на виды и разновидности документов в непубличной сфере их бытования применительно к советскому периоду, противоречивость и разноречивость дефинитивного ряда, игнорирова-

¹⁴ Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974.

ние многих видов и разновидностей документов, существовавших до 1917 г., например, дневников, мемуаров, карт и др.), он до сих пор содержит интересный фактический материал, отразивший важные явления в истории документирования.

Раздел, посвященный видам и разновидностям документов, существовавших в России с древнейших времен до 1917 г., включил 389 названий. Их статистическая классификация по определенным областям жизнедеятельности государства, общества, человека представляет собой немалую трудность в связи со сложностью в ряде случаев отнесения того или иного вида документа к той или иной области жизнедеятельности из-за подчас многоаспектности выполняемых им функций, а потому имеет определенный налет субъективности. Но все же, признавая некоторый элемент погрешности, мы приведем здесь эти статистические показатели.

Наибольшее число видов и разновидностей документов, существовавших в России до 1917 г., приходится на имущественно-хозяйственные отношения, включая земельные, торговые, налоговые, таможенные и денежные — 162 названия видов и разновидностей. Далее следуют виды и разновидности документов, включая законодательные акты, связанные с организацией государственного управления, — их 101. Следующий по объему комплекс видов и разновидностей документов относится к судопроизводству — их, если верить Справочнику и избранной автором книги методике, было до 1917 г. 47 наименований. Четвертое место в этой группировке занимают виды и разновидности документов, относящиеся к международным отношениям — их 28. Пятое место — 21 вид и разновидностей документов — заняло регулирование внутрицерковной жизни. Организация военного дела включила 14 видов и разновидностей документов. Государственная и военная служба регламентировалась 14 видами и разновидностями документов. Следующая, ста-

статистически определяемая группа видов и разновидностей документов, носящая исключительно информационный характер, насчитывает 13 названий. Официально создававшиеся личные документы в нашей классификации их видов и разновидностей насчитывает 11 названий – в их числе патенты на чины, метрика, пас (паспорт) и др. Словарь называет всего один вид документов личного происхождения – «частное письмо», – хотя, конечно же, до 1917 г. их было по меньшей мере не менее четырех видов – письмо, дневник, воспоминания, творческие произведения разных жанров. Словарь зафиксировал не менее 3 видов документов, связанных с трудовыми отношениями – также явно заниженная цифра. И, наконец, следует назвать число видов документов, которые автор не смог отнести к той или иной группе. Оно равно 19 наименованиям (поручительства, выходящие книги царей, разного рода договоры и т.д.), которые явно не определяют общую статистическую картину.

А она убедительно свидетельствует о том, что документирование в дореволюционной России была связано в первую очередь с регулированием с помощью документов пяти сфер – экономики, государственного управления, судопроизводства, международных отношений, церковных дел. Большая часть остальных видов и разновидностей документов в значительной степени создавалась как производные от этих.

Если признать более или менее корректной наши статистические выкладки видов и разновидностей документов, существовавших в дореволюционной России, то самым загадочным останется ее первая группа. В ней по нашим подсчетам приблизительно 80% видов и разновидностей документов связано с государственным регулированием экономических отношений, и остальная часть – исключительно с их саморегулированием.

Архивисты конца 60-х – начала 70-х годов ушедшего века составили и относительно полный перечень видов и разно-

видностей документов, существовавших на момент создания Словаря не как устаревших, а как действовавших. Его количественный состав в сравнении с восьмисотлетней предшествующей российской историей был несопоставимо велик. И в этом не было ничего необычного – жизнь становилась все более и более сложной, а значит, ее документальное регулирование также становилось все более и более сложным, порождая новые виды и разновидности документов. Но идеология диктовала иные подходы. Огромное «размножение» видов и разновидностей документов в СССР свидетельствовало не только о многообразии новых политических, экономических, социальных и культурных проявлений, но и о административно-командной системе управления и жизни в стране. Поэтому авторы Словаря постарались «сбалансировать» его обе части. Если историческая, устаревшая, его часть включила, как уже говорилось выше, 389 видов и разновидностей документов, то актуальная, действующая, его часть назвала около 430 таких видов и разновидностей. Лидером в этой части стали, как и в первом случае, документы, связанные с экономикой, имущественно-хозяйственными отношениями – 127 наименований, чуть меньше, чем в историческом разделе Словаря, но вполне сопоставимо с ней. Зато второе место по числу видов и разновидностей документов заняли документы, связанные с научно-технической деятельностью в стране – 71 название. На третьем месте оказались виды и разновидности документов, относившиеся к государственному управлению – 57 наименований. Четвертое место заняли документы информационного характера – афиши, объявления, плакаты и т.д. – всего 30 наименований. Пятое и шестое места соответственно пришлись на личные документы (28 названий) и документы, связанные с международными отношениями (27 названий). И только на седьмом и восьмом местах оказались виды и разновидности документов, касающиеся судопроизводства (19 наименований) и военного дела (18 наименований).

Трудно сказать, насколько корректной является приведенная нами статистика. Если в исторической части Словаря полнота видов и разновидностей документов может считаться достаточно высокой, хотя и явно не отразившей реальность, то показатели видов и разновидностей документов, существовавших в СССР на конец 60-х – начало 70-х годов прошлого века, оказались явно и значительно заниженными. Кроме того, в это время существовали виды и разновидности документов (не менее 33 наименований), которые вообще трудно отнести к той или иной классификационной группе. Например, социалистические обязательства трудящегося, коллектива, отрасли – их можно считать относящимися и к экономике, и к организации труда, и к организации государственного управления, и к трудовым отношениям. Наличие столь значительной группы документов с неопределенной функциональной заданностью свидетельствует о неэффективности функционирования государственного и общественного хозяйства, его непомерной идеологизации. К этому следует добавить, что Словарь не включил и не мог включить по определению значительный массив видов и разновидностей документов, связанных с непубличным документированием, а также виды и разновидности партийного документирования, документирования деятельности силовых структур государства.

В начале 2000-х годов ВНИИДАД, приступая к подготовке словаря видов и разновидностей документов, существовавших и имевших отношение к истории российской государственности с древнейших времен по приблизительно 1918 г., уже был свободен от той идеологической и политической осторожности, которую были вынуждены соблюдать архивисты 70-х годов XX в., готовя аналогичный словарь. За этот период новый Словарь¹⁵ учел около тысячи названий

¹⁵ См.: Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 6. Ч. 1–2: Документация государственных и церковных учреждений,

видов и разновидностей документов, т.е. почти в два раза больше, чем аналогичный словарь-предшественник (документы сакрального класса представлены здесь выборочно).

Анализ данных словаря показывает любопытную картину. Во-первых, наблюдается постоянный рост разнообразия видов и разновидностей документов. Если в XV в. их существовало около 60, то в XVI в. их было уже 111, в XVII в. – 193, в XVIII в. – 329, в XIX в. – 316. В названиях этих документов легко просматриваются реалии прошлой российской жизни и главная функциональная заданность того или иного вида документов: «кормленный вид», «отпускная память», «покормленный паспорт», «повинная челобитная», «повольная грамота», «покрутная», «полюбовная запись», «поменная память», «разрубная книга», «распросная сказка» и т.д. Во-вторых, мы наблюдаем относительно кратковременное существование отдельных видов и разновидностей документов, их «отмирание» после определенного времени бытования в системе государственного управления. Так, например, 27 из них бытовали в течение XV–XVII вв. («заемная кабала», «закладная грамота», «жалованная заповедная грамота», «повольная грамота» и др.), 26 – в течение XV–XVIII вв. («поручная запись» и др.), 16 – в XVI–XVII вв. («книга сеунчей», «образовая грамота» и др.), 41 – в XVI–XVIII вв. («выпись», «доезжая память», «кормовая книга» и др.), 25 – в XVII в. («заемная книга», «крестоприводная запись», «межевая запись» и т.д.), 41 – только в XVIII в. («квитанцная книга», «межевой список», «провиантские регулы» и др.) и т.д. В-третьих, оказалось, что ряд видов и разновидностей документов обладают высокой степенью устойчивости своего существования, сохранившись вплоть до наших дней. От X в. до нас дошло 6 таких видов и разновидностей («грамота», «договор» и др.), от XIV в. – 29, от XVII в. – 20, от XVIII в. – 119 («деклара-

сословных органов, органов местного управления и частноправовые акты. Конец XV века – февраль 1917 года. М., 2009.

ция», «донесение», «конвенция», «предписание», «приказ» и т.д.), от XIX в. – 57 («кроки», «финансовая смета», «стенограмма», «увольнительное свидетельство» и др.).

Иначе говоря, перед нами довольно противоречивая картина развития видов и разновидностей документов в российских реалиях, характеризующаяся с одной стороны динамизмом, увеличением их числа и даже оформлением в определенные «цепочки», системы документирования, а с другой – высокой степенью традиционализма. Но в целом она подтверждает вывод И. Д. Ковальченко, относящийся к историческим источникам вообще: «Характерной чертой эволюции источников является не столько исчезновение тех или иных видов источников, сколько появление новых их видов и разновидностей, что обусловлено усложнением по мере исторического прогресса общественной жизни, появлением все новых и новых общественных функций»¹⁶. Кроме одной важной поправки, связанной с неизменчивостью определенных основ организации человеческой жизнедеятельности, порождающий и традиционализм в длительном существовании определенных видов документов.

При всей спорности, а значит, и условности определения специального функционального назначения того или иного вида и разновидности документов, мы все же попытались на базе Словаря дать их количественную характеристику.

Получилась следующая картина в порядке уменьшения числа видов и разновидностей документов в соответствии с их специальным функциональным назначением:

1. Правовые, правоустанавливающие, включая договоры частного и публичного права – 101.
2. Учетно-отчетные – 87.
3. Информационно-справочные, включая словари и учебники – 74.

¹⁶ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 124.

4. Научно-технические, в т.ч. чертежи и карты – 72.
5. Военные – 70.
6. Финансовые, включая налоговые – 64.
7. Имущественно-хозяйственные – 61.
8. Судебно-следственные – 60.
9. Организационно-распорядительные – 55.
10. Церковные – 44.
11. Дипломатические – 36.
12. Другие, в том числе спорные по определению специальной функциональной принадлежности – 34.
13. Личные – 27.
14. Законодательные – 25.
15. Таможенные – 15.
16. Статистические – 6.
17. Личного происхождения – 5.

Существуют известные трудности в комментировании предложенных данных. Главная из них связана с подчас многофункциональным целевым назначением того или иного вида и разновидности документа. Но все же их подавляющая часть в той или иной степени связана с собственностью – движимой, недвижимой, денежной – ее учетом, распределением, контролем за ней со стороны государства, т.е. все документы или часть из них, что объединено в пунктах 1,2,6,7,15 таблицы – всего около 328 названий видов и разновидностей.

Эта субъективная, далеко не полная статистическая картина бытования в России и СССР видов и разновидностей документов позволяет сделать ряд более или менее обоснованных выводов. Во-первых, со временем вымирают целые виды и разновидности документов, либо, сохраняя свои названия, они трансформируются в содержательном отношении в фактически новые виды и разновидности документов. Во-вторых, наибольший массив видов и разновидностей документов прежде всего связан с регулированием экономических отношений и государственным управлением. При

этом и в той и в другой областях наблюдается высокая степень традиционализма набора видов и разновидностей документов и корреляция наполнения присущей каждому из видов и разновидностей документов информации. В-третьих, класс документов неофициального происхождения, оформившись в России где-то в XVIII в., с тех пор сохранил едва ли не абсолютную стабильность своих видов и разновидностей, пополнившись затем разного рода аудиовизуальными документами, например, фиксирующих какие-то события, состояние природы и т.д. Духовная жизнь людей, оказывается, отражается в намного более традиционном и менее обширном круге видов и разновидностей документов, нежели жизнь общегосударственная и общественная. И это при том, что число видов и разновидностей личных документов, регулирующих взаимоотношения человека и государства, государства и общества, общества и человека со временем явно возрастает: если до 1917 г. их, если верить Словарю, значилось 11, то уже в 60-е годы XX в. – не менее 28. Думается, что в этом можно увидеть подчиненную роль человека в том сообществе, где он живет. Объяснить это можно только одним: в досоветский период основной массив такого рода документов приходился в первую очередь на определенные сословия российского государства, после 1917 г. они стали обязательны для всех, потому что все были объявлены равными.

Справочник «Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991 гг.)»¹⁷ через документирование открывает картину взаимоотношений государства и человека в советской России и СССР.

Уже названия документов, в которых отразилась биографическая и генеалогическая информация, т.е. информация

¹⁷ Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991 гг.): Справочное пособие. М., 2010.

о человеке или его семье, роде, звучат отголоском важнейших событий и явлений советской истории: «Акт о национализации имущества», «Анкета для лица, обращающегося за помощью к органам помощи голодающим», «Карточка ребенка, эвакуированного из голодающей местности», «Анкета выдвигенца», «Карточка для учета лишенца», «Протокол опроса по отправлению турецкого подданного», «Анкета лица, ходатайствующего о восстановлении в правах гражданства», «Анкета кулака», «Книга учета трудодней колхозников», «Эшелонный список переселенцев», «Боевая характеристика партизана», «Извещение о гибели (смерти) военнослужащего», «Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Книга трудовой славы комсомольской организации», «Комсомольская путевка» и т.д. Названия документов, как правило, абсолютно точно отражают их функциональное предназначение, а видовой состав подчас детализируется до невероятной глубины – например, разновидностей актов насчитывается 36, анкет – 98, протоколов – 50, свидетельств – 14, учетных карточек – 39, справок – 42, карточек – 43 и т.д.

В этом море видов и разновидностей документов, фиксировавших многообразные отношения между человеком и государством в советскую эпоху, разобраться непросто. Авторы справочника по существу дают первую в нашей литературе классификацию документов, содержащих документальную информацию биографического и генеалогического характера, выделяя 11 классов документов: гражданского состояния, образования, служебно-трудовых и связанных с ними иных отношений, например, пенсионного обеспечения, гражданства, паспортизации и регистрации населения, учета отдельных групп населения, нотариальных действий, медицинской и социальной помощи, опекуинства, патронирования, усыновления, уголовно-процессуальных действий, политических репрессий, общественно-политической

деятельности. В главе, посвященной характеристике каждого из этих документальных комплексов, подробно рассматриваются правовая база их введения и функционирования, складывания в определенные документальные системы. Здесь же продолжена более детальная классификация документов биографо-генеалогического характера: организационно-распорядительные вышестоящих учреждений, составленные непосредственно в самом учреждении (документы официального происхождения на одно лицо и не включенные в личное дело, документы личного происхождения, не включенные в состав личного дела, учетные документы, финансовые документы, личные дела, личные документы). Тем самым читатель получает исчерпывающее представление не только о системах и подсистемах документирования отношений между людьми и государством в советское время, но и основных видовых документальных комплексах, зафиксировавших эти отношения. При этом время постоянно корректировало не только видовой состав биографо-генеалогических документов, но и формуляр их традиционно существующих видов. Вот, например, хорошо известная всем анкета, фиксирующая биографические данные о человеке и сведения о его трудовой деятельности. Анкета 20–30-х гг. требует сообщить о религиозных взглядах, партийных симпатиях, трудовой деятельности до революций, участии в Гражданской войне и т.д., а анкета 1940–1960-х гг. придиричива к пленению, интернированию, проживанию на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны, к родным и близким, проживающим за границей. А личное дело — вообще собрание самых неожиданных документов, в 20–30 гг. XX в. нередко печальных для лица, на которое оно заводилось.

В книге приведен алфавитный список 1315 видов и разновидностей документов и дел биографо-генеалогического характера с детальным рассмотрением содержания, места составления и времени бытования каждого из них. По суще-

ству этот список, а вернее, указатель является своеобразным «паспортом» документов с лаконичной и емкой характеристикой их типового содержания. Тем самым исследователи и более широкий круг пользователей получают возможность понять, в каких документах можно отыскать только биографическую, в каких — генеалогическую, и в каких биографическую и генеалогическую информацию, причем четко привязанную ко времени ее бытования.

Книга содержит и еще один важнейший пласт информации, связанный с тем, кто являлся автором каждого вида и разновидности биографо-генеалогических документов. Заполнение каждого из них — лично самим человеком, с судьбами которого он связан, или чиновником в силу его служебных обязанностей — это то грустная песня, то суровый набат, то гордая мечта. Жизнь так и струится в этих тысячных видах и разновидностях документов переливами, надеждами и надломами человеческих судеб, а документ словно зеркало их отражает, но, в отличие от зеркала, фиксирует навсегда.

Разветвленность систем документирования человеческой жизнедеятельности в советскую эпоху позволяет утверждать, что свидетельства практически о каждом жившем в то время человеке, а часто и о его генеалогии на уровне двух предшествующих ему поколений, можно найти в архивных документах. Биографо-генеалогические документы — их разные виды и разновидности — сопровождали советского человека всю жизнь, начиная от радостного свидетельства о рождении и кончая печальным свидетельством о смерти. А между этими документами сотни других, которые непрерывной цепочкой тянулись за ним и теперь в ряде своих видов и разновидностей остаются самым памятливым, вечным свидетельством о его бытии на нашей Земле.

Документирование человеческой жизнедеятельности и в новое и новейшее время — вещь неизбежная, а потому и обязательная. Споры о его пределах будут бесконечными,

потому что любое государство чувствует себя комфортнее различая человека в людях, тогда как любой человек сам для себя стремится определить степень публичности своего «я». И в современном мире число документов, которых мы можем отнести прямо или косвенно к биографо-генеалогическим, не уменьшается, а увеличивается, начиная от традиционной анкеты и кончая социальной картой москвича или налоговой декларацией. Но в каждый переживаемый государством и обществом период истории это документирование имеет свои особенности. Уже упоминавшееся выше пособие о документировании жизнедеятельности человека в досоветской России упоминает около 200 видов и разновидностей документов с отчетливо выраженной сословной составляющей. Справочник «Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации» демонстрирует репрессивный характер советского государства по отношению к своим гражданам — 16,1% всех видов и разновидностей биографо-генеалогических документов так или иначе связаны с карательной политикой советской власти.

Книга — замечательное свидетельство о советской эпохе и жизни в ней советского человека, которого государство начало замечать только едва ли не с 1974 г. — года принятия советской конституции, когда, например, советскому крестьянству было возвращено официальное право на паспорта.

Подготовленный ВНИИДАД в 2008 г. «Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в деятельности государственных органов Российской Федерации, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и учреждений, организаций, предприятий с указанием сроков хранения»¹⁸

¹⁸ Зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации в качестве официального документа.

называет 2773 типовых вида и разновидности документов, существующих сегодня только в гражданской сфере управления, без сфер обороны, безопасности, международных отношений, а также систем специальной документации (картографической, геологической, кинематографической, гидрометеорологической и т.д.). С учетом этого можно допустить, что в настоящее время жизнедеятельность государства, общества, человека в нашей стране регулируется не менее чем пятью тысячами видов и разновидностей документов. Бессмысленно говорить о том, много это или мало, хотя документоведение призвано вырабатывать механизмы оптимизации документооборота, в том числе и через уменьшение видов и разновидностей документов. Такова жизнь и таковы механизмы ее регулирования в настоящее время, в которых каждый вид и разновидность документа играет определенную, вполне возможно, дублирующую, страхующую, а то и вовсе излишнюю роль.

Одна из них — это необходимость документирования имущественно-хозяйственных отношений, среди которых размеры и границы земельных владений, характер и размер налогов являлись важнейшими элементами этих отношений, подлежащие документальной фиксации.

Далее важно указать на необходимость документирования товарообмена и торговли между субъектами этих отношений.

Вслед за двумя этими категориями или параллельно с ними возникла потребность документального учета хозяйственной и иной деятельности, а со временем и ее документального планирования.

Немаловажным в сфере имущественно-хозяйственных и торговых взаимоотношений и связей со временем становилось публичное, общепринятое их урегулирование — установление своего рода «правил игры» со стороны разных типов государственных формирований в виде специальных нормативных актов.

Эти же государственные формирования со временем захотели регулировать вообще внутреннюю жизнь своих сообществ, стремясь создать эффективную систему управления государством и образцового поведения его граждан. В результате в процессе этого стали возникать документы с организационными функциями, функциями охраны правопорядка, защиты безопасности государства и его граждан.

Далее они же оказались заинтересованными в определенной идентификации себя как государственных образований среди других аналогичных, в результате чего появились, стремительно развиваясь, документы дипломатического характера.

Эта же потребность в идентификации только теперь уже каждого конкретного человека, а также фискальные интересы вызвала к жизни документы, регистрирующие рождение и смерть человека. Потом со все более и более сложным развитием общественных отношений возникла потребность в документировании его трудовой биографии.

Осознание человеком себя как личности породило у него желание для внутреннего диалога с собой, а затем через документ в виде писем, дневников, воспоминаний, творческих сочинений этот диалог превратить в публичный разговор с неопределенным числом участников.

Таким образом, эволюция информации документа проходила по двум направлениям: содержательном и функциональном.

Эволюция содержания шла по пути все более и более расширяющегося охвата объектов документирования. У ее истоков стояло документное регулирование сакральной жизни и имущественных отношений, а продолжением стало регулирование межгосударственных, внутригосударственных и межчеловеческих отношений, а также особых сфер человеческой жизнедеятельности — научной, технической, строительной и др. В результате этого постепенно росло число видов и разновидностей документов при одновремен-

ном отмирании их прежних видов. Современная человеческая цивилизация вырастила своеобразное «документальное дерево». Это отчетливо просматривается и в России.

С другой стороны, эволюция документа захватила способы фиксации информации. Они коснулись в первую очередь визуальной информации. На протяжении столетий такая визуальная информация представляла собой исключительно изображение, создававшееся человеческим глазом и рукой с помощью рисования

Иначе говоря, на протяжении современной человеческой истории «дерево документов» росло стремительно, все более и более усложняясь и выращивая на стволе новые и новые «ветви» и отражая востребованность в них людских сообществ.

Наряду с этим происходил активный процесс сначала достаточно стихийного вхождения, а затем организованного включения документа в определенную систему других документов и как следствие этого оформление систем документирования или систем документации определенных или общих сфер человеческой жизнедеятельности. Отраслевая или межотраслевая система документирования по точному определению В. Н. Автократова – «это программа документационного обеспечения какой-либо общественной функции, включающая набор соответствующих видов документов и определяющая их форму, реквизиты, типические показатели, порядок создания, движения и обработки»¹⁹. К числу таких общих и специальных систем документации относятся, например, организационно-распорядительная, финансовая, кадровая, статистическая, геологическая, гидрологическая, картографическая и др. Программно-системное функционирование документа является его важным свойством, о котором мы будем говорить в других главах нашей книги.

¹⁹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 70.

XX в. стал временем постепенного внедрения в жизнь государства, общества и человека массового аудио и визуального документирования в формах их фотографической, кино, а затем и видео фиксации. Это было абсолютно новое явление, какое-то время воспринимавшееся как диковинка из-за непонятного даже для просвещенных людей эффекта фиксации факта, события, явления не в текстовой, описательной форме, а в форме их зрительной фиксации.

Такая фиксация вплоть до середины XX в. была делом трудоемким и затратным как бывает всегда в начале освоения новых носителей информации и способов ее фиксации. Возникновение аудио и визуального документирования поэтому носило элитарный характер, но уже скоро в нем случилась большая перемена. Визуальный документ стал частью официального документирования. С одной стороны, службы безопасности и охраны порядка в России, как и в других странах, быстро оценили большие возможности визуального документирования при фиксации мест и обстоятельств преступлений, а также важную роль фото, кино, видео портрета преступника в анфас и профиль в дополнение к словесному описанию этого портрета. С другой стороны, визуальный документ постепенно стал играть важную пропагандистскую роль. Газеты, журналы, афиши, книги, публиковавшие, например, фотографии присутствия императора, царской семьи на общественных мероприятиях, тем самым создавали у их зрителей впечатление собственного участия в этих мероприятиях, делали образы членов царствующей семьи человеческими, приближенными к народу. Официальное визуальное документирование Первой мировой войны выглядело патриотичным, демонстрируя мощные атаки русских войск, взрывы снарядов и бомб, мужественные лики солдат и офицеров, бережную заботу страны о раненых и т.д.

Годы советской власти внесли в визуальное документирование новые черты. По прагматическим соображениям

ради получения международной помощи власть не препятствовала фото и кино фиксации страшных картин голода в Поволжье в 1921 г. И, наоборот, фотокинодокументирование рукотворного голода, созданного властью в стране на рубеже 20-х — 30-х годов, было запрещено. Запрещалась фотокинофиксация эпизодов коллективизации и раскулачивания, исключая радостных картин колхозных хлебозаготовок, строительства гигантов индустрии и их производств. Официальное фотокинодокументирование по существу превратилось в откровенную пропаганду плакатной формы.

Одновременно с такими официальными фотокинодокументами службы безопасности и охраны порядка стали все шире использовать их как доказательства. Тайное аудио и фотокинодокументирование в их деятельности все больше и больше становилось в порядке вещей, являясь одним из способов формирования доказательной базы изобличения настоящих и мнимых преступлений.

И тем не менее при всей жесткой пристраиваемости официального аудио и визуального документирования пристальный взгляд найдет в нем уловимые черты времени, которые невозможно обнаружить в письменных документальных источниках. Это одежда гражданских и форма военных лиц, интерьеры внутренних помещений, архитектура зданий и сооружений, оружие, упряжь и убранство лошадей и т.д.

Итак, на протяжении всего XX в., официальное фоно, фото, кино, видео, документирование развивалось в нескольких направлениях: криминальном, официозно-политическом, агитационно-пропагандистском, идеологическом, научно-познавательном.

На фоне все более и более расширявшегося официально-го фото, кино, видео, фоно документирования укреплялось фото, кино, видео, фоно документирование неофициальное. Оно вырастало прежде всего из документирования изображения человека и желания фиксации его речи в устной форме.

До изобретения визуального документирования портрет человека был делом творчества художника. Как правило, в этом случае он, нося заказной характер, являлся результатом коммерческой сделки. По этой причине художественный портрет оставался достоянием избранных, которые хотели этим либо запечатлеть свой личный жизненный успех, например, купцы, фабриканты, либо просто имели финансовые возможности сохранить свои образы и образы близких как назидательную память о себе для потомства.

Портретное фото, кино, видео документирование медленно, но неотвратимо начало конкурировать с художественным документированием. Последнее, конечно, не исчезнет, оно существует и в наши дни. Но портретное визуальное документирование со временем приобрело массовый характер. Оно дало возможность пусть не каждому, то многим запечатлеть себя, свою семью, круг близких людей. Зачем, возникает невольно вопрос? В подавляющем большинстве случаев явно не для вечности, а для собственного удовольствия ощутить себя во времени и послать зримый сигнал близким о своем существовании.

Многие годы портретное визуальное документирование испытывало мощное воздействие художественного документирования. Оно оставалось статичным и постановочным как в портретном художественном документировании. И сегодня оно остается жить. Однако время массового визуального документирования изменило привычный канон портретного фото, кино, видео документирования. Неподвижность и режиссура фотопортрета стали заменяться динамичным и естественным фиксированием человека во времени и уже в среде его бытования.

Раннее визуальное документирование — это преимущественно портретное и сценическое или режиссерское, постановочное документирование. Но уже очень скоро в его рамках начало выкристаллизовываться событийное визуальное документирование. Первоначально оно было связа-

но с фиксацией природы и архитектурных памятников, а то и просто с городскими и деревенскими пейзажами, потом оно стало дополняться репортерским документированием мест событий и самих событий.

Почти одновременно с визуальным документированием возникло звуковое, аудиодокументирование. Оно также прошло со времени своего изобретения определенную эволюцию. Главный смысл этой эволюции заключался в том, что от простой фиксации звука — голосов знаменитых людей, животных и птиц через использование фонодокументов как массового продукта культуры звуковое документирование в конце концов захватило важнейшие сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе в тайной и публичной фиксации человеческой речи, фактически к звуковой фиксации и трансляции любого устного текста.

Таким образом, содержательная и типологическая эволюция документа, зафиксированная архивоведением, ставит практические задачи учета этого явления при выработке стратегии и правил отношения к ним при их сохранении и использовании.

Трансформация (фазы бытования) документа. Выше мы говорили о принципиальной разнице трех классов документов — документов официального происхождения и документов личного и сакрального происхождения. Здесь же важно подчеркнуть, что несмотря на указанные расхождения их объединяют некие общие закономерности создания и бытования, или «жизни», о чем в общих чертах писал еще В. Н. Автократов²⁰.

Для представления о жизни документа принципиально важным является понимание того, что документ как любой материальный объект и интеллектуальный продукт переживает определенные периоды своего существования, и в этом

²⁰ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 70.

смысле документоведение, архивоведение, археография, документальное источниковедение в какой-то мере есть ничто иное как научные дисциплины, отслеживающие его «жизнь» в пространственно-временном измерении его реального бытования. Выявление и анализ каждого, как иногда говорят, «жизненного цикла» документа, позволяет открыть новые штрихи в понимании этого одного из феноменальных продуктов современной человеческой цивилизации.

Документ, как регулятор человеческой жизнедеятельности, и одновременно как ее запоминание, представляет собой своего рода живой организм, живущий по своим особым законам. Его рождению предшествуют «родовые схватки», связанные с *фазой создания* документа, т.е. с его оформлением, согласно теории когнитивной истории отражающем функцию живой системы в режиме «мышление — действие» или «мысль — слово»²¹.

Создание документа проходит три этапа или стадии: возникновение замысла документа с целью реализации какой-либо возложенной на него функции, реализация этого замысла, сопровождаемая возникновением вариантов его текста, и оформлением одного из таких вариантов на основе определенных юридических норм, когда речь идет об официальном документе (бланк, подпись, печать и др.), либо с помощью общепринятых, основанных на традиции знаковых элементов (подпись, условный символ и др.), когда речь идет о документах личного и сакрального происхождения.

Концептуальная стадия создания документа сопровождается иногда серией его планов, набросков, вариантов. В этой фазе вырабатывается замысел, содержание, суть задуманной автором документа его целевой заданности, в конце концов реализующейся окончательным текстом документа. Примером концептуальной стадии бытования документа может являться история подготовки сообщения президиума ГПУ

²¹ Медушевская О. М. Теория и методология. С. 36.

о деятельности партии эсеров (1922 г.). Идея такого сообщения возникла во время заседания Президиума ГПУ от 24 февраля 1922 г., на котором были предъявлены обвинения 140 членам партии эсеров. Его проект был готов уже в тот же день и 25 февраля направлен на рассмотрение в Политбюро ЦК ВКП(б)²², которое отклонило документ и поручило его доработать Л. Б. Каменеву и И. С. Уншлихту²³. Следы этой доработки отразились не менее чем в 15 поправках, ряд которых носил принципиальный характер. 27 февраля этот проект был вновь рассмотрен Политбюро, которое и признало необходимым его опубликовать²⁴.

В публикации по истории процесса над эсерами зафиксирован и вовсе поразительный пример концептуальной стадии бытования документа, связанный с установлением норм питания осужденных — не менее шести вариантов раскладки таких норм²⁵. Красноречивым примером размышлений над документом во время его создания является письмо зампреда ГПУ Уншлихта Сталину от 21 июня 1922 г. о высылке ряда врачей. Первоначальный вариант, предполагавший такую высылку «в голодающие губернии, предпочтительно» был заменен на «Оренбургскую губ/ернию/»²⁶. Еще одним примером концептуальной стадии бытования документа является подготовка постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»²⁷.

Сходными признаками концептуальной стадии бытования обладает и класс документов неофициального происхождения. Наличие планов, набросков, вариантов, поправок

²² Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 164—166.

²³ Там же. С. 167—172.

²⁴ Там же. С. 173.

²⁵ Там же. С. 178.

²⁶ Там же. С. 721—722.

²⁷ Культура и власть от Сталина до Горбачева. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.

будущего окончательного текста документа присуще этому классу еще больше. Например, Л.Д.Троцкий, готовя для «Правды» в 1922 г. свою знаменитую статью «Диктатура, где твой хлыст», направленную против антисоветски настроенной российской интеллигенции, испещрил ее многочисленными поправками, вставками, зачеркиваниями. В конце концов, не удовлетворенный написанным, он дает здесь себе самоздание: «Внимательно переписать и пересмотреть. Т/роцкий/»²⁸.

Для документоведения концептуальная стадия бытования документа, завершающаяся его созданием, имеет важное значения, поскольку в этой фазе «рождается» документ как официальное отражение его целевой заданности. Концептуальная стадия бытования документа рассматривается документоведением как удачная или неудачная «техника» его создания. И документоведение старательно прописывает нормальные и оправданные правила применения такой «техники», в том числе в нормативно-унифицированном виде. Например, циркулярное письмо ГПУ от 23 ноября 1922 г. «Об антисоветском движении среди интеллигенции», требуя заведения на «каждого профессора и политически активного студента», на «каждое частное издательство, литературное объединение и отдельных видных литераторов» специальных «карточек-формуляров», подробно прописывало характер включаемых в такие карточки сведений²⁹. Понятно, что в таких случаях мыслительный процесс при заполнении этих карточек сводился к минимуму, он заменялся предоставлением сведений, полученных активной агентурно-осведомительной работой.

Согласно смотря на концептуальную стадию бытования документа архивоведение, археография и документальное

²⁸ «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. С. 136.

²⁹ Там же. С. 541.

источниковедение. Планы, наброски, варианты документа являются для этих дисциплин самодостаточно значимыми, ибо позволяют определить некую подоснову документа, ставшего окончательным и перешедшим в его оперативную фазу бытования. Эта подоснова связана с возможностью установления развития замысла автора документа, и в случае наличия и сохранения его «подготовительных материалов», этот замысел может быть реконструирован с большей полнотой и вероятностью, давая важную дополнительную информацию для понимания окончательного варианта текста.

К сожалению, применение при создании документа современных компьютерных технологий в большинстве случаев в прямом и переносном смысле «стирает» концептуальную стадию бытования документа, если только сам автор не озаботится сохранением его вариантов, и тем самым лишает архивоведение, археографию и документальное источниковедение дополнительных данных для понимания документа.

После создания документа начинается *фаза его оперативного бытования*. Она проходит две стадии. *Стадия собственно оперативного бытования документа* отражает его функционирование как регулятора реальной действительности. На этой стадии документ прямо и непосредственно выполняет свое предназначение — решение той задачи, выполнение той целевой функции, ради которой он был задуман и создан. Такое бытование может быть как одномоментным, например, личное письмо информационного характера, так и многомоментным, например, законодательный акт, организационно-распорядительный документ, литературное произведение. На этой стадии своего бытования документ может существовать как в опубликованном, так и в неопубликованном виде, а также сохранять приданное ему в момент создания свойство (форму бытования) публичности или принципиальной непубличности. Кроме того, на стадии собственно оперативного бытования за счет резолюций и помет нарушается неприкосновенность документа, в ре-

зультате чего он получает новые дополнительные структурированные сообщения.

Такие нарушения, как правило, представлены: а) подчеркиваниями и отчеркиваниями текста документа, свидетельствующими об особом интересе, который у читателей вызывают те или иные его места; б) особыми отметками типа восклицательного или вопросительного знаков, знака «NB» на полях документа; в) комментариями к отдельным частям текста документа, определенно, а не с помощью символов выражающих отношение к прочитанному; г) резолюциями распорядительного, согласительного, информационного, вопросительного, организационного, ознакомительного и другого характера.

Познавательны, например, нарушения неприкосновенности докладов премьер-министров Российской империи императору Николаю II. Они носили системный и много-смысловой характер, отражая представления императора об иерархии государственных дел, которые ему приходилось решать. В одних случаях Николай II просто отмечал свое знакомство с такими докладами, негласно соглашаясь с содержащимися в них предложениями. В других случаях император раздражается многословными комментариями, выражая свое мнение о содержании документов. Примечательно, что иерархия его отношения к тому или иному государственно-му вопросу через резолюции на документах совпадает с иерархией их комментирования в дневнике императора³⁰.

Нарушения неприкосновенности документа в фазе его оперативного бытования типа «в» Л. Д. Троцким мы встречаем, например, на листовке о Ф. К. Миронове, поднявшем против большевиков восстание на Дону. На полях этой листовки имеются многочисленные комментарии, отразившие

³⁰ Козлов В. П. «Загоны шли, приближаясь к зверинцу...». Рец. на документальную публикацию: Дневники императора Николая II (1894–1918). М., РОССПЭН, 2011. Т. 1. Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 119.

реакцию Троцкого на прочитанное, типа «Кто и когда говорил? Наоборот!», «Ложь!», «Не то! Не то!»³¹.

Характерным примером стадии собственно оперативно-го бытования документа может служить записка Троцкого Каменеву и Сталину о ходе подготовки к процессу над членами партии эсеров от 7 мая 1922 г., в которой ставился вопрос о необходимости представить А. В. Луначарскому и Н. И. Бухарину, как обвинителям на процессе, в качестве их секретаря сотрудника секретариата ЦК ВКП(б) Василевского. Резолюции адресатов красноречиво показывают выработку решения по этому вопросу: «Молотову. Предлагаю уступить и отдать Василевского на период процесса. И. Сталин. 8/5». Однако Молотов, как руководитель секретариата ЦК партии, был очень заинтересован в Василевском. Его резолюция отразила это: «Я против. Думаю, что можно найти другого. Кандидатура, напр/имер/, Иконников... 8/5. В. Молотов». Сталин соглашается: «Назначить т. Иконникова. И. Сталин»³².

Подобные резолюции подчас содержат важный информационный пласт. 7 июля 1922 г. Каменев обратился к Сталину с предложением освободить из-под стражи меньшевика А. А. Югова в связи с тяжелым состоянием его здоровья. Резолюции на этом документе: «Всем членам ПБ. По рекомендации опросом. За удовлетворение ходатайства Каменева. Ст/алин/», «За. Молотов», «За. Томский», «Т. Зиновьев отсутствует», «За. Рыков. 8/VII», «Не возражаю. Троцкий». Решение Политбюро было оформлено в тот же день. Но уже 10 июля ГПУ вошло в Политбюро с просьбой не освобождать Югова, т.к. это «не помешает ему заняться политической деятельностью». Резолюции на записке ГПУ: «За удовлетворение ходатайства ГПУ. И. Сталин», «Присоединяюсь к Сталину. М. Калинин», «За пересмотр. В. Молотов», «За

³¹ Филипп Миронов. Тихий Дон. С. 377.

³² Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 214.

пересмотр. М. Томский»³³. Другой пример нарушения неприкосновенности документа показывает иерархическую последовательность его исполнения. 27 июня 1922 г. нарком внешней торговли РСФСР Л. Б. Красин написал в ГПУ поручительство за писателя и историка С. П. Мельгунова с просьбой освободить его из-под ареста. Резолюции, нарушившие неприкосновенность документа, отразили его движение и принятие по нему решения: «т. Решетову. Для приобщения к делу. Я. Агранов. 29 июня 1922», «Кишкину. К делу Мельгунова. Пиши скорей заключение о ссылке Мельгунова. И. Решетов. 30 июня /1922г./»³⁴.

Известны многочисленные распорядительные резолюции Сталина на протоколах допросов арестованных по политическим обвинениям в 30-х годах³⁵.

Иногда оперативная стадия бытования официального документа сопровождается возникновением документа по-существу неофициального происхождения, вплетаемого в процесс официального документирования. Например, С. П. Мельгунов на бланке предъявленного ему в 1922 г. постановления с обвинением в антисоветской деятельности написал: «Настоящее постановление мне объявлено, в чем и расписуюсь. С. Мельгунов. Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. Мною заявлено, что какие-то три нелегальных эсера у меня были, не зная, кто, не могу дать никакого пояснения...»³⁶.

Стадия собственно оперативного бытования документа является ничем иным как актуальным состоянием всей его информации — изначально созданной автором в виде структурированных сообщений, и дополнительной, возни-

³³ «Очистим Россию надолго...». С. 158–159.

³⁴ Там же. С. 151.

³⁵ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1956 — начало 80-х годов. Т. II. М., 2003. С. 576–578.

³⁶ «Очистим Россию надолго...». С. 542

кающей в процессе нарушения неприкосновенности документа.

Для документоведения стадия собственно оперативного бытования документа имеет принципиальное значение. Документоведение призвано выработать механизмы и нормы, обеспечивающие наиболее оптимальные параметры регистрации, прохождения, принятия решения, контроля за реализацией решения, инициированного документом в его собственно оперативной стадии бытования. С помощью определенных правил документоведение обеспечивает разумное и по возможности эффективное обеспечение решения функциональной задачи официального документа. Иногда эти правила уступают место конкретным директивам. Например, циркулярное письмо секретного отдела ГПУ от 10 марта 1922 г. «О кооперации» предписывало формирование и структуру «основных» и «вспомогательных» дел, которые должны были заводиться местными органами ГПУ на «каждый губсоюз (облсоюз) отдельного вида кооперации», «на каждую первичную кооперативную ячейку (общество, артель, товарищество и т.д.)»³⁷, а приказ № 335 от 20 декабря подробно регламентировал правила движения дел на «административно-высылаемых»³⁸.

Для архивоведения, археографии, документального источниковедения стадия собственно оперативного бытования документа связана с моментом ожидания — ожидания возможности его публичности, разрушения его неприкосновенности, наблюдением за его движением и концентрацией в документальных потоках. Разрушение неприкосновенности документа дает архивоведению, археографии, документальному источниковедению дополнительные признаки для последующей оценки его значения уже как документально-исторического источника.

³⁷ Там же. С. 60-61.

³⁸ Там же. С. 444-445.

Стадия собственно оперативного бытования документа личного или сакрального происхождения безразлична для документоведения, которое ее принципиально не может регулировать. Тут вступает в силу культура работы с такими документами, опирающаяся на традиции, и в принципе сознательно или подсознательно ориентированная на требования архивоведения, археографии и документального источниковедения. В основе этой культуры лежит понимание автором и адресатом документа личного или сакрального происхождения его значимости для себя, близких им людей, человеческого сообщества.

Стадия собственно оперативного бытования документа есть ничто иное как его полезность в достижении цели, поставленной перед документом его автором в рамках его взаимодействия с другим (другими) субъектом (субъектами). В этом смысле вне такого взаимодействия полезность документа для других субъектов может быть ничтожной или даже бесполезной. Полезность документа вещь субъективная, но все же приблизительно определяемая результатом его действия. В этой фазе реализуется предельная полезность документа между взаимодействующими с помощью документа субъектами.

Однако рано или поздно стадия собственно оперативного бытования документа неизбежно переходит в стадию, связанную с его оперативным бытованием в качестве архивного документа, т.е. документа, хранящегося в архиве. Примером оперативной архивной стадии бытования документа может служить письмо председателя Верховного Трибунала РСФСР Н. В. Крылова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 мая 1922 г. о ходе подготовки процесса над эсерами. Ленин ознакомился с ним или в тот же или на следующий день. Но штамп «Архив Ленина» с рукописной пометой о его представлении 11 мая 1922 г. говорит о том, что документ был передан в архив Ленина. Это не означало, что документ утратил свое собственно оперативное значение, поскольку в

нем ставилось много вопросов, решавшихся впоследствии. Он всего лишь перешел в оперативную архивную стадию его бытования³⁹. *Архивная стадия* фазы оперативного бытования документа характерна, например, для правовых документов (законы, книги записи актов гражданского состояния, договоры и др.). В этом случае архивирование документа, т.е. определение его стратиграфии среди других документов — в деле, комплексе, фонде, его идентификация, т.е. описание, создание условий для обеспечения сохранности и др.) являются ничем иным как обеспечением возможности оперативного бытования документа в иной, нежели до этого информационной среде.

Важнейшим показателем архивной стадии фазы оперативного бытования официального документа является его бо́льшая, в сравнении с доархивной, степень упорядоченности. На этой стадии документ обретает физические, логические и иные связи с другими документами, во-первых, и, во-вторых, в случае возникновения необходимости продолжения реализации тех задач, ради которых документ создавался, он становится объектом адресного поиска. В этом смысле характерно, например, что при подготовке процесса над эсерами в стадии оперативного архивного бытования связанных с этим процессом документов в архиве Политбюро ЦК РКП(б) шло их целенаправленное формирование в специальные тематические досье⁴⁰.

Архивная стадия фазы оперативного бытования документа уже предполагает, хотя и не гарантирует, обеспечение его неприкосновенности.

Документоведение и архивоведение устанавливают сроки хранения официального документа на стадии его оперативного архивного бытования. Вырабатывая критерии определения таких сроков, документоведение и архивоведение

³⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 215.

⁴⁰ Там же. С. 5, 60–61, 221 и др.

тем самым определяют практическое временное значение документа как регулятора повседневной действительности и перспективы его возможного вечного сохранения. Архивоведение на этом этапе выступает равноправным партнером документоведения. Археография и источниковедение принимают посильное участие в определении судьбы документа на этой стадии его бытования.

И в собственно оперативной стадии бытования, и в архивной стадии оперативного бытования документа наступает момент, связанный с приобретением документом *состояния покоя*. Его можно определить как не востребованность документа для решения тех оперативных задач, ради которых он задумывался и создавался (для вариантов текста документа состояние покоя наступает после того, как один из этих вариантов начал реализовывать возложенную на него функцию в общепринятой, реально существующей системе взаимодействия физических и юридических лиц). Иначе говоря, мы наблюдаем убывание предельной полезности документа, что соответствует теориям ценности, рассматривающим подобное явление как закономерность.

Фаза покоя документа, связанная с его не востребованностью для решения ранее выполняемой им функции, определяет новые особенности его состояния.

В фазе покоя документ окончательно утрачивает свое первоначальное целевое назначение. На первый план выдвигается его свойство не регулирования действительности, а запоминание этой действительности. Память документа со временем не только расширяется за счет памяти других документов, с которыми в фазе покоя он оказывается связан. Ее часть в результате экспертизы ценности уничтожается. Оставшаяся часть включается в состав уже сформированной документальной исторической памяти, непрерывно ее пополняя.

Документ в фазе покоя, уже отнесенный к числу вечно сохраняемых, вновь обретает свойство неприкосновенно-

сти. Оно означает неприкосновенность стабилизации его места среди других документов, невозможность изменения параметров физического состояния его носителя, исключая реставрационное вмешательство, запрет на любые вторжения в его текст. Кроме того говоря понятиями когнитивной истории, актуальная информация документа становится «отложенной», т.е. сохраняемой до ее востребования⁴¹.

Новое состояние документа — состояние покоя — есть ничто иное как фаза, предшествующая его следующей фазе бытования — *в качестве документального исторического источника*. Чтобы эта фаза в жизненных циклах документа наступила реально, необходимо несколько условий, обеспечивающих главное — превращение документа в *публичный документ*. Ниже при характеристике документа как документального исторического источника мы подробно рассмотрим эти условия. Здесь же в общих чертах отметим, что фаза покоя документа, характеризуемая вечностью его сохранения, неприкосновенностью, возможностями информирования о его существовании и адресностью его поиска, общедоступностью и равнодоступностью, является ничем иным как одновременным существованием документа как документального исторического источника.

В фазе покоя документа и в фазе его бытования как документального исторического источника документоведение лишается своей регулирующей роли. Категории, принципы, нормы архивоведения теперь для документа приобретают решающее значение. С позиций архивоведения фаза покоя и фаза существования документа в качестве документального исторического источника означают признание изменения его функционального предназначения — уже не как регулятора действительности, а как свидетельства об этой ушедшей в прошлое действительности — субъективное, недостоверное, сфальсифицированное, но реально сохранен-

⁴¹ Медушевская О. М. Теория и методология. С. 132.

ное и подлежащее сохранению. Для архивоведения важно понимание и того, что документ в фазе покоя становится гарантом своей аутентичности. И хотя он может вновь восстановить одно из свойств своей оперативной фазы бытования — свойство движения — это движение совершается уже только в архивно-информационной среде — в читальный или выставочный залы, в реставрационную лабораторию или лабораторию копирования. При этом вырабатываемые архивоведением правила и нормы такого движения обеспечивают недопущение какого-либо нарушения его неприкосновенности, а создание его копии для фонда пользования и для страхового фонда — гарантию почти абсолютного покоя и сохранения информации в случае непредвиденной утраты оригинала.

Таким образом, выявленные архивоведением фазы бытования документа, отражая его трансформацию, являются важным моментом в решении практических задач архивного дела. Они связаны с обязательным реагированием на состояние документа в каждой фазе его бытования с помощью специальных решений, действий и нормативов, обеспечивающих полезность и ценность документа и превращение его в публичный документ — документальный исторический источник.

Формы реализации документом функциональной заданности. Свою функциональную заданность документ реализует в одной из трех форм.

Закрытая, непубличная, секретная форма бытования документа в качестве регулятора действительности означает ограничение известности его информации, а следовательно, и реализуемой им цели, по соображениям сохранения государственной, иной охраняемой законом тайны, или по иным соображениям, которые вправе установить автор, владелец или собственник документа. В современной жизни группы документов как «носителей сведений», не подлежащих оглашению, регламентируются законодательными и иными

публичными правовыми актами. В недавнем прошлом такие акты не являлись публичными, открывая простор для произвольного использования непубличной формы обращения документов. Она, например, была характерна почти для всех документов, создававшихся в органах КПСС, службах безопасности, порядка и обороны. Тем не менее дать общие характеристики параметров этого тайного архипелага мы все же можем, тем более, что в своих главных проявлениях они носили и носят интернациональный характер.

Во-первых, это комплексы документов, касающиеся внутренней и внешней безопасности той или иной страны, состояния и перспектив развития ее обороны, преступности и оперативно-розыскных мероприятий в отношении ее предотвращения, установления и пресечения.

Во-вторых, это документы, связанные с международными отношениями того или иного государства, содержащие подчас деликатную информацию о выработке и принятии тех или иных решений, могущие затрагивать интересы других сторон международного процесса.

В-третьих, это документы научно-исследовательского характера, содержащие прорывные «ноу-хау» и технологии, и по этой причине важные для государства и корпоративных объединений в достижении определенных политических и экономических целей.

В-четвертых, это документы, содержащие определенного рода экономическую информацию, на которую не распространяется действие международных соглашений, и ограничение на доступ к которой по разным причинам жизненно важно для государства и корпоративных объединений.

В-пятых, это документы, содержащие информацию о тайне личной жизни человека, а также документы, информация которых может причинить ущерб безопасности его и его семейной жизни.

В принципе перечень комплексов документов, доступ к информации которых может быть ограничен не только в

соответствии с законом, но и по той или иной причине за-
прещен, можно было и продолжить. Общественные объеди-
нения и политические организации, корпорации в любой
стране вправе ограничивать доступ к своим документам за
исключением случаев, оговоренных в законодательстве.
Любой человек, опять же за исключением законодательно
оговоренных случаев, вправе заявить о своем желании ог-
раничить на определенный срок и для определенных кате-
горий пользователей доступ к документам, переданным на
хранение в тот или иной архив.

Иначе говоря, современный этап человеческой цивили-
зации, открыв возможности для всеобщего докумен-
тирования ее жизнедеятельности и для неограниченного
распространения результатов такого документирования и
их интерпретаций, одновременно создал и создает не под-
дающийся никаким оценкам его размеров документальный
массив, доступный лишь избранным.

Ограничения доступа к документу по соображениям на-
циональной безопасности, безопасности личности, нося
в значительной мере субъективный характер, тем не менее
всегда были, остаются и будут оставаться существенным
препятствием реализации востребованности документа, ес-
ли только такая востребованность не носит также ограничи-
тельно-непубличный характер.

Ограничение доступа к документу известно с глубокой
древности. Оно связано с тем, что автор документа, руко-
водствуясь определенными соображениями безопасности,
обеспечивает документу непубличную форму бытования,
достигая это либо с помощью специальных систем шифров-
ки информации, либо с помощью различных технических
средств, исключающих доступ к документу любых, не упол-
номоченных волею автора документа лиц, либо с помощью
того и другого. Уже в средневековой Руси существовали раз-
личные системы тайнописи, со временем все более и более
совершенствовавшиеся.

Вероятно, здесь будет к месту дать описанному оценку. Безусловно, это явление отражает некую знаковую сторону бытования документа. Оно, несмотря на свою субъективность, связано с существованием одного из способов защиты государства и общества своей безопасности в условиях всеобщего документирования. Разумеется, в нем могут иметь место и преступные намерения. Но все же, в условиях остающегося все еще несовершенным мира, это оправданная защита от его несовершенства. И, вероятно, по этой причине мы должны поставить вопрос о границах не только доступности к документам, содержащим такого рода информацию, но и об их обязательном сохранении.

Закрытая форма бытования документа далеко не всегда диктуется объективными причинами и обоснованными нормами. Она часто выступает своего рода формой существования и деятельности структур, скрывающих механизмы своей деятельности, ее результаты и цену этих результатов. Философия этой формулы так или иначе уходит в формулу «чуда, тайны, авторитета» как религиозной веры человека в возможность на их основе достичь благоденствия. Подчас это особая, доступная избранным, сфера документирования, существующая параллельно с публичным документированием и решающая одну и ту же задачу. При этом следует учесть, что исполнение инициативного секретного документа рождало лавину опять же секретных документов, аналитическая их обработка снова рождала новые секретные документы и т.д. Не случайно все крупнейшие события и явления советской истории — изъятие церковных ценностей, судебные процессы над меньшевистскими партиями, борьба с оппозицией в ВКП(б), коллективизация, голод начала 30-х гг., послевоенная политическая борьба в КПСС и т.д. наряду с массовым изначально публичным документированием сопровождались не менее массовым непубличным документированием, включившим документы с информацией о реально значимых решениях, действиях и их результатах.

Публичная форма бытования документа означает его функционирование в рамках открытых документных систем, существующих правил и норм, не предусматривающих каких-либо ограничений на знакомство с ним. Публичная форма бытования документа может быть также связана с его обнародованием, либо в качестве объективно присущего ему свойства быть обязательно известным всем и каждому, например, закон, либо по каким-то иным причинам, вызывающим необходимость обнародования документа. Поэтому в современной России сложилась целая система информирования граждан о жизненно важных для них документах официального происхождения и их публикации, — начиная от сайтов государственных учреждений и организаций и кончая их опубликованием в «Российской газете».

Непублично-публичная форма бытования документа означает перевод документа из непубличной формы его бытования в публичную на основе законодательных норм и с помощью специальных механизмов выработки и принятия соответствующих решений. На их основе, например, в 90-е годы прошлого века были рассекречены значительные комплексы документов для Конституционного Суда Российской Федерации, по истории реализации Атомного проекта СССР, истории ГУЛАГа, коллективизации и голода в СССР. Однако часто необходимость перевода документа из непубличной формы в публичную вызывается практической потребностью, когда непубличная форма тормозит и даже препятствует его использование в практических целях как оперативного регулятора жизненно важных процессов прошлого и современности. Так, например, произошло с рассекречиванием совместных постановлений СМ СССР и ЦК КПСС, связанных с землеотводом для строительства режимных предприятий, в последние десятилетия изменивших свой профиль деятельности и форму собственности.

Признаки документа как документального исторического источника. Таким образом, мы можем говорить о том, что

практически любой архив в любой стране имеет закрытый массив документов, содержащих государственную, коммерческую тайну, тайну личной и семейной жизни. Наличие такого массива — объективная реальность, общественно значимое явление, хотя, конечно, в его формирование часто вмешиваются субъективные моменты. Засекречивание документов есть ни что иное, как отражение того, что они сохраняют то первоначальное целевое назначение, ради которого создавались, сохраняют содержание той целевой функции, ради которой они предназначались. Условный временной срок, только после истечения которого становится возможным доступ к ним исследователей, является своеобразным знаком, сигнализирующим об утрате документом своего первичного назначения и его переходе в новое качество — документа, предназначенного уже для решения иных задач и достижения иных целей. Собственно говоря, суть рассекречивания можно определить как трансформацию документа из разряда регулятора общественно значимых функций юридических лиц и замыслов физических лиц в разряд обеспечения не менее значимых общественных функций, связанных прежде всего с объективно присущей обществу необходимостью познания самого себя в исторической ретроспективе.

Сам по себе архивный документ, даже содержащий исторически значимую информацию, еще не является документальным историческим источником. Главное отличие архивного документа от документального исторического источника скрывается в известности и доступности его подлинника. Иначе говоря, архивный документ превращается в документальный исторический источник только тогда, когда он становится публичным, т.е. равнодоступным. Это важное положение стало возможным сформулировать только в результате развития общественных процессов последних лет на основе осмысления работы, прежде всего с документацией новейшего времени.

В самом деле, например, специалистам в области истории феодализма это наблюдение было давно и хорошо известно, считалось само собой разумеющимся, хотя теоретически, насколько известно, это нигде и не постулировалось. Но практика их работы была связана именно с признанием безусловности этого положения. Оно исходит не только из вполне понятного признания того, что никогда никакая публикация, даже факсимильная, не сможет заменить подлинника. Достаточно в этой связи привести хотя бы пример с бесконечно продолжающимся, начиная с XVIII в., источниковедческим анализом духовных и договорных грамот великих и удельных князей, основанном в том числе на обязательном изучении подлинников и приносящим каждый раз самые неожиданные новые результаты. Речь идет и о более фундаментальных выводах, неизбежно следующих из данной теоретической посылки и связанных с решением эвристических, познавательных задач.

В теоретическом отношении идея публичности архивного документа как признака его трансформации в документальный исторический источник является вообще одной из ключевых для архивоведения и принципиально важной для документального источниковедения. В архивоведении она предопределяет решение задач, например, создания и совершенствования научно-справочного аппарата как обязательного признака и элемента публичности архивных документов, последовательность и содержание целых технологических архивных операций, касающихся, например, учета, микрофильмирования и т.д. Для документального источниковедения эта фундаментальная теоретическая посылка означает гарантии свободного и равного доступа к документальным историческим источникам, хранящимся в архивах, возможности проверки и перепроверки выводов конкретных источниковедческих исследований и т.д.

Приведенные выше размышления имеют не только теоретическое значение в плане уяснения процесса трансфор-

мации архивных документов в документальные исторические источники и его воздействия на архивные технологии и формирование достоверной источниковой базы. Недоучет, а то и вовсе игнорирование этой общей для архивоведения и источниковедения категории способны нанести серьезный ущерб прикладному архивоведческому и источниковедческому знанию. Здравый смысл, например, готов принять как данность существование оперативно-текущих архивов, т.е. архивов, доступных юридическим лицам для выполнения служебных задач. Понятно существование ограниченно-публичных архивов, т.е. архивов, доступных определенному кругу юридических и физических лиц. Однако доверительный тип архивов, т.е. архивов, доступных доверительному кругу лиц, вступает в противоречие с элементарными этическими нормами, открывает потенциальные возможности для искажений, а то и просто фальсификаций документальной источниковой базы.

Мы рассмотрели процесс трансформации архивного документа в исторический источник и установили, что определяющим рубежом или критерием такой трансформации является приобретение архивным документом свойств известности и доступности. Сфера публичности архивных документов является, таким образом, общей для архивоведения и источниковедения. Это своеобразный общий «стыковочный узел», в котором объект одной научной дисциплины становится объектом другой научной дисциплины, однако становится не автоматически, а только после проведения с ним целого комплекса соответствующих операций, обеспечивающих строгую фиксацию архивного документа – исторического источника в комплексе других архивных документов и исторических источников, гарантирующих его неизменчивость и доступность. Только после таких операций становится возможным обеспечение нескольких обязательных условий научного поиска – его свобода, проверка выводов, их корректное сравнение и т.д.

С учетом этого обстоятельства мы и должны подходить к определению понятия документальный исторический источник, которое имеет первостепенное значение для познания прошлого. Документальный исторический источник есть ничто иное как публичная часть документального исторического наследия, сохраняющего свою аутентичность. На наш взгляд, можно говорить о первичном, вторичном и ограниченно первично-вторичном признаках документа как публичного документального исторического источника. Первичным признаком документа как документального исторического источника является его публикация, т.е. его обнародование — в средствах массовой информации, включая в настоящее время Интернет, в книге, документальной публикации, в том числе в сопровождении его вариантов. При этом для документального источниковедения принципиально важное значение имеет удостоверение аутентичности такого обнародования документа с его оригиналом. И прошлый и современный опыт обнародования документов показывает, что с одной стороны, высокой степенью аутентичности обладают документы, обнародованные в официальных изданиях, а с другой стороны — даже в таких изданиях по самым разным соображениям из текстов обнародуемых документов исключаются части, связанные с непубличной формой их бытования.

Публичность документа как документального исторического источника предполагает и его перевод из непубличной формы бытования в публичную. Выше мы говорили о том, что непубличная форма бытования документа в определенных типах государства приводит к сокрытию информации о процессах, переживаемых государством, обществом, человеком. Преодоление несвободы архивного документа является важным шагом обретения его публичности. Рассекречивание архивного документа является одним из признаков превращения его в публичный, обще и равнодоступный документ — документальный исторический источник.

Вторичным признаком документа как документально-исторического источника является помещение аутентичных сведений о его существовании в публичном научно-справочном аппарате архива — начиная от путеводителя по архиву и кончая либо описью фонда (коллекции), либо тем более внутренней описью дела. Вторичный признак документа как исторического источника менее определен, но он все же обеспечивает на уровне публичной вторичной архивной информации получение сведений о существовании документа, его персонификацию как документального исторического источника, создает возможности его адресного поиска и сигнализирует о его общей и равной для всех доступности. В этом случае все зависит уже не от архивной среды бытования документа, а от умения пользователя найти нужный ему документ и использовать его в соответствии со своими интересами.

Ограниченно первично-вторичным признаком документа как документального исторического источника является ситуация, когда документ не бывает обще и равно доступным для всех, но тем не менее в той или иной форме становится известным и используется исследователем. В архивоведении, законодательной практике западно-европейских стран, в практике работы различных классов, типов и видов архивов эта ситуация получила название «исключительного» или «доверительного» доступа к архивным документам⁴². И в прошлом и сегодня «доверительный доступ» является реальностью. И хотя он способствует приращению нового исторического знания, его существование — легальное и нелегальное — представляется одним из опаснейших в понимании документа как документального исторического источника. Он создает иллюзию публичности документа, проверить подлинность, достоверность, точность интерпретаций

⁴² Подробнее см.: Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 170–171.

которого в трудах «доверенных лиц» на самом деле у всех остальных не имеется возможностей. Поэтому преодоление ограниченно первично-вторичного признака документа как документального исторического источника, трансформация его в обще и равно доступный документ, является неременным условием признания документа в качестве полноценного документального исторического источника.

Наличие документов с закрытой формой их бытования означает сокрытие «другой жизни» имеющих в них документальных свидетельств о прошлом. Причем, эта «другая жизнь», как правило, оказывается более приближенной к действительности. Доверительный доступ к этой «другой жизни» означает согласие с ее интерпретаций, а не публичный разговор об ее изучении в этом случае исключается. Именно с учетом этих обстоятельств соглашаясь в принципе с делением исторических источников на «актуальные», т.е. доступные, введенные в научный оборот и «потенциальные», согласно определению И. Д.Ковальченко «информация которых еще не использована»⁴³, мы не можем такое деление механически распространить на документ как один из видов исторических источников, ибо в таком случае будет стерта важнейшая черта одной из форм его бытования.

Иногда применительно к ряду видов документов – в первую очередь фотокинодокументам – рассмотренные выше признаки их как исторического источника получают странную и ничем не оправданную интерпретацию. Например, А. Н. Назаров, насколько можно его понять в интересной статье о соотношении вербальной и визуальной информации в кинофотодокументах, не склонен считать кинофотодокумент, не имеющий текстовых пояснений, документальным историческим источником. По его словам, «без текстового описания все детали, фиксируемые кино или

⁴³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 115.

фотографией, не имеют смысла». Более того, он пишет: «Кинодокументы способны расширить наши представления о событии или явлении, но только в том случае, если эти представления *предварительно* (подч. нами) уже были сформированы текстом»⁴⁴. Иначе говоря, если кинофото-документ не идентифицирован изначально, т.е. не указаны место, время, автор его создания, запечатленные в нем лица и действия и т.д., как исторический источник он бесполезен. Но как раз именно документальное источниковедение наряду с архивоведением призвано установить его «смысл» и мы знаем, что они успешно делали и делают это в отношении традиционных письменных источников.

Классы документов. Для любого документа характерна определенная сфера его обращения. Даже тогда, когда документ по вполне объективным причинам покидает эту сферу, он остается ее принадлежностью по своему происхождению. Сегодня нам известны только три такие сферы: сфера публичного и не публичного официального документирования, сфера публичного и не публичного личного документирования и сфера публичного и не публичного сакрального документирования. Поэтому, основываясь на этом, мы можем выделить три класса документов как особых материализованных продуктов мыслительной деятельности человека: класс документов официального происхождения, класс документов личного происхождения и класс сакральных документов.

Класс документов официального происхождения (официальные документы). регулирует жизнедеятельность личности, общества, государства и отражает результаты такого регулирования.

⁴⁴ Назаров А. Н. К вопросу о соотношении вербальной и визуальной составляющих в кинофотодокументах // *Аудиовизуальные архивы на рубеже XX – XXI веков (Отечественный и зарубежный опыт)*. М., 2003. С. 140, 145.

Класс документов личного происхождения фиксирует духовную жизнь человека, его состояние и взаимоотношения с обществом и людьми.

Класс сакральных документов отражает особые отношения человека со священными для него верованиями, убеждениями и символами. Сакральный класс документов фиксирует таинство человеческого общения с признанным им вне человеческим авторитетом, выступающим для человека и судьей, и наставником, и исповедником. Он отражает особое состояние сознания человека и его действий.

Первый и третий классы документов внутри себя более организованы, более структурированы по видам и разновидностям документов, согласованы по механизмам их взаимодействия, применения и регламентации характера информации документов и их движения в документальном пространстве. Для этих классов документов характерны высокая степень официальной нормативной упорядоченности и учета традиций при их создании и бытовании.

Для класса документов личного происхождения также свойственна некая упорядоченность. Но она связана не с нормами, а исключительно с традициями. Именно традиции, длительный процесс самоопределения разных признаков и элементов этих документов, а не официальные нормативы, способствовали выработке таких видов и разновидностей творческих документов личного происхождения, как роман, повесть, рассказ. Невозможно принять закон, регулирующий правила написания стихотворения. Но правила «стихосложения», вроде ямба и хорея, существуют как общеизвестные и общепринятые. Можно, как в советские времена, с помощью ГОСТов закрепить виды и разновидности документов официального происхождения, их форму и даже содержание, но невозможно ни с помощью ГОСТов, ни с помощью (в новой России) закона о техническом регулировании продиктовать формуляр личного дневника или структуру личных воспоминаний. Класс документов лично-

го происхождения отличается от классов документов официального и сакрального происхождения свободой самовыражения их авторов и свободой формы этого самовыражения.

Однако и в этом классе документов мы можем обнаружить свою особую традиционную символику и даже эстетику, развивающиеся во времени, и характерные для того или иного документа. Например, в XIX в. для личных писем-извещений о смерти и писем-соболезнований в связи со смертью характерна черная окантовка их страниц. Свою эстетическую, формулярную и содержательную традицию в XIX в. имели рукописные альбомы. Альбомы для фотографий XIX – начала XX вв. подчас имели специальное и вполне самостоятельное художественное оформление. Глядя на «Рукописные книги» А. М. Ремизова нельзя не заметить, что подбор для них блокнотов имел для Ремизова важный эстетический смысл⁴⁵. Легко заметить, что такой вид документов личного происхождения как письма во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. имел свой устоявшийся формуляр: обращение-титулование адресата, содержание, подпись-титулование автора⁴⁶.

В этом классе, вероятно, есть смысл выделить особый подкласс документов «устного документирования», создающийся в стихийной и в определенной степени организованной формах. Речь идет об интервью с людьми, записываемыми традиционным письменным способом и с помощью современных технических средств.

Стихийная форма «устного документирования» предполагает свободный рассказ человека, группы людей о факте, событии, явлении, процессе прошлого, свидетелями, участ-

⁴⁵ Ремизов А. М. Рукописные книги. СПб., 2008.

⁴⁶ Этот формуляр имел рекомендательный характер и предлагался в специальных изданиях. См., напр.: Курганов Н. Г. Книга писмовник, а в ней наука российского языка, с седмью присовокуплениями, разных учебных и полезнозабавных вещесловий... СПб., 1777.

никами, очевидцами, современниками которых они были. При организованной форме «устного документирования» такой рассказ задается, программируется интервьюируемым с помощью специального набора вопросов в рамках его понимания факта, события, явления, процесса прошлого, либо для целевого уточнения их деталей, а также для некоторого ограничения стихийного рассказа интервьюируемых.

В отличие от внешне похожих на этот подкласс аналогичных документов официального происхождения, возникающих, например, в процессе следственных действий, документы данного подкласса так или иначе представляют собой результат интеллектуального даже не столько общения, сколько информационного взаимодействия, диалога с большой психологической подосновой, двух сторон: транслирующей (интервьюируемый или интервьюируемые) и иницируемой, задающей или задающих вопросы, либо только ставшей инициатором трансляции.

«Устное документирование» в России ведет свое начало по крайней мере с XVIII в., когда получили известное распространение собрание и публикация, например, «анекдотов» от современников Петра I о его жизни и деятельности. Известно, что А. С. Пушкин прибегал к нему при подготовке «Истории Пугачевского бунта». В России едва ли не первая организованная официальная попытка «устного документирования» относится к 1918–1923 гг., когда в Петрограде действовал Институт живого слова, специализировавшийся на фонографировании в основном деятелей культуры и науки⁴⁷. От современной истории сохранилось немало документов этого подкласса документов личного происхождения. А. И. Солженицын предпринял беспрецедентное «устное документирование» узников ГУЛАГа. Г. А. Куманев, известный российский историк Великой Отечественной войны, осуществил масштабные письменные и аудиозаписи

⁴⁷ Коляда В. А. «Есть звуки, их значенье...». М., 2008. С. 47–48.

ее выдающихся участников⁴⁸. Павел Хлебников свою книгу о чеченской трагедии вообще построил на интервью с одним из лидеров чеченского сепаратизма⁴⁹. Соответственно книга В. А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте» практически целиком написана на собранных им интервью участников чеченских событий⁵⁰. Удачным примером «устного документирования» последних лет в виде аудиовидеозаписи стал фильм «Анастасия» с участием А. Ширинской, посвященный судьбе российской т.н. Бизертской эскадры в Тунисе⁵¹.

«Устное документирование» сегодня становится все более и более масштабным явлением, связанным в первую очередь с современностью. Не случайно «устному документированию» был посвящен состоявшийся в 1988 г. Международный конгресс архивов. На нем широко обсуждались приемы и методы «устного документирования», причем, не раз говорилось о создании некоей общей методологии такого документирования, организации хранения, описания и использования его результатов в исторических исследованиях.

Для документоведения «устное документирование» представляет интерес как процедура, имеющая отношение в ряде случаев к официальному документированию и потому подлежащая регламентации, например, при осуществлении аудиовидеозаписей конкурсов-торгов на предоставление товаров и оказание услуг. Для архивоведения, археографии и

⁴⁸ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М., 1999.

⁴⁹ Хлебников Павел. Разговор с варваром. Беседы с чеченским полковым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. М., 2004.

⁵⁰ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

⁵¹ В основе рассказа А. Ширинской в этом фильме лежали ранее опубликованные воспоминания: *Ширинская Анастасия*. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2006.

документального источниковедения подкласс «устного документирования» класса документов личного происхождения принципиально важен, учитывая, что он может существенно дополнять информацию официальных документов и других документов личного происхождения. В архивоведении этот подкласс документов ставит вопрос об особых правилах организации его хранения. В археографии при отборе документов для документальной публикации возникает необходимость гармоничного соотнесения документов «устного документирования» с другими документами личного и документами официального происхождения. В документальном источниковедении документов «устного документирования» возникают свои специфические проблемы, связанные с определением их подлинности и достоверности, о чем красноречиво свидетельствуют, например, записи бесед журналиста В. Литова с многолетним министром сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктовым⁵².

Предложенная классификация документов является самой общей архивоведческой классификацией. Ниже, в главе 5, мы рассмотрим ее место среди других документных классификаций, предлагаемых архивоведением.

Подводя итоги настоящей главы, важно заметить, что в своем подавляющем большинстве документ создается не ради запоминания, а для регулирования чего-либо. Его свойство запоминания в подавляющем большинстве случаев есть ничто иное как следствие функциональной заданности документа, ее вторичный и не предусмотренный при создании документа результат.

⁵² Бенедиктов И. А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. Ср.: Интервью, которого не было // Огонек. 1989. № 37. С. 8.

ГЛАВА 3

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ — ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ АРХИВОВЕДЕНИЯ

Документальная память как особый тип исторической памяти. Документ — как архивный документ и как документальный исторический источник — является одним из носителей исторической памяти, о чем речь пойдет ниже. При этом человеческая история до сих пор свидетельствует, что он остается не просто равноценным, но и подчас самым долговечным и репрезентативным ее носителем в кругу других исторических источников.

Если исключить геологическую историю Земли, можно сказать, что живая (зоологическая, биологическая) жизнь на ней есть ничто иное как *запоминание* бытия ее отдельных представителей и их сообществ и передача этого запоминания следующим поколениям себе подобных. Для последних какая-то часть такого запоминания оказывается ненужной — бесполезной по существу, или невостребованной по среде обитания, а то и вовсе по каким-либо иным причинам, которые способен объяснить лишь вездливый ученый — ботаник, биолог и проч. И тем не менее в живом земном мире (пока не говорим о человеческом) это свойство запоминания после всех трансформаций в последующем

рождает новое качество — свойство Памяти. В живом мире эту память хранят и передают будущим поколениям гены. Такая форма памяти обеспечивает сохранение и продолжение живой жизни во всех ее многочисленных проявлениях. В мире человеческом, социальном, помимо генетической памяти существует память интеллектуальная, фиксирующая и сохраняющая все проявления души человека и его жизнедеятельности как личности, как социального существа. Интеллектуальная память сохраняется во множестве создаваемых человеком продуктах жизнедеятельности, включая и документы, которые и являются носителями документальной памяти.

Тут возникает один из ключевых вопросов не только архивоведения, но и вообще человеческого бытия — нужна ли человечеству документальная память и если да, то для чего? Не стоит обольщаться: ответов на этот вопрос в современном общественном сознании существует множество. Их можно свести к нескольким. Ответ первый и самый радикальный: документальная память — это лживая фиксация прошлой жизни, она может быть использована для манипулирования нашим прошлым, а потому ее игнорирование и даже ликвидация — вещь нормальная, естественная и оправданная хотя бы экономически. Ответ второй: по экономическим, политическим и идеологическим соображениям нужно утилизировать ту часть документальной памяти, которая зафиксировала ложные основания жизни страны, общества и людей. По этой причине, например, архивы КПСС подлежат ликвидации — там все неправда и эту неправду сохранять незачем. Ответ третий: документальная память — это пот, слезы, кровь, падения и взлеты жизни наших предков, их горячее дыхание созидания. Она парирует угрозу амнезии прошлого для современности и будущего.

Архивоведение не может не стоять на позиции третьего ответа на поставленный вопрос. Полная или частичная амнезия документальной памяти рождает у государства, об-

щества, человека, манкуртизм, а он неизбежно ведет к катастрофе. Архивоведение говорит манкуртизму – нет. Оно показывает важные особенности документальной памяти, препятствующие исторической амнезии. К ее рассмотрению мы и приступим.

Историческая память – естественное социальное свойство человека, общества, государства. Главный ее смысл есть воспоминание о прошлом и его многообразные интерпретации. Она изменчива во времени, отражая изменчивость жизни как процесса далеко не всегда поступательного, нодвигающегося в бесконечную неопределенность будущего. Эта изменчивость исторической памяти рождает известный скепсис относительно ее соответствия действительному произошедшему прошлому, несмотря на то, что человек, общество, государство в любые времена связаны с этим прошлым тысячами видимых и невидимых нитей, подчас осознанно и не осознанно подчиняясь созданным в прошлом обстоятельствам, оставаясь в их власти или стремясь к их улучшению, поправлению, модернизации, а то и разрушению. Но независимо от любого понимания прошлого заметим, что тяга к его узнаванию есть свойство человеческого ума и души неизменное и для человеческого существования обязательное как, например, правила арифметики.

Историческая память о прошлом в современном информационном обществе представлена несколькими типами, каждый из которых определяется глубиной и способами его постижения.

Первый тип памяти о прошлом – *обыденный*. Это представления человека или большей части общества о прошлом. Ему присущи несколько особенностей. Во-первых, для обыденного типа памяти о прошлом характерна *избирательность* – он связан преимущественно не с историческими явлениями и процессами, а с именами и событиями, почему-либо особенно запомнившимися его носителям или особенно важными чем-либо для них. Во-вторых, часто ему

присуще свойство *памятливости* о своих предках как чувства сопереживания с их судьбами, а через эти судьбы как прикосновение к более широкой картине прошлого своего поселения, города, региона, страны. В-третьих, обыденный тип памяти о прошлом, как правило, носит *воспоми- нательный* характер, а значит, хронологически ограничен периодом жизни двух-трех поколений. В-четвертых, этот тип памяти наиболее восприимчив к *мифологизации* прошлого, принимая миф как абсолютную реальность прошлого. Источниками формирования обыденного типа памяти о прошлом являются СМИ, включая ныне Интернет, рассказы близких и знакомых, произведения литературы и искусства, увлеченные занимательностью своих рассказов музейные и туристические экскурсии и еще масса других трансляторов с которыми человек встречается на протяжении своей жизни.

Второй тип памяти о прошлом мы условно можем назвать *конструктивистским*, когда человек, общество, государство конструируют прошлое, т.е. протраивают, выстраивают, рисуют его картину под свои цели и задачи, когда прошлое стремятся не только приноровить к настоящему и будущему, но и сделать их политической и идеологической прислугой. Раскавычивая слова Августина Блаженного, мы можем сказать, что для конструктивистского типа памяти о прошлом характерна его трактовка исключительно через определенные интересы настоящего. Прошлого, как времени ушедшего, для него не существует, есть только время прошлого как время настоящего.

Этот тип памяти имеет свои ответвления. Наиболее мощное из них — политологическое конструирование памяти о прошлом, как правило, всегда и везде поддерживаемое разными политическими силами и в их интересах. Другое заметное ответвление конструктивистского типа памяти о прошлом находится в плоскости «искренней веры» или «искренного заблуждения». Мы имеем в виду веры не только

религиозной, но и увлеченность определенной концепцией, увлеченность идеями, увлеченность оригинальным, совершенно необычным видением ушедшего времени – его людей, событий, явлений, процессов.

Конструктивистский тип памяти о прошлом более совершенен в сравнении с обыденным. В разумных пределах, когда речь идет о подпитке с его помощью кардинальных и истинных интересов государства и общества, когда он не противоречит нормам гражданской и религиозной морали и нравственности, этот тип памяти о прошлом необходим и обязателен как таблица умножения для начинающего жить человека. Без азов конструктивистского типа памяти о прошлом человеческая жизнь, жизнь общества и государства невозможны. Эти азы, образно говоря, есть ничто иное как канаты Останкинской телевизионной башни в Москве, которые позволяют ей раскачиваться, но не дают упасть.

Но надо понимать и все опасности конструктивистского типа памяти о прошлом. Его политическая и идеологическая многовариантность содержат скрытые угрозы религиозного фанатизма, национализма, фашизма, империализма, имущественной ненависти – всего того, что стремится к деформации современного мироустройства, что желает его дестабилизировать вопреки желаниям, надеждам и воле здорового большинства.

Конструктивистский тип памяти о прошлом, во-первых, как правило, *«актуализирует»* память о прошлом. С одной стороны, это хорошо: нам, сегодняшним, полезно не только знать, но и учитывать опыт прошлого при решении сходных современных задач. Во-вторых, конструктивистский тип памяти о прошлом во всех случаях и при любых ситуациях сознательно или неосознанно *модернизирует* память о прошлом, представляя дело так, как будто мы, сегодняшние, живем в том прошлом, такие умные и все знающие и понимающие, рядом с нашими недотепами-предками. В-третьих, рассматриваемый тип памяти о прошлом по большому

счету является памятью *манипуляционной*, изменяющейся не просто с течением времени, но прежде всего по воле политических обстоятельств. В-четвертых, и это, пожалуй, главное, конструктивистский тип памяти о прошлом стремится *подчинить* факты, события, явления, процессы прошлого с целью актуализации, модернизации исторического знания и манипулирования им ради определенных интересов современности.

Конструктивистский тип исторической памяти отличается от обыденного типа главным: в его основе лежит исторический источник. Однако его применение, т.е. использование, носит исключительно потребительский характер, особенностью которого является приноровление свидетельств источника к заранее выбранной, придуманной конструкции какого-либо сюжета прошедшего. Исторический источник – вещь бездонная и безграничная, неисчерпаемая по своей сути. Поэтому выборочное, селективное использование его свидетельств и их пристраивание под заранее придуманную конструкцию факта, события, явления или процесса прошлого бывает удобным и внешне эффектным и убедительным.

Научно-познавательный тип исторической памяти прямо противоположен конструктивистскому. В сфере его внимания находится проверенное и достоверное свидетельство источника или их совокупность, на основе которых реконструируется прошлое, устанавливаются события, явления, процессы, случившиеся в прошлом. Иначе говоря, научно-познавательный тип исторической памяти не подстраивает свидетельства источников под определенную схему, а через выявление и анализ свидетельств источников такую схему устанавливает. Формирование научно-познавательного типа исторической памяти представляет собой последовательный процесс установления определенных факта, события, явления и процесса прошлого и доказательство их достоверности на основе свидетельств исторических источ-

ников. Научно-познавательный тип исторической памяти изменяется во времени: меняется в сторону постепенного расширения проблематика его интересов, совершенствуются методики «добывания» из исторических источников свидетельств о прошлом и т.д.

Таким образом, конструктивистский и научно-познавательный типы исторической памяти сохраняют в сфере своего внимания исторический источник. Разница заключается в том, что первый тип памяти подходит к источнику от концепции, а научно-исследовательский идет от источника к концепции. Исторический источник — это любой «интеллектуальный продукт», создаваемый человеком. Однако документальный исторический источник среди других видов исторических источников занимает особое место, являясь носителем и особого *типа исторической памяти — документальной*.

Документальная память — это память о произошедшем, зафиксированная в документе и его различных по объему совокупностях, включая весь их сохраненный и пополняемый в масштабах страны массив. Она имеет две разновидности — собственно документальная память и историческая документальная память. Собственно документальная память — это память любого документа и совокупности документов. Документальная память имеет по меньшей мере четыре составляющих. Во-первых, это память о каждом конкретном человеке, которому Природой или Богом было суждено жить на Земле. Во-вторых, это память о повседневности каждого мгновения ушедшего прошлого, в которой жил человек. В-третьих, это память о фактах, явлениях, событиях, процессах прошлого, определявших человеческую жизнедеятельность и судьбы конкретных людей и, наоборот, память о человеческой жизнедеятельности, предопределившей те или иные события, факты, явления, процессы в прошлом. В-четвертых, документальная память может выступать как правовая составляющая организации жизни

прошлого, могущая иметь прямое или опосредованное значение для современности.

Для документальной памяти присущи четыре формы ее состояния: вербальная или письменная, визуальная, звуковая, комбинированная.

Документальная память в своей основе является результатом регулирующего целеполагания, в своей большей части она не создается как память о чем-либо или о ком-либо. Иначе говоря, документальная память может быть как произвольным, так и непроизвольным свойством документа. Произвольная документальная память является результатом соответствующего изначального целеполагания при создании документа, т.е. когда она создается исключительно для фиксации документом памяти о прошлом. Примерами носителей произвольной документальной памяти являются дневники и мемуары. Большая же часть документальной памяти носит непроизвольный характер, когда запоминание документом осуществляется автоматически в процессе оперативного бытования при реализации поставленной перед ним задачи.

Постоянно пополняясь, документальная память одновременно уточняет свой состав, формируясь уже в качестве разновидности исторической памяти – документальной исторической памяти. В ней полезность трансформируется в ценность как выражение ее значимости для изучения прошлого. В этом смысле документальная историческая память отличается от других типов исторической памяти рядом важных особенностей.

Для документальной исторической памяти присуща *непосредственность фиксации* происходившего. Она вытекает из главного функционального предназначения документа как оперативного регулятора событий, явлений и процессов современности., как средства и способа вмешательства в них человека и установления результатов такого вмешательства. Это свойство документа имеет неоднозначное зна-

чение для понимания документальной исторической памяти. С одной стороны, она запоминает действительно то, что происходило, что оперативно зафиксировано в документе на оперативной фазе его бытования. С другой стороны, далеко не всегда бытование документа как оперативного регулятора современных ему событий, явлений и процессов отражает их в подлинном виде, т.е. так как было на самом деле. Пристрастие как черта человеческого характера, определенного человеческого социума — вещь вневременная и вненациональная. По этой причине документальная историческая память требует проверки с помощью особых приемов и методов, общепринятых в научном сообществе.

Следующее свойство документальной исторической памяти — это ее *непрерывность*. При этом непрерывность можно рассматривать в двух плоскостях. Первая плоскость показывает непрерывность документальной памяти народа, государства, поселения, определенного социума и т.д. В этом смысле разрыв такой непрерывности документальной исторической памяти и тем более ее прекращение вообще всегда являются сопутствующим признаком катаклизма, катастрофы, либо очень значимых социальных и политических явлений и процессов. Вторая плоскость непрерывности документальной исторической памяти означает, что она фиксирует зарождение, развитие, результаты и прекращение какого-либо события, явления, процесса как в одном, так и в совокупности документов на протяжении различных временных периодов. Эта плоскость в решающей степени нейтрализует пристрастие как свойства непосредственной фиксации документальной исторической памяти.

В отличие от всех других типов исторической памяти документальная историческая память *неизменчива, она есть такая, какая зафиксирована в документах*. Это значит, что ее поправить невозможно, т.к. такие поправки, связанные, например, с уничтожением документов — самым вызывающим способом исказить, деформировать документальную ис-

торическую память — все же так или иначе грозят наказанием для тех, кто посмеет инициировать и исполнить такую самую крайнюю степень деформации документальной памяти. Иначе говоря, документальная историческая память обладает высокой степенью *неприкосновенности* в отличии от других типов исторической памяти, подверженных пересмотру, уточнению, а то и манипулированию. *Неизменяемое состояние документа как носителя части документальной исторической памяти* можно считать ее одним из выдающихся признаков, хотя, как увидим ниже, случаи разрушения неприкосновенности документальной исторической памяти в истории России имели место не один раз.

Свойство неприкосновенности документальной исторической памяти имеет глубокий философский и познавательный смысл. С одной стороны, оно означает вечное сохранение документальных свидетельств о бытии на Земле человека, народа, государства несмотря на случающиеся катастрофы. Поэтому разрушение неприкосновенности документальной памяти означает их повторную смерть или гибель, теперь уже окончательные. С другой стороны, свойство неприкосновенности документальной памяти является, во-первых, гарантией ее аутентичности и точности использования, а во-вторых, оно обеспечивает в будущем ее новые и бесконечные по вариативности осмысления.

Как и обыденному типу исторической памяти, части документальной исторической памяти присуще свойство *воспоминательности*. Однако здесь оно более организовано, т.к. основывается не на устном запоминании, а на сознательной фиксации этого запоминания письменным, аудиовизуальным или иным способом. Это свойство документальной исторической памяти, несмотря на ее высокую организованность, также не лишено пристрастия, которое выявляется благодаря еще одной ее особенности.

Она связана с *системностью* документальной исторической памяти. Это означает, что она состоит не из отдельных

сегментов, ячеек, фрагментов, никак не связанных друг с другом, а представляет собой всегда разные, большие и малые, совокупности документов прошлого, естественно в процессе своего оперативного бытования как регуляторов современности оказавшихся связанными друг с другом. Архивное дело, архивный фонд, архив определенного профиля есть ничто иное как отражение системности документальной исторической памяти. И это свойство документальной памяти, пожалуй, после свойства непосредственной фиксации, является ее самой выдающейся особенностью. Прошлое здесь упаковано естественным образом – так как организовывалась жизнь через ее документированную упорядоченность. Свойство системности документальной памяти дает возможность ее проверки на достоверность. В самом деле, могут быть пристрастными пять, десять, сто документов, но их тысячный взаимосвязанный массив всегда отразит событие, явление, процесс так, как это было на самом деле.

Утрата части документальной памяти в результате экспертизы ценности составляющих ее документов является событием хотя и не совсем нормальным, но все же регулируемым, подкрепленным опытом, публичными нормативами, здравым смыслом и консенсусом экспертов. Можно спорить о репрезентативности оставляемой на вечное хранение ее части по отношению к тому объему, который реально создается в каждое мгновение человеческой жизнедеятельности. Однако системность современного документирования все же позволяет склоняться к тому, что при строгом соблюдении существующих критериев экспертизы ценности документа, общий объем документальной информации о факте, событии, явлении, процессе прошлого, учитывая ее свойства быть поглощенной, повторяться и даже дублироваться в документах вечного хранения, может быть достаточно репрезентативен.

После экспертизы ценности документальной памяти любые ее утраты являются событиями чрезвычайными, даже в

случае действия непреодолимой силы. Обеспечение неприкосновенности документальной исторической памяти через комплектование и обеспечение сохранности архивных документов входит в число трех важнейших функций архивов.

Следующей особенностью, правда, только части документальной исторической памяти является ее *неактивированность*, иначе говоря, засекреченность, связанная с ограничением доступа к документам в процессе их оперативного бытования. Это, как говорили мы выше в главе 2, объективное явление, носящее вневременной и интернациональный характер. Однако оно существенно сужает использование документальной исторической памяти и даже приводит к ее искажению и деформации в каждый момент ее востребованности. Поэтому активация этой части документальной памяти также должно быть явлением объективным и своевременным.

Большая часть документальной исторической памяти всегда находится в *свернутом*, т.е. в не востребованном состоянии, в ожидании своей актуализации в документальных публикациях, исторических исследованиях, других формах ее развертывания. Они преобразуют с разной степенью успеха документальную историческую память в историческое знание. Свернутость документальной исторической памяти — это нормальное ее состояние. Однако ее актуализация зависит не только от внешней востребованности, но и связана с обязательными операциями по ее упорядочению и созданию возможностей для ее поиска, обеспечивающих публичность, т.е. общедоступность и равнодоступность документальной исторической памяти, а значит, и ее актуализацию.

Документальной исторической памяти, как и любому другому типу исторической памяти, присуще *свойство пристрастности*. Оно имеет свою особенность. Тут пристрастие выступает не как внешнее свойство конструктивистского или научно-исследовательского типов исторической памя-

ти, восстанавливающих прошлое по своим принципам и методам, а как ее естественное внутреннее состояние. Пристрастие документальной исторической памяти органично, отражая прошлую современность так, как ее простирали люди в реальной жизни. Разумеется, это не значит, что пользователи документальной исторической памяти должны воспринимать ее свойство пристрастности как данность. Научно-исследовательский тип исторической памяти и призван с помощью общепризнанных методов и приемов нейтрализовать это свойство документальной памяти.

Документальная историческая память является составной частью научно-исследовательской исторической памяти и важнейшим источником ее формирования, развертывания и развития. Однако в документальных публикациях она приобретает *свойство непосредственного воздействия на ее пользователя*. В этом случае она может выступать предметом занимательного, поучительного чтения и научно-исследовательского интереса без участия историка-провайдера. Различные типы документальных публикаций, выработанные археографией, призваны удовлетворить любой рассмотренный выше тип исторической памяти.

Документальная историческая память, зафиксированная в документах, во все времена и в любой стране является сферой деятельности архивов. Их материальная и интеллектуальная, включая обеспечение специалистами по работе с документами, защищенность означает и защиту документальной памяти от разного вида угроз. Именно при наличии этих угроз и их срабатывании архивы оказываются наименее защищенными, как показывает многовековая история архивов разных стран мира. Заинтересованность государства в сохранении документальной памяти и должна обеспечивать ее обязательную гарантированную защиту.

Документальное наследие в составе историко-культурного достояния страны. Собственно документальная память не имеет каких-либо границ. Не только каждый документ, но

каждое свидетельство, имеющееся в нем, есть ничто иное как запоминание о мгновении действительности, ушедшей в прошлое. Однако не каждый документ, содержащий такие свидетельства, как говорилось выше в этой главе, будет сохранен вечно. Это будет какая-то часть документов и она, обремененная вечным сохранением, становящаяся документальной исторической памятью, одновременно является документальным наследием в любой стране мира. В отличие от понятия документальной памяти понятие *документальное наследие* имеет ясный предметный характер. Это понятие носит четкий материализованный признак — то, что каждый из нас может потрогать. Это ничто иное как документ как физическая сущность, как материальный объект. Оно пересекается, но не тождественно понятию Архивного фонда страны, вольно или невольно сегодня поделенное нашим законодательством на части прагматическим и удобным для управления принципом собственности на документы. В данном случае сложение частей никогда не даст целого. Понятие «документальное наследие» объединяет эти части в единое целое во времени и пространстве. Это научное, организационное и политическое понятие одновременно, придающее особый смысл одному из символов государственности и общенациональной идентичности, каковым являются архивы как организованные совокупности документальной памяти.

Документальное наследие является частью историко-культурного достояния, причем, нередко органически связанной с ним. В широком смысле понимания *историко-культурного достояния* им является все то, что остается нам от прошлого, сохранившись без изменения от воздействия разных факторов времени — человеческого небрежения, войн, природных катаклизмов, наслоений повседневности и т.д. Природные ландшафты, здания и сооружения, фольклор, традиции и обычаи, предметы труда, быта, отдыха, транспорта, вооружения и т.д. составляют это наследие, до-

нося до нас реальную картину ушедшей жизни, ее дух, ценности. Эта картина, подпитываемая нашим воображением, связывает нас с прошлым, помогает понять его и ощутить себя в бесконечном потоке времени.

По меньшей мере три последних столетия человечество сознательно стремилось к сохранению своего историко-культурного достояния. Основными институтами такого сохранения стали архивы, библиотеки и музеи. Рассмотрим особенности каждой из этих институций по трем присущим им общим функциям комплектования, сохранения и использования, чтобы выявить особенности документального наследия в системе функционирования историко-культурного достояния.

Чтобы хотя бы приблизиться к пониманию этой проблемы, следует прежде всего рассмотреть объекты музейного, библиотечного и архивного хранения. В первом случае — это предмет (включая произведения живописи), во втором случае — книга, в третьем — документ. Разумеется, не следует исключать возможности и даже необходимости взаимопроникновения каждого из этих объектов в разные сферы их хранения, целесообразность которого доказана многочисленными примерами формирования и успешного существования единых архивно-музейных, архивно-библиотечных, музейно-библиотечных комплексов. Будем все же считать подобные комплексы скорее исключением, нежели правилом, а потому попробуем обозначить отличия и сходство этих объектов трех подсистем сохранения разных носителей исторической памяти.

Музейный предмет — будь то произведение искусства, остаток быта прошлых времен — может быть типичен или уникален, неповторим. Значительная часть музейных предметов обладает также свойством реликвийности по своему происхождению, отношению к событиям прошлого или принадлежности выдающимся людям. Типичность предмета среди прочего означает его массовость, множе-

ственность, всеобщее распространение и проникновение в жизнь. Именно в этой массовости, обыденности предмета скрывается главная опасность для его сохранения — примеров этого более чем достаточно даже в отношении чрезвычайно сложных предметов-механизмов нового и новейшего времени, когда человечество уже осознало необходимость сохранения их образцов для потомства. С другой стороны, музейный предмет уже в момент своего создания может представлять собой уникальное творение, например, когда речь идет о произведениях искусства. Следующая особенность музейного предмета — его высочайшая способность познавательного, зрительного и образного, эмоционального воздействия на пользователя. Например, музейная экспозиция, в которой представлены мотыга, соха, плуг, трактор наглядно, просто и убедительно раскрывает человеческий прогресс в земледелии.

Книга как объект библиотечного хранения во многом похожа на музейный предмет. Книге присущи свойства массовости или уникальности. Она, как и музейный предмет, может обладать свойством реликвийности. В силу природы своего происхождения этот носитель исторической памяти за очень небольшим исключением изначально является по определению вещью публичной, рассчитанной на массовое распространение и пользование. В этом заключается ее выдающаяся роль в передаче и сохранении исторической памяти. Она в концентрированном виде отражает факты, события, явления и процессы, происходящие, происходившие или могущие произойти в жизни человечества. Ее познавательный, просветительский потенциалы просто невозможно не только выразить строгими формулами, но даже и описать. Книга способна аккумулировать не только собственные неповторимые черты носителя исторической памяти, но и музейные предметы и документы.

Документ обладает практически всеми описанными выше признаками, характерными для музейного предмета и

книги. И вместе с тем он имеет существенные отличия от книги и музейного предмета как носитель исторической памяти. Во-первых, создание подавляющей части документов, прежде всего официального происхождения, является обязательным элементом организации человеческой жизнедеятельности. По этой причине документ с большей, чем музейный предмет или книга частотой, оперативностью, обыденностью отражает действительность, а значит, будет всегда более привлекателен для исследователя. Во-вторых, документ менее публичен чем музейный предмет или книга. Несмотря на то, что ряд видов документов изначально создается как принципиально публичные документы, существуют, как мы убедились в главе 2, целые сферы человеческой жизнедеятельности, документирование которых является оправданно принципиально непубличным. В-третьих, документ обладает свойством аутентичности, юридической доказательности зафиксированного в нем факта, события, явления, процесса и по этой причине подлежит обязательному сохранению – вечному или в течение определенных сроков хранения.

Таким образом, анализ музейного предмета, книги, документа говорит о том, что именно последний наиболее полно и приближенно к жизни отражает ее, а значит, среди них является основным носителем исторической памяти.

Комплектование музеев, даже если оно систематическое и строго ориентированное функционально-тематически, носит стихийный характер, поскольку основано не на норме, а на предложении или является результатом целенаправленного поиска. Комплектование библиотек, особенно тех, которым законом предоставлено право получения и сохранения обязательного экземпляра документа, является более упорядоченным процессом в сравнении с комплектованием музеев. Однако в своей значительной части комплектование библиотек основано на принципе специализации – функционально-тематической (технические, медицинские,

исторические и др. библиотеки), рекомендательной (универсальные публичные библиотеки), возрастной (детские, юношеские библиотеки) и т.д.

На этом фоне комплектование архивов, особенно документами официального происхождения, — процесс абсолютно всеобщий для каждой институциональной и административной единицы в стране, систематический, упорядоченный и обязательный, в основе которого лежит обоснованная еще в XVIII в. и никем не оспариваемая и сегодня идея экспертизы ценности документов. Эта идея в принципе оправдала себя, хотя нельзя не признать, что ее практическая реализация связана с человеческим фактором, а значит, не лишена элементов субъективизма.

Таким образом, анализ принципов комплектования музеев, библиотек и архивов показывает, что в системе сохранения исторической памяти архивы обеспечивают большие возможности ее системной концентрации.

Музейный предмет, книга, документ, поступившие в музей, библиотеку, архив, в силу обозначенных выше особенностей комплектования начинают здесь новую жизнь. Она связана прежде всего с их упорядочением, т.е. включением конкретного музейного предмета, книги, документа в уже существующие совокупности музейных предметов, книг, документов.

Стихийность комплектования музейных предметов приводит к искусственным, основанным на логических схемах системах их упорядочения и хранения, которые не обеспечивают системного знания о прошлом как внутри самого конкретного музея, так и в их имеющейся в каждой стране совокупности. Иначе говоря, хранение музейного предмета в музее обеспечивает точечное и даже иллюстративное сохранение исторической памяти. Это фрагменты, очень важные и очень информационные по своей сути, но всего лишь случайно обнаруживающие свои когда-то реально существовавшие взаимосвязи. Однако принципиально значимо

подчеркнуть, что такие «остатки» в музеях не меняют свою стратиграфию, прежде всего не подвергаются «прополке», а значит, остаются на вечном хранении как элементы исторической памяти.

Более организованное комплектование библиотек обеспечивает и более системную организацию сохранения исторической памяти. Однако существующий здесь принцип «обновления» знания (исключая библиотеки, хранящие вечно обязательный экземпляр любого издания) предполагает регулярно «прополку» книг, т.е. их утилизацию. Такая «прополка», абсолютно оправданная для публичных библиотек, неизбежно разрушает системность исторической памяти. Каждый раз актуализируя ее, такая «прополка» фактически разрушает историческую память, либо отсылает к ее познанию в библиотеки, имеющие право на хранение обязательного экземпляра издания.

В отличие от музейного предмета и книги документ поступает в архив, как правило, во взаимосвязи, в системе других документов, исторически или логически связанных друг с другом, т.е. в составе фонда. Фонд является естественным и органическим образованием, последовательно хронологически отражая факты, события, явления, процессы действительности, случавшиеся в пределах определенной административной единицы и в пределах сферы деятельности фондообразователя. Более того, конкретный фонд в конкретном архиве обнаруживает свои взаимосвязи с другими фондами и в не меньшей степени с фондами других архивов. Как уже говорилось выше, документ в составе фонда приобретает своеобразное состояние покоя, характеризующее среди прочего вечной стратиграфией его хранения (архивным шифром) и невозможностью его «прополки». Благодаря указанным свойствам документ и фонд, в котором он находится, фонды, связанные друг с другом, отражают не случайную, не хаотичную, а упорядоченную мозаичную картину прошлой действительности.

Таким образом, анализ организации хранения носителей исторической памяти в музеях, библиотеках и архивах показывает, что в архивах она более упорядочена, более системна, наиболее полна в своем приближении к действительности, а значит, будет всегда оставаться наиболее востребованной.

Функция использования в музеях, библиотеках и архивах также имеет свои отличия. Музеи и библиотеки – организации прежде всего культурно-просветительские и научно-познавательные, что определяет некоторые особенности их форм использования музейных предметов и книг, например, наличие постоянных экспозиций, создание рекомендательных тематических библиографий. Являясь также организациями культурно-просветительскими и научно-познавательными, архивы в силу свойства аутентичности, юридической доказательности сконцентрированных в них документов в значительной степени в сфере использования обязаны удовлетворять социальные запросы общества, отвечая на специфические его потребности в исторической памяти. Иначе говоря, функция использования в архивах предоставлена более разнообразными формами в сравнении с музеями и библиотеками¹.

¹ Эти наши общие соображения, впервые обнародованные в 2004 г. (см.: *Козлов В. П.* Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // *Отечественные архивы*. 2004. № 6. С. 71–75), неожиданно для автора вызвали большой резонанс. Во-первых, публикация в «Отечественных архивах» сопровождалась комментариями работников библиотек и музеев. Во-вторых, после этого статья неоднократно переиздавалась в архивоведческих изданиях (*Делопроизводство*. 2004. № 3. С. 4–6; *Архивен преглед*. 2004. № 3–4. С. 22–26; *Кэму. [Монголия]*, 2005. № 1 (9). С. 11–14; *Latvijs Arhivi*. 2006. № 2. С. 7–11; *Информационный бюллетень Научно-методического совета архивных учреждений Уральского Федерального округа*. Екатеринбург, 2008. № 2 (11). С. 171–176; *Никулина Т. В., Ковчинская С. Г.* Музей в XXI веке. Учебное пособие. Петрозаводск, 2009. С. 126–130). Это говорит о том, что разговор об общем и особенном разных депозитариев исторической памяти остается актуальным.

Несмотря на все сказанное, музеи, библиотеки и архивы являются взаимодополняющими друг друга подсистемами единой системы историко-культурного достояния, сохраняя разные по своему происхождению и характеру информации продукты интеллектуальной деятельности человечества. Однако документальное достояние занимает в общем историко-культурном достоянии все же особое место, которое определяется особенностями документальной памяти, прежде всего непосредственностью запоминания происшедшего, непрерывностью его запоминания, системностью запоминания, воспоминательностью запоминания.

Репрезентативность документальной исторической памяти. Репрезентативность документальной исторической памяти можно рассматривать по двум параметрам.

Первый из них связан с репрезентативностью документальной исторической памяти применительно к конкретной проблематике исторических исследований. Такую репрезентативность можно установить относительно просто. В нашем случае репрезентативность документальной исторической памяти определяется тем, что во-первых, каждый ее новый обнаруженный фрагмент не добавляет, а лишь подтверждает наблюдения, полученные ранее на основе уже известных фрагментов. и, во-вторых, в процессе такого исследования обнаруживаются невосполнимые фрагменты документальной памяти, которые в лучшем случае можно лишь попытаться реконструировать. Такую репрезентативность документальной исторической памяти мы можем называть определяемой, доказательной.

Но архивоведение имеет дело не только с документальной исторической памятью, относящейся к изучению конкретной проблематики прошлого. Оно призвано осмыслить репрезентативность всей сохраненной и сохраняемой документальной исторической памяти. Тут требуются совсем иные методы и подходы, чтобы определить ее второй параметр. Ниже мы и предложим один из таких подходов.

Вероятно, можно говорить о репрезентативности документальной исторической памяти в ее абсолютном и относительном измерениях. *Абсолютная репрезентативность* — это отношение числа фондов конкретных видов фондообразователей и количества в них дел, хранящихся в архивах, к общему числу фондообразователей данного вида, функционировавших в известных нам временных границах. *Относительная репрезентативность* документальной исторической памяти связана с отражением деятельности фондообразователей, фонды которых отсутствуют в архивах, в фондах и документах фондообразователей, хранящихся в архивах.

И абсолютную и относительную репрезентативность документальной исторической памяти целесообразно определять по каждому из ее классов отдельно. Такой подход должен быть понятным, ибо каждый из известных нам классов документов имел не только особое происхождение, но и свою судьбу. При этом кажется целесообразным при рассмотрении репрезентативности фондов и дел класса документов официального происхождения исходить из их трех уровней: фонды организаций низового звена, фонды организаций среднего звена и фонды организаций высшего звена управления и хозяйствования.

Вопрос о том, насколько сохраненная и сохраняемая документальная историческая память открывает возможности достоверного и доказательного построения прошлого является естественным и далеко не простым по поиску на него ответов. Мы попытаемся дать эти ответы в относительно доказательной форме на основе анализа данных Центрального фондового каталога Росархива (ЦФК), в своей значительной части размещенного в Интернете. Он создавался на протяжении десятилетий еще в годы советской власти, а с конца 90-х годов стал вестись в электронном формате. Ныне это мощнейший программный комплекс с базой данных на фонды муниципальных и государственных архивов с указанием их названий, переименований учреждений-фондо-

образователей, крайних дат, характеристикой состава и содержания документов и еще десятками других показателей. Компьютерная программа позволяет вести тематический поиск по базе данных. Ничего подобного в мире нет — российские архивисты сегодня реализуют идею, которая была высказана еще в XVIII в. В.Н.Татищевым, пытливым историком и замечательным администратором. ЦФК — прекрасный поисковый инструмент, легко ориентирующий пользователя в самом начале его исследовательской работы в поиске нужной ему информации на уровне архивного фонда по архивам всей страны.

Но это еще и замечательный инструмент для анализа состава и содержания российского документального наследия. Сегодня в свободном доступе в Интернете находятся данные о 346 тысячах 865 архивных фондах российских архивов. В их числе 261 тысяча 967 фондов региональных архивов — муниципальных, государственных республиканских, краевых и областных. Это пока данные по 26 регионам России. Мы наугад провели тематический поиск нескольких видов дореволюционных архивных фондов и обнаружили среди них фонды 18 губернских присутствий, 25 губернских правлений, 14 уездных правлений, 62 жандармских управлений, 64 земских собраний, 43 уездных исправников, 160 ратуш. Среди фондов советского времени первое место занимают фонды сельских советов — 12 994 названия. Далее следуют фонды МТС (2778), школ (2572), больниц (716), поселковых советов (485), колхозов (358), волостных исполкомов (64), уездных исполкомов (58), губернских и областных исполкомов (17), жилищно-коммунальных контор (14) и т.д.

Эти данные, пусть и выборочные, рисуют нам очень противоречивую картину. Мы видим, что в региональных архивах накоплен мощный пласт документов официального происхождения, без которого историку обойтись невозможно. С другой стороны, бросается в глаза неравномерность распределения по регионам архивных фондов одинаковых

видов и в обязательном порядке существовавших фондообразователей. Понятно, что в первую очередь это было связано с различиями в административно-территориальных делениях, экономических профилях регионов и т.д. Но были и иные причины. Во-первых, количество фондов одного профиля, ныне сохранившихся, всегда меньше количества фондов, реально существовавших, что можно объяснить только их частичной утратой по разным причинам. Во-вторых, число дел в таких сохранившихся однопрофильных фондах существенно отличается друг от друга. Такая ситуация может быть объяснена не только масштабами деятельности однотипных фондообразователей и разными временными периодами их существования, но и опять же случившимися утратами. В-третьих, обнаруженные расхождения между реально существовавшим и сохранившимся числом однопрофильных фондов и между максимальным и минимальным числом дел в них со временем и особенно в XX в. постепенно сглаживаются, что обнаруживает уже воздействие регулирующей роли архивной службы страны. Иначе говоря, репрезентативность документальной исторической памяти увеличивается по мере ее формирования ближе к нашему времени. Были и иные причины, о которых мы поговорим ниже.

Уже упоминавшийся ЦФК дает нам очень впечатляющую цифру архивных фондов колхозов. Но из него же мы узнаем, что в документальном историческом наследии нашей страны, полноценные фонды колхозов можно пересчитать по пальцам. Прекрасно сохранилась, например, землеустроительная документация. Вплоть до курицы, валенок, сох и молотков мы знаем об ущербе, нанесенном гражданам нашей страны, колхозам, государственным предприятиям на оккупированной германскими войсками территории СССР. А вот, например, протоколы общих собраний колхозов, судя по ЦФК, достаточно редкий документальный источник в наших архивах. И это несмотря на то, что «Памятка предсе-

дателью колхоза», ежегодно издававшаяся и поправлявшаяся с 1929 по 1961 гг., содержала постоянно требование документирования жизнедеятельности колхоза, в том числе ведения протоколов общих собраний. По большей части фондов колхозов сегодня они ликвидированы, либо не велись вовсе. И это очень большая утрата для изучения микроистории и локальной истории. Но она восполняется в определенной степени неплохо сохранившимися письмами граждан во власть и в СМИ, региональной периодикой.

Не менее противоречивой выглядит картина сохранности документов других хозяйствующих структур регионального масштаба. Здесь явно обнаруживаются лакуны как на уровне целых архивных фондов, так и на уровне числа составляющих их дел. Разумеется, даже в архивах одинакового профиля комплектования, например, государственных региональных, мы не найдем одинаковых по составу архивных фондов и одинаковых по объему составляющих их документов даже среди однотипных фондообразователей. Это объясняется объективными и субъективными причинами накопления каждым таким архивом архивных документов. Например, в регионах, где до революции активно действовали губернские архивные комиссии, полнота состава до-революционных архивных фондов и объемы составляющих их документов много выше, в сравнении с теми, где такие комиссии либо вообще не действовали, либо действовали формально. Административно-территориальные преобразования способствовали обогащению или обеднению региональных архивов: в новых административно-территориальных образованиях формирование архивов часто начиналось с «ноля», тогда как сохранившие свой прежний статус или всего лишь изменившие зоны своего комплектования архивы включали в состав архивных фондов документы фондообразователей, находившиеся на территории новых административно-территориальных единиц. В разных регионах по-разному были проведены т.н. «макулатурные кампа-

нии». Даже в 50-е — 80-е годы XX в. нормативные указания и методические разработки советскими архивистами понимались различно, что, естественно, сказалось на составе архивных фондов и объемах включенных в них документов. Современное федеративное устройство страны и связанное с ним законодательство, отнесшее архивное дело регионов к совместному ведению федерации и ее субъектов, порождает еще большее многообразие в составе фондов региональных архивов и их объемов.

Менее существенные, но все же имеющиеся лакуны фондов и дел мы наблюдаем в среднем звене фондообразователей. Они, например, характерны для земских учреждений губернского уровня.

Таким образом, абсолютная репрезентативность документальной исторической памяти кажется явно менее необходимой. Однако в своем относительном измерении репрезентативность документальной исторической памяти выглядит достаточной. Это объясняется жесткой централизацией регулирования жизнедеятельности человека, общества, государства, характерной для императорской и советской России. Она обеспечивала концентрацию в фондах центральных и высших учреждений страны документов нижестоящих структур — планов, отчетов, информации, объяснительных и докладных записок и др. Именно с учетом этого фактора разрабатывалась и реализовывалась реформа комплектования советских архивов второй половины 50-х годов прошлого века, уточнялся состав источников комплектования в 80-х годах того же века. Относительная репрезентативность части фондов официального происхождения была признана не только допустимой, но и обоснованной в формировании документальной исторической памяти позднего СССР.

Если в отношении дореволюционных и советских юридических лиц всегда сохранялось правило обязательного документирования их деятельности, результатом которого

являлось создание класса официальных документов, то для физических лиц это правило не являлось обязательным за рядом исключений, связанных с имущественно-хозяйственными делами таких лиц. Поэтому определение репрезентативности класса документов личного происхождения в составе документального исторического наследия представляет еще большую трудность.

Для представления о том, какое место документы личного происхождения занимают в документальном наследии России, обратимся к трехтомному справочнику «Личные архивные фонды в хранилищах СССР», вышедшему в 1963–1980 гг.² По словам составителей он включил около 35,5 тысячи фондов личного происхождения. В справочник, разумеется, не попали личные фонды деятелей культуры, науки, политических и общественных деятелей, находившиеся на закрытом хранении по идеологическим соображениям. В частности, в него не были включены личные архивные фонды Русского заграничного исторического архива (18 фондов) и его коллекции различных документов личного происхождения (2 коллекции), личные фонды хранившиеся в архивах КПСС (только по бывшему Центральному партийному архиву таких фондов оказалось свыше 236), личные фонды, поступившие в архивы после создания справочника. Если исключить из него приблизительно 1/10 часть личных архивов, пришедшихся на бывшие республики СССР, и добавить личные архивные фонды, не вошедшие по разным причинам в справочник получится, что в государственных и муниципальных архивах России хранится около 40 тысяч личных архивных фондов. В «Русский биографический словарь» на конец XIX в. было включено более 30 тыс. известных россиян. Кажется, с учетом XX в. корреляция: 30 тыс. известных на конец XIX в. людей и 40 тыс. с учетом истории

² Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I. М., 1962; Т. II. М., 1963; Т. III. М., 1980.

XX в. личных архивных фондов выглядит приближающейся к большой абсолютной репрезентативности.

Никто никогда не подсчитывал реального объема документов личного происхождения хотя бы в единицах хранения. Но если допустить, что средний объем личного фонда составляет 50 единиц хранения, мы получим цифру около 1,7 млн. единиц хранения. Это только по официальным данным советских времен. Прибавление к ним тогда закрытых личных архивных фондов, фондов поступивших на государственное хранение после 1980 г., в том числе из-за рубежа, и вычитание из них фондов личного происхождения бывших союзных республик дает возможность приблизительно полагать, что сегодня в архивах России в составе личных фондов находится около 2 млн. дел. Это приблизительно 0,8% от общего объема дел Архивного фонда страны И хотя все эти цифры мало обоснованы, примем их за условную данность, чтобы подчеркнуть, что документы личного происхождения занимают пусть и не столь значительное как документы официального происхождения, но все же знаковое место в составе документального наследия России и их массив имеет в ней высокую степень репрезентативности.

Хотя и тут не обошлось без лакун. Не всегда ясно, когда, но однозначно в первые послереволюционные годы, а также в годы трех советских макулатурных кампаний XX в., были ликвидированы личные архивы мелких и средних помещиков. По большому счету нам мало что известно о составе документов таких утраченных родовых и семейных архивов. Но три документальных комплекса, имевшихся в них, очевидны. Это документы, подтверждающие дворянство каждого члена дворянской семьи или рода, документы на землевладение, включая уставные грамоты на разделение помещичьей и общинной земли после 1861 г., и официальная и частная переписка Их не остатки, а останки останутся всегда немым укором советским архивистам. Но и тут, кажется, все не безнадежно. Документы о дворянстве, поме-

щищем землевладении продублированы в фондах губернских и центральных правительственных учреждений, так же как и официальная переписка. Хуже дело обстоит с личной перепиской — большая ее часть утрачена навсегда.

По этим и другим причинам историкам есть повод печалиться. Но не надо и впадать в отчаяние. Пусть сегодня от тысяч поселений, существовавших в России, остались только заросли бузины, сирени, дуплистые липы и кирпичные развалины барских усадеб. Локальная и микроистория нашей страны оставила после себя фундаментальные источники. Писцовые описания, ревизские сказки, переписи населения, промышленные, сельскохозяйственные, конские, подворные переписи, материалы Генерального межевания, переписи «дворов, обязанных постоем», послужные списки чиновников и военнослужащих, не будем дальше перечислять, — все это прекрасно сохранилось. Добавим еще: в годы макулатурных кампаний стараниями архивистов были спасены крупные поместно-вотчинные архивы, чьи владельцы имели земли практически во всех теперешних районах России. Благодаря этому, пусть выборочно, но на их основе сегодня мы можем реконструировать локальную и микроисторию многих регионов нашей России, вплоть до отдельных поселений, ныне исчезнувших, причем, едва ли не поместично и на протяжении едва ли не XVIII—XIX вв. Не станем повторяться, говоря о том, что документация локальной и микроистории, не вся, но в очень значительной своей части либо продублирована, либо так или иначе отражена в хорошо сохранившихся документальных комплексах центральных имперских архивов и архивов советских и партийных учреждений.

Репрезентативность класса документов сакрального происхождения в общем массиве документального исторического наследия в принципе не поддается определению ни в абсолютном, ни в относительном измерениях. Для религиозных людей документы сакрального класса представляют

постоянную непреходящую ценность. Они, как правило, передаются по наследству в качестве семейных и родовых реликвий, а если и продаются, то в качестве дорогостоящего товара. В архивохранилищах мира, где ныне они хранятся больше уже в качестве артефактов, их более чем достаточно. Владельческие записи на многих из них красноречиво свидетельствуют об их сбережении в рамках определенного рода или социальной среды³. Их попадание в архивы связано, как правило, либо с коллекционной деятельностью частных лиц, либо с социальными катастрофами, приводящими к массовым изъятиям сакральной документации тех или иных религиозных течений и их уничтожением. Их наличие в архивах, таким образом, является случайной неорганизованной выборкой.

Подводя итоги настоящему разделу, отметим, что формирование абсолютной репрезентативности документального наследия в России испытало воздействие ряда негативных факторов, о которых мы специально будем говорить в главе 4.

Недостаточность абсолютной репрезентативности документального наследия в значительной степени компенсируется ее относительной репрезентативностью — фрагментарным наличием документов утраченных фондов и прямой и косвенной информации о деятельности их фондообразователей в сохранившихся фондах вышестоящих организаций. Все это дает нам основание полагать, что в целом сохранившаяся часть документального наследия нашей страны адекватно отражает основные проблемы, явления и процессы ее истории, открывая возможности даже для реконструкции утраченных документальных свидетельств о ее отдельных фактах и событиях.

³ См., напр., многочисленные владельческие записи на сакральных рукописях, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеке: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Указатель. Том 1. Вып. 3. М., 1996.

Таким образом, в настоящей главе мы попытались рассмотреть четырехзвенный смысл документальной памяти о прошлом: собственно документальная память — документальная историческая память — документальное наследие — документальное наследие как часть историко-культурного достояния. Четыре этих понятия подчеркивают важную роль документа как объекта архивоведения, его особое место в историко-культурном достоянии. Этим объясняется смысл и задачи тех операций с документом, о которых пойдет речь в следующих главах.

ГЛАВА 4

СБЕРЕЖЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ДОСТАТОЧНОСТЬ

Сохранение накопленной документальной исторической памяти. Для темы этой главы важно описать и понять, что происходит с документом в реальной повседневности уже после его создания и утраты своего первоначального практического значения. Иначе говоря, речь идет о судьбе архивного документа, ставшего частью документальной памяти.

Документы любого класса в повседневности обречены на сознательную и бессознательную селекцию. Например, здравый смысл подсказывает, что чеки на приобретенные человеком продукты питания за небольшим исключением (консервированные продукты) есть смысл хранить не больше недели, а чеки оплаты услуг сотовой связи — до получения подтверждения оплаты. Не все, но и не так уж и немало людей уже в день получения той или иной услуги просто выбрасывают ее документальное подтверждение, рискуя тем самым лишиться права предъявления претензий. Прагматический интерес заставляет людей сохранять те же чеки на товары долгосрочного пользования более предусмотрительно — по крайней мере в течение действия гарантийного сро-

ка на приобретенный товар. Рачительный хозяин квитанции по оплате коммунальных услуг также на всякий случай будет сохранять ее не меньше года — жизнь и СМИ не раз показывали, что эти квитанции являются доказательствами аккуратности и платежеспособности его как потребителя коммунальных услуг. Договоры купли-продажи, свидетельства о захоронении родственников, свидетельства о рождении, дипломы об образовании для современного человека и вовсе имеют едва ли не повседневное и долгосрочное жизненно важное юридическое значение. Потому-то каждый человек их старается сохранять.

Кроме того, у любого нормального человека существуют нормальные чувства сопереживания со своими близкими, друзьями, с событиями, которые ему пришлось пережить в давнем и недавнем прошлом. Сохранить свидетельства об этом — фотографии, аудиовидеозаписи, письма, дневники, мемуары — и как артефакт, и как вещь еще более значимую для духовного состояния человека также вполне понятно и объяснимо.

В официальном документировании сохранение и селекция документов определяются правовыми и финансовыми интересами, связанными с пониманием их необходимого и обязательного наличия. В этой сфере обязательность создания того или иного документа требует и обязательности в случае необходимости его предъявления. Тут документ становится часто абсолютно самостоятельным объектом правоотношений. В качестве такового он может быть: а) всеми возможными способами защищен от различных угроз его уничтожения или искажения; б) стать объектом (и нередко успешным в масштабах исторического времени) разных способов фальсификации своего состояния; в) оказаться изъятым из среды своего бытования и даже сознательно ликвидированным.

Можно с уверенностью сказать, что всегда любой продукт человеческого умоделия в живой повседневности под-

вергается угрозе утраты, особенно, если он выполнил свою миссию. Корабли, подводные лодки, самолеты, предметы быта не только в результате чрезвычайных обстоятельств, например, войн, но рано или поздно неизбежно – случайно или целенаправленно – подвергаются утилизации. Документ в этом смысле не является исключением. Иначе говоря, фактором, влияющим на сохранность документа в повседневности, является его практическая значимость для физического и юридического лица, а также для той системы государственных, социальных, общественных связей и ценностей, которые существуют в человеческих сообществах. Для бумаг официального происхождения, как уже говорилось выше, человеческие сообщества со временем выработали специальные механизмы определения практической и исторической значимости и ценности целых категорий документов в виде законодательных норм, специальных перечней документов с указанием сроков их сбережения, носящих нормативный характер. Для документов неофициального происхождения их сохранение помимо соображений прагматического, утилитарного характера зависит от воли их авторов, собственников, распорядителей и владельцев. В далеком XIII в. новгородский мальчик Онфим, без колебаний выбросил свою ученическую тетрадку-бересту, чтобы через столетия, найденная в археологическом раскопе, она стала уникальным документом¹. Судя по всему, в реалиях Великого Новгорода эта тетрадка-береста представляла собой уже образец массового, т.е. широко распространенного типового документа. В дальнейшем мы не раз будем сталкиваться с этим странным феноменом, когда именно тот или иной вид массового документа, наиболее ярко отражающий повседневность, утрачивается или подвергается угрозе утраты в первую очередь. Например, солдатские письма, распространенный в XX столетии, веке широкой грамотности и

¹ Хранится на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

многочисленных войн, вид документа, в архивах мира представлен очень скромным даже не сегментом, а всего лишь осколком сохранявшегося их бывшего огромного массива².

На протяжении столетий такая ситуация подпитывалась людским невежеством в понимании значимости архивных документов, когда подчас прозаичные меркантильные интересы торжествовали над сохранением документов. Примеров утраты документов по этим причинам – тысячи. Например, во время Второй Камчатской экспедиции, накануне ее прибытия в Томск местный воевода принял руководителя экспедиции Г. Ф. Миллера за ревизора. По приказу воеводы в течение нескольких ночей практически весь архив уездной канцелярии был сброшен в реку Томь³.

Пока мы говорили о ситуациях, когда утраты документов случаются точно в условиях отсутствия их сознательной и организованной концентрации. В таких ситуациях утраты, разумеется, болезненны для сохранения документальной исторической памяти, но все же не столь трагичны, когда они случаются под воздействием не бытовых, а совсем иных причин.

Мировой опыт развития архивного дела, в том числе и в XX столетии, показывает, что в истории почти каждой страны существовали, существуют или могут возникнуть факторы, связанные с целенаправленной или непредсказуемой, сплошной либо локальной, утратой архивных документов.

Первый фактор утраты документов или создающий угрозы такой утраты связан с войнами и военными конфликтами, приводящими к сплошным или локальным утратам документов. Эти утраты в таких случаях по большому счету просто непредсказуемы и потому бывают ужасны по последствиям для сохранения документального наследия любой страны.

² Подробнее см.: *Козлов В. П. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как молитвы* // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24–47.

³ *Костанов А. И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 108–109.*

Как показывают археологические раскопки, жители Старой Рязани во время татаро-монгольского набега 1280 г. постарались спасти свои ценности в виде золотых и серебряных украшений, других в повседневности понятных ценностей, и ничего не сделали для сохранения документов – все, что осталось после этого разорения выглядит случайным. 1812 г. только для московских архивов обернулся гибелью многосотенных и многотысячных частных документальных коллекций графа А. И. Мусина-Пушкина, профессора МГУ Ф. Г. Баузе и др., включая гибель таких национальных святынь как Слово о полку Игореве и Троицкая летопись – сегодня от их продажи (не дай Бог) или сдачи под залог можно было бы построить целые города. Кстати, близкие и слуги Мусина-Пушкина проявили все тот же средневековый «рязанский прагматизм», вывезя из графского дома на Разгуляе столовое серебро, шубы, хрусталь и прочие понятные ценности, в том числе имущественные документы графской семьи, и не озаботились по-настоящему спасением библиотеки и документальной коллекции графа⁴. Военный смерч 1812 г. уничтожил значительную часть документального наследия Беларуси, в числе утраченных оказались документы Кобринского уездного суда, Борисовской духовной управы, архивов Орши, даже части архива князей Радзивиллов и др.⁵

Каток Первой мировой войны, прокатившийся по территории современной Беларуси, не смог уничтожить богатейшие библиотеку и архив известного еврейского религиозного деятеля М.-М. Шнеерсона, своевременно вывезенных в Москву и в прибалтийские города. Но он не пощадил сотни родовых, монастырских архивов, ставших известными еще в XIX в. Огромный ущерб документальному наследию России был нанесен во время Великой Отечественной войны в

⁴ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 152–158.

⁵ Шумейко М. Ф. Собрать рассеянное. Минск, 1997. С. 13–15.

результате боевых действий, варварского обращения с архивами оккупантов, вывоза ими архивов в Германию специальными формированиями оккупационных войск, утрат в результате эвакуации и реэвакуации, сознательного уничтожения архивов в ситуациях, связанных с угрозами их захвата противником. Уже в ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания советская власть попыталась определить ущерб, нанесенный Архивному фонду страны. Первичные документы инвентаризации этого ущерба дали возможность подготовить и издать сводный каталог утраченных в то время архивных фондов государственных и партийных архивов⁶. Он включил около 6000 названий фондов. Если предположить, что каждый из таких фондов в среднем насчитывал около ста дел, получается, что Россия утратила свыше шестисот тысяч единиц хранения ценнейших документов по дореволюционной и первых десятилетий послереволюционной своей истории. Так, например, в результате бомбардировок Ленинграда Российский государственный исторический архив лишился свыше 6 тысяч дел дореволюционного Управления казенных железных дорог, филиал Государственного архива Тверской области в городе Ржеве — 117 дел Холмской городской думы, Государственный архив Воронежской области — 351 дело Воронежского наместнического правления и т.д. На самом деле потери были, конечно же, больше, поскольку приведенные цифры относятся к утратам официальных хранилищ — общесоюзных, областных и районных архивов. Документальные утраты учреждений, организаций и предприятий, в принципе определяемые, нуждаются в специальном исследовании.

По некоторым подсчетам в годы Великой Отечественной войны Беларусь, несмотря на проведенную эвакуацию в восточные районы СССР, из приблизительно 20 млн. дел,

⁶ Государственные архивы Российской Федерации: Утраченные архивные фонды. Кн. 1. М.; СПб., 1999 (Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны; Т. 4); Кн. 2: Архивы КПСС. М., 2005.

находившихся в государственных и ведомственных архивах, утратила 14–15 млн.⁷

Было бы ошибкой полагать, что эти и другие утраты принадлежат далекому прошлому. В 1992 г. во время грузино-абхазского конфликта одной из стратегических целей стал государственный архив автономии. Всего через несколько лет такая же участь постигла и государственный архив Чеченской республики, одновременно являвшийся и государственным архивом Республики Ингушетии⁸. Один из участников событий на Украине в 2014 г. С. Бурых вспоминал как в ноябре этого года в Макеевке уничтожался архив Макеевского государственного проектного института Укроборонпрома: «В конечном счете перед самым отъездом, 21 ноября, мы с начальницей первого отдела сожгли архивы. Барышня из первого отдела — сторонница России, но служебные обязанности выполняла четко: раз положено уничтожить в случае форс-мажора, значит, жжем»⁹.

В последнее столетие человечество попыталось выработать превентивные меры и способы предотвращения утрат больших массивов документов в преддверии или в ходе войн и военных конфликтов. Одним из проверенных способов является немедленная эвакуация документов из зон боевых действий и их укрытие в специально построенных хранилищах или размещение в недоступных для врага местах. Так произошло в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда ценой неимоверных усилий центральные архивы СССР, находившиеся в Москве, были перемещены за Волгу¹⁰. Развитие новых технологий в области репрографии, ко-

⁷ Шумейко М. Ф. Собрать рассеянное. С. 50.

⁸ Что стало с архивом Чеченской республики (интервью с В. А. Еремченко) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 22–25.

⁹ Мусафирова Ольга. «Батальон «Сомали» захватил здание нашего института» // Новая газета. 2017, 8 марта. С. 9.

¹⁰ Копылова О. Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 37–44.

торые с 50-х годов прошлого века открыли возможности для массового, быстрого и относительно дешевого копирования документов, позволило приступить к созданию страховых фондов на большие массивы документов, имеющие жизненно важное практическое и особо важное историческое значение с их обособленным хранением от подлинников, гарантирующим в случае гибели оригиналов сохранение их копий.

Однако в условиях повседневности реализация этих и подобных мер оказывается далеко не безупречной. Дневник директора архива АН СССР Г. А. Князева за годы Великой Отечественной войны¹¹ красноречиво показывает насколько сложным было в экстремальной военной ситуации блокады Ленинграда сохранение документов. Конкретные факты об этом из дневника можно было бы приводить до бесконечности. Мы не будем этого делать, попытавшись представить их типологию.

Ситуация первая — полная организационная неготовность архивной службы Академии к войне. Лишь только в первый день войны ее руководитель, по его свидетельству в дневнике, «написал инструкцию для службы на случай воздушной или пожарной тревоги», а также «наметил переноску наиболее ценных материалов в более безопасное хранилище»¹², закрепленные соответствующими приказами, которые были выполнены. Только на седьмой день войны директор занялся составлением «на всякий случай», как он пишет, плана эвакуации архива. Однако, реально оценивая ситуацию с этими действиями и их результатами, Князев признает: «Все наши меры — жалкие паллиативы! Были у меня представители других / академических/ архивохранилищ. Везде такое же положение. Никаких предварительных мероприятий по охранению ценностей на случай войны не

¹¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009.

¹² Там же. С. 27.

было сделано»¹³. Более того, практически все дни блокады вопрос об эвакуации или мерах по дополнительной защите академического архива оставался подвешенным, неопределенным. «Очень путанные сведения получаем из разных источников, — записывает Князев в своем дневнике в начале июля 1941 г. — То все едем, то не все едем. То складываемся целиком, то частично распаковываемся. Ничего толком не знаем»¹⁴

Ситуация вторая. В условиях отсутствия сколько-нибудь продуманного плана эвакуации архивных документов импровизированные решения об их судьбе в условиях военного времени являются жестом отчаяния с непредсказуемыми последствиями. В своем дневнике Князев на седьмой день войны пишет о спорах относительно сохранения «жемчужины» академического архива — архива М. В. Ломоносова: «Наконец решили, что рациональнее всего будет поместить рукописи Ломоносова вместе с рукописями Пушкина в бронированной комнате в И/нституте/ Л/итературы/», т.е. Пушкинском Доме. Но успокоения нет, потому что через пару дней директор этого самого архива Пушкинского Дома Городецкий приходит к Князеву за советом, о том, как сохранить в пока еще не блокадном Ленинграде в условиях войны рукописи «Пушкина, Ломоносова, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого» и др. В конце концов наиболее ценную часть документов академических архивов удалось вывезти из блокадного Ленинграда.

Ситуация третья. Разрушение в результате военных действий и в условиях блокады и без того далекой от совершенства инфраструктуры архива, прежде всего отопительной и канализационной систем, электроснабжения, создавшие невыносимые условия хранения документов и работы сотрудников архива. Например, 13 декабря Князев фикси-

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Там же. С. 65.

рует: «В хранилищах мороз, в служебных комнатах тоже... Все время гаснет электричество, и тогда сотрудники сидят в полутьме. На лестнице тьма крошечная. Запереть двери на улицу нельзя: не слышно стука, а без электричества звонок не действует»¹⁵. И, наконец, как определенный горький итог произошедшего в январской (1942 г.) записи: «И случилось так, что и этот замечательный Архив сейчас находится в состоянии склада, в полуразрушенном состоянии, и в читальном зале при морозной температуре недавно стучал молоток и визжала пила, когда сотрудники мастерили самодельный гроб. Если обстоятельства изменятся и могут быть произведены восстановительные работы, много для этого потребуется сил и энергии»¹⁶.

Ситуация четвертая — это пресловутый, но вполне реальный человеческий фактор. В своем дневнике Князев приводит многочисленные примеры самоотверженных действий сотрудников архива по созданию минимально возможных в условиях военного времени условий для более безопасного сохранения архивных документов: «авральные» перенос наиболее ценных из них в более защищенные хранилища, укрепление окон и дверей, налаживание постоянного вечернего и ночного дежурства, заготовка песка на случай пожара, прием документов личного происхождения от эвакуируемых или умерших ученых, противодействие уничтожению документов текущего делопроизводства в академических учреждениях, участие в строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом и т.д. Но уже 16 октября 1941 г. Князев записывает: «С грустью подмечаю, как начинает нарушаться заведенный /в Архиве/ порядок. Уже курят и в других служебных помещениях, где это не разрешалось, правда, не осмеливаясь еще курить в хранилищах»¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 347.

¹⁶ Там же. С. 424–425.

¹⁷ Там же. С. 432.

3 декабря 1941 г. одна из разорвавшихся недалеко от архива бомб выбила – впервые со времени обороны Ленинграда – четыре окна и в архиве. Князев фиксирует события утра следующего дня: «Сотрудники все-таки работали... Грелись у плиты и курили, зажигая папиросы лучинкой... Это в Архиве, при мне. Я молчу...»¹⁸.

Но не только разрушение инфраструктуры расхолаживало сотрудников. Голод ослабил людей настолько, что уже в конце января 1942 г. пришлось отказаться от ночных дежурств по архиву. На двести тридцать первый день войны, 7 февраля 1942 г., Князев фиксирует: «На службе то же: холод, мерзость запустения... Сотрудники усталые, осунувшиеся, ничего не делающие». Наконец, запись от 6 марта 1942 г.: «Ходят на службу, служат, чтобы иметь карточку служащего. И только. Вот, что осталось от моих героев-сотрудников Архива, дежуривших ночью и днем, сидевших на крыше, не жалевших сил при первой нашей эвакуации в июле. И многие уже не встают с постели...»¹⁹. Меньше становилось не только сил у сотрудников, но и самих сотрудников. Голод и холод сделали свое дело.

И, наконец, ситуация пятая – это отношение власти и академического руководства к архиву. Дневник Князева фиксирует если не полное равнодушие, то торопливо-небрежное восприятие ситуации, в которой оказались академические архивы Ленинграда. Сначала принимались противоречивые решения об эвакуации архивных документов академических учреждений. Затем о них просто постарались забыть. Князев и его подчиненные оказались в одиночестве, борясь не только за спасение архива, но и за свою жизнь.

В конце концов блокадная эпопея документов академических учреждений Ленинграда, включая Архив Академии, завершилась благополучно: наиболее ценные из них удалось

¹⁸ Там же. С. 336.

¹⁹ Там же. С. 461.

эвакуировать, а те, что остались на прежних местах хранения за небольшим исключением пощадили германские снаряды и бомбы. Дневник Князева показывает, что несмотря на героизм и самоотверженность архивистов, несмотря на охватившую их затем в условиях голода и холода апатию, сохранение академических бумаг стало делом случая — не оказалось ни одного попадания в хранилища немецких снарядов и бомб. Возможно, военный историк, изучив дислокацию советских зенитных батарей, защищавших небо над центром города, а также расположение германских батарей сможет показать, что бомбы не случайно пощадили архивохранилища Пушкинского Дома или академического архива, также как артиллерийские снаряды не поразили их. Но даже если и будет доказана такая «неслучайность» в условиях войны и военных конфликтов она не может быть признана допустимой, в особенности, когда речь идет об архивных документах.

Второй фактор, влияющий на сохранность архивных документов, связан с техногенными катастрофами, когда в местах сосредоточения больших массивов документов случаются пожары, отключается отопление, электропитание и т.д., нарушающие нормальный режим хранения. Техногенные катастрофы приводят к непредсказуемым локальным утратам документов. Они обладают как свойством внезапности, так и являются следствием накопления усталости в инфраструктуре архивов, которая в принципе является прогнозируемой. И современность, и давнее, и недавнее прошлое, к сожалению, пусть без пугающей периодичности, но дают немало примеров документальных утрат по этой причине. Два пожара (1598 г. и 1629 г.) уничтожили большую часть тобольских архивов XVI в. Этот деревянный город, бывший долгое время административным и политическим центром Сибири, в XVII в. горел еще восемь раз²⁰. Два московских

²⁰ *Савин В. А.* «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР—СССР. 1918—1950-е годы. М., 2000. С. 71—100.

пожара XVII в. оставили немало лакун в приказном делопроизводстве. Пожар в 1982 г. в Костромском областном государственном архиве уничтожил десятки тысяч документов по истории одного из древнейших регионов страны²¹. Не менее разрушительный пожар в городе Каменец-Подольском в 2003 г уничтожил многие фонды филиала Исторического архива Украины, хранившие документы не только по истории Украины, но и России, Польши, Беларуси, Литвы, Молдовы²². Нейтрализация техногенного фактора угрозы связана только и почти исключительно с постоянным совершенствованием инфраструктуры хранения документов, требующем значительных финансовых затрат.

Не стоит думать, что иногда техногенные катастрофы, приводившие к утратам архивов, обходились без низменных человеческих интересов. Например, нещадно горели архивы уездных канцелярий в дореволюционной России. К сожалению, статистики на этот счет не имеется, хотя ее не так уж и трудно воссоздать. Уездные архивы горели не только вследствие несчастных случаев, но нередко и от поджогов по разным причинам, отражая некое явление, связанное с отстаиванием прав собственности, особенно на землю. Лишь частично утраченные документы таких архивов продублированы в губернских и центральных ведомственных архивах Российской империи. Но не все поджигатели об этом знали.

Не всегда, но и не так и редко второй фактор взаимодействия с фактором третьим, связанным с экономическим кризисом в той или иной стране и приводящем подчас к сплошной или локальной и почти всегда непредсказуемой гибели документов. В условиях экономического кризиса, когда, как правило, обществу и государству бывает не до ар-

²¹ См.: Государственный архив Костромской области. Справочник. Ч. 1. М., 2005. С. 8.

²² *Рыбинская И.* В результате пожара пострадали фонды Каменец-Подольского архива // Факты. 12 апреля 2003.

хивов, документы часто оказываются просто «бесхозными», а иногда, наоборот, становятся особым объектом пристального внимания, подвергаясь сознательному уничтожению по криминальным соображениям. В 20-е – первой половине 40-х годов прошлого века экономический кризис в СССР, выразившийся среди прочего в катастрофической нехватке бумаги, привел к трем организованным государством «макулатурным кампаниям». В ходе первой из них (1919–1925) на переработку пошло не менее 251 тонны документов, во время второй (1928 – сер. 1930-х годов) – свыше 1 тыс. тонн, во время третьей (октябрь 1941–1945) – около 10 млн. дел²³. Нет сомнений в том, что макулатурная кампания 70-х годов прошлого века, когда в обмен на бумажные носители документов выдавались талоны на популярную, но дефицитную тогда художественную литературу, изрядно подчистила личные архивы граждан СССР. В той кампании тоже присутствовала кризисная экономика, когда государство, с одной стороны, не имело возможностей удовлетворить духовные интересы своих граждан, а с другой – не имело сил ликвидировать бумажный дефицит.

Нейтрализация негативных последствий экономического кризиса возможна при наличии программы перевода архивов в режим ограниченного функционирования и даже консервации, а также с помощью действий, создающих возможности и условия для немедленной временной резервации (укрытия) архивных документов хотя бы с минимально возможными гарантиями их сохранения.

Четвертый фактор – политический кризис, почти всегда содержит угрозу целенаправленного уничтожения отдельных архивных документов или их комплексов. Например, на рубеже 20-х – 30-х гг. произошло организованное уничтожение нескольких тысяч грамморигов и матриц с записями песен, не устраивавших своей идеологией советскую

²³ *Савин В. А.* «Хранить нельзя уничтожить». С. 71-100.

власть и хранившихся на складе в подмосковной Апрелевке²⁴. Даже в созданном в 1932 г Центральном архиве звукозаписей СССР шло уничтожение фонодокументов, «негодных в идеологическом отношении». В последующие годы из-за распространенной практики размагничивания аудио и аудиовидеозаписей аудиовидеодокументальному наследию страны был нанесен не меньший и не восполнимый ущерб. Подготовка к празднованию 50-летия советской власти привела к созданию отдела «Звуколетопись нашей Родины» в Гостелерадио СССР. В. А. Коляда пишет, что «Если с записью новых фонограмм дело пошло успешно, то обращение к аудиодокументации прежних лет открыло весьма плачевную картину... составление действительно полной звуколетописи столкнулось с огромными трудностями...»²⁵. В ходе следственных действий в рамках политических репрессий 30-х годов происходило уничтожение изъятых у арестованных документов, «как не имеющих отношения к делу и не представляющих ценности»²⁶.

Благодаря свидетельствам первого председателя КГБ СССР И. А. Серова нам приоткрылась картина уничтожения важных архивных документов после смерти И. В. Сталина. Серов сообщает, что сразу после смерти Сталина Н. С. Хрущев, Л. П. Берия и Г. М. Маленков поручили помощнику Маленкова Д. Н. Суханову и помощнику Берии по Совету Министров СССР Б. А. Людвигу «просмотреть личный архив Сталина». Уже через несколько дней после ареста Берии Серов вместе с Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко по поручению Президиума ЦК КПСС занялись разбором Особого архива ЦК КПСС. Серов пишет: «Вот мы недели две ходили туда на весь день, чтобы разбираться с документами...». Как можно понять, новоис-

²⁴ Коляда В. А. «Есть звуки, их значение...». М., 2008. С. 74.

²⁵ Там же. С. 182.

²⁶ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 418.

печенные архивисты должны были выявить прежде всего документы, связанные с Берией, но их «улов» оказался намного разнообразнее: доносы Сталину о членах Политбюро, включая их интимную жизнь, записки Ежова, «где он ставит вопрос об аресте ряда руководящих деятелей краев и областей», одобренные членами Политбюро, аналогичные записки Хрущева с Украины, Жданова из Ленинграда и др. Серов продолжал: «Закончили разбор документов. Составили опись, доложили в ЦК, а затем сожгли, что не нужно, причем это делали вдвоем, и опять все наши предложения и исполнения утвердили в ЦК».

Вероятно, тогда же Серов и Руденко, должны были «не привлекая никого, вскрыть сейфы Берии, доложить и по его (Хрущева — В. К.) указаниям составить акты и уничтожить часть материалов. Остальные материалы и архив из сейфов в Совмине, Спецкомитете по атомной бомбе и в НКВД-НКГБ были переданы в канцелярию общего отдела ЦК Суханову». Позже выяснилось, что часть документов из сейфов Берии Суханов оставил у себя, и после его ареста в 1956 г. Серов передал их в личный архив Хрущева. Как можно понять Серова, с 1954 г. спецгруппа в составе заместителя заведующего административным отделом ЦК КПСС В. В. Золотухина, зав. сектором того же отдела В.С. Тикунова и сотрудников КПК Г. С. Климова, И. П. Бойцова, П. И. Богоявленского «по материалам НКВД-МГБ разыскивали всякие упоминания об участии Хрущева в незаконных и, как рассказывал мне Малин, эти материалы из общего отдела ЦК, которые были в единственном экземпляре, были уничтожены»²⁷.

Итак, оказывается, что в 1953–1956 годах, согласно данным Серова, были проведены чистки личных архивов

²⁷ Серов Иван. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 417, 418, 464, 465, 547. Н. В. Петров обратил наше внимание на хронологические неточности свидетельств Серова, в частности, на то, что группа Золотухина работала не в 1954, а в 1956 г.

Сталина и Берии, общего отдела ЦК КПСС, НКВД-МГБ СССР, Совмина СССР и Спецкомитета по атомной бомбе. Какая-то часть их была уничтожена, другие документы претерпели различные перемещения и, вероятно, в настоящее время частично сохранились. Не совсем ясное свидетельство Суханова о «решении», принятом в августе 1954 г. партийным руководством КПСС, об уничтожении неких документов²⁸ подтверждает свидетельства Серова.

Политический кризис в России в 1993 г., приведший к расстрелу Белого дома, создал реальную угрозу утраты архивов Верховных Советов РСФСР и СССР, предотвращенную самоотверженными действиями российских архивистов²⁹.

Предотвратить уничтожение документов в результате политических кризисов можно по крайней мере тремя способами: национальным архивным законодательством, предусматривающим жесткую уголовную ответственность за несанкционированное уничтожение архивных документов; специально внедренными национальными процедурами учета, хранения и выдачи архивных документов, исключающими возможности принятия решения об их уничтожении любым лицом, любой группой лиц, заинтересованных в этом, без последствий для их судьбы в будущем; этической позицией архивистов, несущих нравственную, профессиональную и уголовную ответственность за сохранность документов.

Пятый фактор — природные катаклизмы, приводящие к непредвиденным локальным утратам документов. Редко, но они случаются, нанося непоправимый ущерб документальному наследию даже развитых стран, либо серьезно повреждая документы. Так, например, произошло в 1997 г. в Польше, когда в результате сильнейшего наводнения были сильно повреждены воеводские архивы. Предотвращение природных катаклизмов практически невозможно, и поэтому

²⁸ Реабилитация: как это было. Т. 2. М., 2002. С. 102, 801–803.

²⁹ Отечественные архивы. 1994. №1. С. 3–6.

единственной гарантией хотя бы нейтрализации возможных потерь в этом случае является наличие страхового фонда. хранящегося в удаленном от подлинных документов месте.

И, наконец, еще один, шестой фактор, — реально существующий рынок архивных документов, создающий угрозу локальных краж из архивов. Он прямо связан с седьмым — человеческим фактором — работником или пользователем архива, которые по разным, как правило меркантильным, причинам не могут устоять перед искушением краж архивных документов. Отвести угрозу воздействия этих двух факторов сохранению документального наследия любой страны можно только уголовной ответственностью, строгим соблюдением правил работы с архивными документами, высокой степенью социальной защищенности архивистов.

Угрозы сохранности архивов носят интернациональный характер. Исполком Международного совета архивов (МСА) в 1994 г. предложил Росархиву подготовить основной доклад об угрозах сохранности архивов и мерах по их преодолению для своего Конгресса, который состоялся в 1996 г. в Пекине. В 1994 г. готовя этот доклад, российские архивисты и в самом страшном сне не могли представить, что всего через пару лет архивы страны окажутся под воздействием не одного, а сразу почти всех описанных выше факторов, усугубленных еще целым рядом других, второстепенных, но отнюдь не таких уж малозначимых субъективных решений. Мы не будем здесь повторяться, отослав читателя к нашей книге, где об этом подробно рассказано³⁰.

Если комплектование архива, как увидим ниже, всегда является показателем жизнедеятельности человека, общества, государства, демонстрирует активную жизнедеятельность определенного социума (мы не имеем в виду случаи, когда политический и экономический кризисы рождают

³⁰ Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 93–123.

«лавинообразное» комплектование в условиях чрезвычайщины), то функция обеспечения сохранности архивных документов архива в идеале символизирует вечность сохранения состоявшейся жизни и истории человека, общества, государства. Ее успешная реализация сигнализирует об относительном благополучии в обществе, государстве, в личной жизни человека, придает уверенность социуму в том, что по крайней мере память о его жизнедеятельности будет сохранена для удивления, восхищения или осуждения будущими поколениями. И, наоборот, сбои в реализации архивом этой функции, особенно когда они приобретают системный характер, всегда являются одним из индикаторов, пусть и не самых важных, неблагополучия в жизни социума.

Для гарантированного обеспечения сохранности архивных документов архив осуществляет комплекс мер, направленных на создание физических и других условий, призванных не допустить их утраты в соответствии с национальными и международными нормативами и рекомендациями. Обеспечение сохранности архивных документов – наиболее стандартизированная функция архивов мира, поскольку она имеет дело с общими физическими сущностями – носителями информации документов, средствами их хранения, поддержания климатического режима и т.д. Вместе с тем, в архивах она является и наиболее затратной, требуя строительства специальных зданий и их специализированного технического оснащения. Поэтому несмотря на стандартизированность реализация этой функции архива в конкретной жизни она напрямую связана с уровнем экономического развития и состояния той или иной страны.

Пополнение документальной исторической памяти. Как уже говорилось выше, для сбережения документальной памяти человечество опытным путем выработало сложную систему ее депозитариев, главное предназначение которых сводится к ее вечному, т.е. бессрочному, сохранению. Для достижения этой цели решаются несколько задач.

Первая группа задач связана с созданием специальных физических условий, обеспечивающих сохранность носителей документальной памяти и средств ее закрепления на длительную перспективу и с модернизацией технологий, создающих условия для такой сохранности. Решение этой задачи носит преимущественно технологический характер и исключается из рассмотрения в настоящей книге.

Вторая группа задач связана с комплектованием документальной памятью депозитариев исторической памяти. Со временем их разрешение претерпело известную эволюцию, пройдя не менее трех этапов.

Первый этап был связан со стихийным собирательством почти исключительно документов класса неофициального и сакрального происхождения в рамках личных интересов собирателей, в основном историков и любителей старины. Оно получило широкое распространение в первой половине XIX в. В этот период в России сначала зазвучали проекты организованного собирания документальных памятников (первый результативный проект его реализации относится к XVIII в. и связан с сибирской экспедицией Г. Ф. Миллера), а затем в лице сотрудников Румянцевского кружка один из таких проектов начал воплощаться на деле в ходе специальных поисковых экспедиций.

Параллельно с этим начинался этап организованного собирания документальной исторической памяти. Одной из его особенностей стала государственная поддержка такого собирания, воплотившаяся в создании Археографической комиссии при императорской Академии наук. Для этого этапа характерными стали, во-первых, массовые перемещения оригиналов документов из провинциальных хранилищ в Санкт-Петербург, во-вторых, массовое копирование документальных источников, в том числе официального происхождения, и, в-третьих, их приобретение за счет меценатов и государства. Собрание документальной памяти на этом этапе распространилось на все три класса документов,

причем, для второго и третьего классов оно осуществлялось непосредственно из среды их реального бытования. Второй этап пополнения документальной памяти завершился к середине 1960-х годов блестящей деятельностью поисковых экспедиций Пушкинского Дома во главе с В. И. Малышевым и Института истории Сибирского отделения АН СССР под руководством Н. Н. Покровского.

Начало третьего этапа пополнения документальной памяти, вероятно, следует связывать с июньским декретом 1918 г., в котором передача с ведомственного на государственное хранение документов официального происхождения признавалась одной из задач государственного архивного строительства. Последующие решения советской власти 1919 г. не только подтверждали эту норму, но и ставили задачу концентрации в государственных хранилищах документов личного происхождения. Третий этап пополнения документальной памяти, который можно было бы назвать административным, продолжался до начала 90-х годов прошлого столетия. Для него стали характерны попытки научного обоснования состава источников комплектования и жесткая система поступления от них на государственное хранение документальных комплексов, пополнявших документальную историческую память страны на всех уровнях ее формирования.

С 1990-х годов начался четвертый период пополнения документальной исторической памяти. В этот период в связи с социально-экономическими и политическими преобразованиями в стране было разрушено жесткое администрирование комплектования архивов в результате возникновения негосударственных организаций, документация которых автоматически становилась корпоративной, негосударственной собственностью. Многочисленные административные преобразования государственной сферы управления и хозяйствования дестабилизировали системы источников комплектования государственной собственности, а новые

принципы бюджетирования создали угрозу разрушения территориального принципа формирования документального исторического наследия. В результате этих и других обстоятельств сегодня система комплектования носит экспериментальный и неустойчивый характер.

Комплектование архива архивными документами в идеале представляет собой планомерное пополнение его фонда (когда речь идет о ведомственном архиве) или фондов документами, утратившими свое первоначальное целевое назначение. Такое пополнение, за исключением части ведомственных архивов конкретных юридических лиц, осуществляется от источников комплектования, взаимодействующих с архивом в сфере его комплектования и в соответствии с его профилем. К настоящему времени сложились три способа передачи документов на вечное хранение: нормативный, договорный и выморочный.

Нормативный порядок передачи документов в архив предполагает их обязательную передачу сюда на вечное хранение по истечении определенных сроков временного хранения в ведомствах, а также в случае банкротства организаций в соответствии с законодательно установленными нормами. Он существует, например, в сфере комплектования государственного, муниципального архива от соответственно государственных и муниципальных юридических лиц.

Договорный порядок передачи в архив документов на вечное хранение распространяется на документы негосударственных юридических лиц и личные архивы граждан. Смысл его заключается в добровольном двустороннем согласии владельца негосударственного корпоративного или личного архива на их передачу для вечного сохранения в государственный, муниципальный архив, архив общественной организации. В соответствии с договором в этом случае устанавливаются порядок и условия сохранения таких архивов, доступ к ним и их использование.

Выморочный порядок поступления в архив документов на вечное хранение практикуется в случае отсутствия их законных владельцев, наследников и распорядителей. Он реализуется с помощью процедур, присущих для любого выморочного имущества.

Процесс пополнения документальной памяти означает возрастание объемных показателей хранения документов в архивах. Несколько переменяя мысль В. Н. Автокротова (он писал о закономерности «абсолютного возрастания объемных показателей» ГАФ СССР³¹), можно говорить о закономерности через комплектование архива реализации возможности обеспечения непрерывности процесса пополнения документальной памяти. И этот процесс имеет глубокий философский, политический, социальный и нравственный смысл. Он демонстрирует непрерывность государственности того или иного народа. Он показывает жизнедеятельность национального, этнического социума, конкретной экономической, политической, социальной, культурной структуры (институции) во времени. Он свидетельствует, наконец, о существовании государственности, вообще жизнедеятельности определенного человеческого сообщества в конкретное временное измерение. Поэтому прекращение комплектования архива, превращение его в некомплектуемый (исторический) архив, является почти всегда неким знаком, неким рубежом, отражающем происходящее в общем национальном или региональном историческом процессе и в его конкретных проявлениях на уровне деятельности отдельных юридических или физических лиц.

Ключевым моментом в процессе комплектования архива является *экспертиза ценности архивных документов (селекция)*. С ее помощью определяется полезность и ценность документа и его совокупная полезность и ценность. Проис-

³¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 77–78.

ходит выбраковка части документальной памяти и обеспечивается сохранение другой части, которая и пополняет документальную историческую память.

Судьба документа определяется, как говорилось в главе 2, на стадии его оперативного архивного бытования. Не востребованность документа создает естественную угрозу его ликвидации. Однако убывание его предельной полезности сопровождается возрастанием его ценности. Иначе говоря, если в фазе оперативного бытования документа полезность и ценность документа в принципе вещи совпадающие, то уже в фазе покоя они расходятся и полезность документа постепенно переходит в его ценность.

Экспертиза ценности документа является ничем иным как механизмом, призванным нейтрализовать и предотвратить, с одной стороны, угрозу преждевременного уничтожения документа, а с другой — установить его дальнейшую судьбу. В ее основе лежит идея не освобождения от ненужного хлама, а, наоборот, выбор всего того, что сохраняет какое-то время полезность, а значит, и относительную ценность, а также имеет абсолютную ценность и потому рано или поздно человеку, обществу, государству, человечеству через столетия и тысячелетия обязательно потребуется для решения тех задач, о которых современный человек может даже не догадываться.

Установление *полезности документа* есть ничто иное как определение его временного практического значения после утраты им первоначального целевого назначения. По этому показателю выделяются документы с кратковременным сохранением (до 5 лет), среднесрочным сохранением (до 50 лет) и долгосрочным сохранением (до 75 — 100 лет). Исходным посылом такой селекции является понимание, что каждый документ имеет как бы «остаточное» практическое значение, инерция которого может быть доказательно рассчитана прежде всего на основе существующих законодательных и иных правовых норм. При этом подразумевается,

что время может вносить коррективы в сроки хранения каждой из трех групп селекции в сторону их уменьшения или увеличения. Обоснованные сроки хранения по каждой из трех групп документов являются обязательными. Их соблюдение особенно важно в переходные периоды жизни государства и общества, нейтрализуя возможные манипуляции с документами в преступных целях.

Абсолютная ценность документа, обрекающего его на вечное хранение, связана с его человеческим, социальным и культурным значением для будущего, определяемым исключительно информационными критериями полноты, дублирования, повторяемости, уникальности информации, уникальности самого документа. Определение абсолютной ценности документа — это своего рода «измерение» его информационного потенциала, оставшегося от его прошедшего оперативного бытования. Такое «измерение» по возможности не должно носить метафизического характера. В соответствии с архивоведческим принципом беспристрастия оно есть ничто иное как попытка сохранения через документы информации, значимой для будущего. По этой причине критерии ее оценки не могут изменяться во времени, подчиняться ему в зависимости от других ценностных представлений, существующих в обществе на том или ином этапе его развития. Критерии оценки документа при его экспертизе, связанные, например, с понятиями правды и лжи, доброго и недоброго, уважения и ненависти, прекрасного и безобразного, успешного и неудачного, прогрессивного и консервативного и т.д., могут внести только субъективизм в оценку документа при его экспертизе. Они должны оставаться категориями историографического порядка, использоваться историком, а не архивистом. Абсолютная ценность документа — это его новое свойство в состоянии покоя, его новая функция, его смысл, позволяющий протраивать прошлое через созданную им же информацию, отражающую ушедший мир сущего.

Современное понимание отнесения документов к числу подлежащих вечному сохранению, основывается на нескольких посылах. Во-первых, абсолютная ценность документа связана с его познавательными возможностями содержать информацию, важную и необходимую для реконструкции прошлого в разные мгновения и в разных, прогнозируемых и не прогнозируемых, аспектах ушедшего состояния прошлого. Во-вторых, ценность документа вскрывается через установление повторяемости его информации в других документах — полной (дублетные документы), основной по ее определяющему содержанию и частичной по разным и отдельным параметрам.

Эти два свойства определения абсолютной ценности документальной памяти лежат в основе освобождения от ее избыточности. Такое освобождение, осуществляемое в определенных процедурных границах и на основе общепризнанных критериев определения повторяемости и полезности, является не замещением части документальной памяти ее иной новой частью, а избавлением от ее повторяемости и утраченной полезности. Остающаяся часть является ничем иным как документальной исторической памятью.

Повторяемость информации документов, являющаяся следствием их системности, таким образом, дает возможность отнести в первую очередь к вечному сохранению документы, содержащие агрегированную информацию.

Два названных посыла являются определяющими, хотя и не единственными, при вскрытии абсолютной ценности документа. Они дополняются, например, критерием автографичности — исторической значимости лица, подписавшего документ. Критерий кумулятивности документа, рассматривает ситуацию, при которой один из документов порождает веер других документов, демонстрируя свою особо значимую роль в текущей человеческой жизнедеятельности. В отношении сложившегося массива однородных документов допускается их выборка, рассчитываемая по разнообраз-

ным, но обязательно известным параметрам и в определенных временных интервалах и территориальных границах.

Приблизительно до начала XVIII в. абсолютная ценность документа в общественном сознании преимущественно определялась его практическим значением и древностью. Критерий практической значимости документа прежде всего подразумевал его роль в сфере собственности, особенно на землю, с одной стороны, а с другой, являлся важным для подтверждения сословной принадлежности человека и его причастности к службе государю. В этом смысле определение ценности документа носило сословный и прежде всего продворянский характер. Практическую ценность имели и документы, зафиксировавшие различные формы зависимости одного человека перед другим. Древность же документа казалась прежде всего интересной для его сохранения как нечто необычное, как редкость, вызывающая удивление и по этой причине подлежащее сохранению вечно.

Но уже в петровское время представление о ценности документа начало постепенно расширяться. Написание «Истории Свейской войны» П. П. Шафировым, записи устных воспоминаний о Петре Великом, другие документы личного происхождения, опубликованные И. И. Голиковым и особенно Я. Штелиным³², открыли их значение в восстановлении событий недавнего времени. Публикация грамоты Максимилиана I к Василию III, в которой последний назван императором, показала политическую значимость документа³³.

До начала XIX в. выработка критериев ценности документов носила стихийный и сугубо прагматический характер. Всем было ясно до этого, что, например, международные

³² Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным. М., 1786.

³³ См.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. С. 145. № 19.

договора государства должны храниться в архивах бессрочно, т.е. вечно — в зависимости от обстоятельств о некоторых из них следовало знать, но не всегда их афишировать, о других — много и часто говорить, а при необходимости и демонстрировать. Зато не всегда существовало понимание сохранения зафиксированных обстоятельств их подготовки и заключения. Казался важным результат, а не путь, который привел к нему. Таков был прагматизм восприятия документа при определении его судьбы. Позже, уже в первой половине XIX в. т.н. разборочные комиссии, созданные по правительственным распоряжениям, представляли собой ничто иное как попытки организованного определения абсолютной ценности накопленного в стране документального массива.

Приблизительно с середины XIX в. и вплоть до 1917 г. в определении ценности документа как источника исторических исследований все большую роль начинают играть историки. Со временем начал вырабатываться и специальный инструментарий типологических случаев установления ценности документов, а также механизм его применения.

Развитие исторической науки постепенно подточило стихийно-прагматическое отношение к определению абсолютной ценности документа и стимулировало новые подходы к выработке критериев его сохранения или ликвидации. Эти критерии все более и более приобретали систематизированную и аналитическую направленность, вылившись в конце концов в систему перечней типов и видов документов, организующих жизнь общества, личности, государства, с указанием сроков их хранения, и даже — в законодательные нормы в отношении ряда видов документов имущественно-правового и финансового характера в первую очередь. Совместно с историками архивисты с помощью критериев селекции документов попытались сохранить такую документальную базу, которая давала уже не только ответ на вопрос «что было», но и на другие, подчас не менее важные вопросы: «как было», «почему так было».

Сегодня текущие архивы, хранящие отработавшие свои задачи документы, постоянно ликвидируют те из них, установленные сроки которых истекли, и соответственно накапливают те, срок хранения которых определен как вечный. Происходит своеобразная фильтрация документов через оценку их значения для самопознания личности, общества, государства в исторической ретроспективе: сверху фильтра остаются те, которые обречены на вечное хранение. Остальные уходят в осадок и уничтожаются. Судьба первых, главным образом, и интересует нас в настоящей книге.

Археография и документальное источниковедение, имеют дело с документом, как правило, уже прошедшим селекцию. Строго говоря, здесь скрывается существенное противоречие между теоретическими постулатами архивоведения и археографии и документального источниковедения, поскольку две последние дисциплины заинтересованы в наличии максимально полной источниковой базы, соответствующей изучаемому факту, событию, явлению, процессу прошлого. Но сегодня селекция — это неизбежность, объясняемая исключительно экономическими соображениями. Важно отметить, что она, как точка определения судьбы документа, является местом не противопоставления, а пересечения интересов архивоведения, археографии, документального источниковедения. Известность критериев, принципов и механизмов селекции, документированность их применения позволяют с оптимизмом смотреть на объективный процесс потери для архивоведения, археографии и источниковедения части документальной памяти, поскольку не только сохраняется другая часть, но и существует возможность реконструкции неизбежно происходящих при экспертизе ценности потерь.

Тем не менее в принципе и сегодня остается спорным вопрос о целесообразности такой экспертизы. Позиция ее противников основывается на том, что почти каждый документ представляет собой зафиксированное мгновение про-

шлой действительности — как факт этой действительности, как частичка события, процесса и явления ушедшего времени, а потому должен сохраняться вечно. Эта позиция есть ничто иное как идеальная модель комплектования и она содержит рациональный методологический посыл.

Скорее всего новые информационные технологии рано или поздно решат вопрос в русле этой позиции, т.к они неотвратно разрушают два аргумента сторонников экспертизы документов: «проблему полок» и проблему поиска нужной информации в ее безграничных по существу в данном случае пределах. Но это близкое или отдаленное будущее. Для сегодняшнего состояния архивного дела две эти проблемы сохраняют свою актуальность, и архивоведение должно предложить их разрешение с позиций современных подходов.

Таким образом, экспертиза ценности документа есть ничто иное как вынужденное, но, в настоящее время, оправданное вмешательство в его судьбу. Вновь, как и на стадии его собственно оперативного бытования, неприкосновенность документа подвергается угрозе теперь уже реального физического уничтожения. С большей частью документов так и происходит. Но благодаря экспертизе ценности остается определенный массив документов, который и становится носителем документальной исторической памяти. Иначе говоря, архивоведение обосновывает и предлагает своеобразную «прополку» всего создаваемого в процессе человеческой жизнедеятельности документального массива, которая в конце концов закрепляется разнообразными нормативами, обязательными для исполнения.

Реконструкция документальной памяти. Существующее и постоянно формируемое документальное историческое наследие представляет собой выборку из всего создаваемого документального массива. Научная обоснованность такой выборки, т.е. репрезентативность, относительна, поскольку не гарантирует уверенность ее обеспечения сколь угодно неопределенным кругом запросов будущего.

Поэтому потеря информации при экспертизе ценности документов происходит неизбежно. Архивоведение признает, что определение ценности документа — вещь, с одной стороны, субъективная, а с другой — переменчивая во времени. Их частичная нейтрализация связана с организацией экспертизы ценности как процесса консилиумного характера, а также документированием этого процесса для будущего исследователя. И то и другое обеспечивается сегодня проверенной временем системой экспертных органов архивных учреждений и набором постоянно обновляемых нормативных и методических документов, обеспечивающих их деятельность. Они дают возможность реконструкции документальных массивов, не ставших объектами вечного сохранения.

Говоря о реконструкции документальной памяти, следует иметь в виду, что под этим мы понимаем два ее состояния: 1) реконструкцию той части памяти, которая прошла экспертизу ценности и была согласованно ликвидирована; 2) реконструкцию сознательно или стихийно ликвидированной документальной памяти, которая могла иметь историко-познавательное значение.

Важнейшей основой такой реконструкции является знание существовавших систем и подсистем документации — формальных, т.е. общепризнанных и официальных, в том числе тайных, и неформальных, т.е. персональных и складывавшихся на основе традиций и обычаев. Это обеспечивает получение знания о степени диффузности информации, т.е. ее проникновении по горизонтальным и вертикальным документальным связям. В равной степени подобная реконструкция является задачей архивоведения и документального источниковедения. Однако, если для архивоведения в такой реконструкции интерес представляет проблема глубины и полноты диффузности, то для источниковедения — вопросы еще и ее достоверности и характера переработки.

Во втором случае, связанном с утратами документов в силу разных обстоятельств или их сознательным по разным,

в том числе политическим мотивам, уничтожением, (как правило, не документированным) означает, что исключается сама возможность установления подлинной картины того или иного факта, события, явления, процесса прошлого, а значит, и доказательства того, что они имели место в прошлом. Например, по подсчетам А. И. Костанова, до нашего времени сохранилось лишь 6–7% документов 20 уездных архивов Сибири³⁴. Реконструкции таких утрат, вполне реальные, особенно когда речь идет о документальных утратах XIX–XX вв., – одна из задач архивоведения и документального источниковедения. Более того, само понятие реконструкции утраченного документального наследия, ее теория и методика должны стать важным разделом архивоведения и документального источниковедения.

Оно требует внимательного анализа, имея прямое отношение к их теоретическим основам. Ясно однако, что реконструкция подобных массивов документации должна стать задачей прежде всего источниковедения, а ее решение может принести эффективные и впечатляющие результаты. Из этого следует, что само понятие реконструкции, ее теория и методика должны стать важным разделом источниковедения. Однако их разработка немыслима вне интеграции с принципами, методами и технологиями, существующими в архивоведении. Говоря о методах реконструкции, очевидно, следует признать, что в каждом конкретном случае они, а также их набор будут различны. Однако, важно подчеркнуть, что в их основе обязательно останутся чисто архивоведческие инструменты – нормативно-методические документы, регулирующие функционирование систем и подсистем документации, типовые и отраслевые перечни, акты о выделении документов к уничтожению, номенклатуры дел и т.д., а также архивоведческие наблюдения и выводы о прин-

³⁴ Костанов А. И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв. С. 276.

циях и механизмах повторения документной информации, ее видах и формах и т.д.

Подводя итоги этой главы, заметим, что сохранение документальной памяти и документального наследия основывается на применении архивоведческого принципа необходимого и достаточного. Необходимое в данном случае — это признание безальтернативности сбережения документальных свидетельств о человеческой жизнедеятельности — временное или вечное — и создание возможностей и условий для их сбережения. Достаточность — это мера выборочного сохранения навечно документальной информации, определяемая специальным познавательным инструментарием, позволяющим говорить о репрезентативности этой меры документального наследия по отношению к общему объему создаваемой документальной памяти.

ГЛАВА 5

КЛАССИФИКАЦИЯ И УПОРЯДОЧЕНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ЛЮБОЕ научное знание невозможно без классификации его объекта и предмета, тем более когда речь идет о безграничном и далеко не всегда наблюдаемом, но реально существующем множестве документов. Современное архивоведческое знание предлагает несколько оснований документальных классификаций.

В главе 1 мы говорили о принципе классификации документов как одном из важнейших в архивоведении. В главе 2 мы выделили первый уровень такой классификации, основанный на *сферах происхождения и обращения документов* – классы документов официального, неофициального и сакрального происхождения.

Классификация архивных документов, основанная на виде носителя и способе закрепления на нем информации, позволяет выделить письменные (вербальные) документы, визуальные документы (изобразительные, фото, кино, видеодокументы), аудиодокументы, электронные документы. На этих основаниях организуются архивы или внутри их – соответствующие специализированные архивохранилища. Допустим

ма такая классификация и на уровне архивного фонда или архивной коллекции.

Документальную историческую память можно рассматривать как средоточие бесконечного числа структурированных сообщений документов, выступающих в процессе познания как совокупность свидетельств о прошлом. Поэтому важно хотя бы в общих чертах определить ее классы, типы, виды уже не с позиций их оценки как регуляторов действительности, а как свидетельств об этой действительности, т.е. на основе их содержания. *Классификация архивных документов, основанная на содержании их структурированных сообщений*, предлагает выделение неограниченного числа классов, подклассов и групп документов в соответствии с их тематической заданностью, например, имущественные, сословные, хозяйственные, экономические, правовые, международные, дипломатические и т.д. и т.п. Такая классификация предложена в фундаментальном справочнике классификации документальной информации, хранящейся в архивах России¹.

Эти и другие классификации документов важны применительно к каждому особому случаю их сохранения, поиска и использования. Классификация, основанная на виде носителя, дает возможность создания системы архивов, учитывающей особенности сохранения документов на каждом виде носителей. Тематическая классификация открывает новые возможности эффективного поиска документной информации на основе каталогов и автоматизированных систем.

Однако опыт и время показали эффективность для архивного дела еще трех архивоведческих классификаций: фондовой, функциональной и познавательной, к рассмотрению которых мы и приступаем.

¹ Единый классификатор документной информации Архивного фонда Российской Федерации. М., 2007.

Попондовая классификация архивных документов (документальной исторической памяти) стала результатом многовековой практической работы по упорядочению документов. Ее смысл заключается в том, что все документы, создаваемые в процессе деятельности юридического или физического лица, а также поступающие к ним извне, представляют собой не только единый и физически обособленный массив, но и некую совокупность взаимосвязанной документной информации, предметность которой четко определяется задачами, решаемыми тем или иным фондообразователем. В результате вся безграничная совокупность документов, создаваемая в процессе человеческой жизнедеятельности, локализуется по их отдельным совокупностям, объединенным деятельностью конкретных фондообразователей. Сегодня эта совокупность, в России насчитывает около 500 млн. дел. В ЦФК по состоянию на 31.08. 2016 г. введены данные о части архивных фондов, в которых хранится этот документальный массив. Эта часть включает 1128849 архивных фондов.

Эта простейшая, на первый взгляд, классификация обеспечивает прежде всего эффективный поиск нужной информации.

Разновидностью попондовой классификации можно считать классификацию, в которой ее предметом является архивная коллекция. В ней документы объединены не общим происхождением, а видом, содержанием, географической принадлежностью и другими признаками архивных документов.

Попондовая классификация в познавательном смысле открывает возможности ее детализации по уровням управления и хозяйствования фондообразователей (рангам фондообразователей). В зависимости от времени их деятельности количество таких уровней бывает разным, но в принципе типичным можно считать четырехуровневую классификацию в пределах определенных систем документирования: фонды фондообразователей высшего и центрального звена

управления, фонды фондообразователей регионального (губернского, республиканского, краевого, областного) звена управления, фонды местного (уездного, районного, муниципального) звена управления, фонды хозяйствующих субъектов и личные архивные фонды.

Но и это еще не предел пофондовой классификации. Она открывает возможности распределения фондов в зависимости от сфер деятельности их фондообразователей. В этом случае мы можем говорить, например, о фондах фондообразователей культуры, спорта, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства и др. Следующая ниже таблица дает наглядное представление о пофондовой классификации архивных документов и соответственно документальной исторической памяти.

*Попондовая классификация архивных документов
(документальной исторической памяти)*

<i>Типология фондов</i>	<i>Уровень (ранг) фонда</i>	<i>Профиль фонда</i>	<i>Сводная типология фондов</i>
По уровням управления и хозяйствования фондообразователей	Фонды высшего и центрального звеньев управления и хозяйствования	Промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, спорта, здравоохранения и др.	Фонды высшего, центрального, регионального, местного звеньев управления и хозяйствования, личные фонды
	Фонды регионального управления и хозяйствования	То же	
	Фонды местного управления и хозяйствования	То же	Фонды разных профилей деятельности фондообразователей
	Личные фонды общегосударственного, регионального и местного значения	Государственных и общественных деятелей, писателей, ученых и др.	

По сферам деятельности фондообразователей		Фонды организаций промышленного профиля Фонды организаций сельскохозяйственного профиля Фонды организаций здравоохранения Фонды организаций образования Фонды организаций культуры Фонды организаций науки Другие фонды разных профилей деятельности организаций Личные фонды фондообразователей разных профессий	
---	--	--	--

Попондовая классификация документальной памяти для архивоведения и архивного дела является фундаментальной основой ее упорядочения. И в теоретическом плане, и в практическом отношении эта классификация фиксирует сложившиеся исторически сегменты документальной памяти, демонстрируя их неизменчивость и недоступность для какого-либо вмешательства.

Функциональная классификация архивных документов (документальной исторической памяти). Как уже не раз говорилось выше, каждому документу присуща определенная целевая заданность. В соответствии с этими задачами выделяются функции документов. В литературе нет единого понимания и классификации функций документов. Не уг-

лубляясь в разбор разных точек зрения по этому вопросу, скажем только, что спектр всех мнений сосредоточен между широким теоретическим их толкованием и сугубо детальным прагматическим пониманием. В первом случае при таком подходе к классификации функций неизбежно стирается грань между документом и другими материальными носителями информации, во втором при детализации функций утрачиваются связи между определенными группами документов, реализующими одинаковые функции.

Рассматривая архивный документ как в прошлом оперативный регулятор процессов жизнедеятельности государства, общества, человека, мы можем выделить его несколько основополагающих функций: директивную, организационную, коммуникационную, информационную, учетно-отчетную, репродуктивную, персонифицированную, регулятивно-специальную, творческую.

Функциональная заданность документа определяет его тип.

Директивный тип документа содержит властные, обязательные для исполнения в определенных объеме и порядке структурированные сообщения, а также нормы их исполнения. К директивному типу документов относятся, например, законы, постановления, решения, приказы. В советское время в условиях функционирования централизованного государственного механизма существовал, например, такой тип директивного документа как постановления Политбюро ЦК ВКП (б) – КПСС.

Организационный тип документа включает структурированные сообщения, определяющие процедуры, последовательность, ответственность исполнения директивного типа документов. К данному типу документов принадлежат, например, планы, протоколы заседаний и совещаний.

Коммуникативный тип документа содержит структурированные сообщения, оперативно регулирующие процессы организации исполнения задач, поставленных в директив-

ных и организационных типах документов, решение вопросов, возникающих в процессе совместной деятельности юридических лиц, а также во взаимоотношениях между юридическими и физическими лицами. К коммуникативному типу документов относится, например, переписка.

Информационный тип документа состоит из структурированных сообщений, которые фиксируют, а иногда и анализируют состояние выполнения задач директивных и организационных документов в определенный момент их решения, а также в процессе взаимодействия юридических и физических лиц. К информационному типу документов можно, например, отнести справки, докладные записки, сводки, анализы состояния чего-либо.

Учетно-отчетный тип документа включает структурированные сообщения, отражающие результаты решения задач, поставленных в директивных и организационных документах в целом или за определенный временной период. К учетно-отчетному типу документов помимо, например, традиционных отчетов о деятельности, можно отнести статистические документы.

Репродуктивный тип документа содержит структурированные сообщения, которые отражают внешнее состояние решаемой задачи, какого-либо факта, события, явления, процесса, физического, природного объекта. Репродуктивный тип документа представлен, например фоно- видеозаписями, фотографиями, описаниями путешествий и т.д.

Персонифицированный тип документа состоит из структурированных сообщений, фиксирующих состояние и пребывание человека в качестве официального субъекта, взаимодействующего с официальным юридическим лицом. Персонифицированным типом документа являются, например, персональная анкета, послужной список, паспорт, другие личные документы.

Регулятивно-специальный тип документа включает структурированные сообщения, обеспечивающие достижение

специальных, сугубо специфических задач человеческой жизнедеятельности. К регулятивно-специальному типу документа относятся, например, карты, правила, инструкции, научно-техническая, технологическая документация.

Творческий тип документа содержит структурированные сообщения, отражающие личные творческие устремления человека и их результаты, предназначенные для публичного и непубличного обращения. Творческий тип документа, представлен, например, художественными произведениями, научными исследованиями, рукописями о жизни человека, увиденном и пережитом им (личные дневники, мемуары, письма человека).

Функциональная классификация документов сакрального происхождения была впервые предложена К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в их описании русских и славянских рукописей библиотеки графа Ф. А. Толстова². После этого классификация документов сакрального происхождения не раз уточнялась. Мы в настоящей книге придержи-

² *Калайдович. К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825. В классе сакральных документов они выделили подкласс документов Верознания, куда отнесли группы: Священное Писание (Библия, Псалтирь, Евангелие, Апостол, Псалмы), Толкование Священного Писания (труды Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского и др.), Богословие догматическое (сочинения Иоанна Дамаскина, Кирилла Иерусалимского, Симеона Полоцкого и др.), Богословие полемическое или состязательное (сочинения Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Стефана Яворского, Дмитрия Ростовского и др.), Богословие проповедное (сочинения Иоанна Златоуста, Анастасия Синаита, Андрея Критского, Григория Богослова и др.), Богословие созерцательное (сочинения Аввы Дорофея, Антиоха Черноризца, Ефрема Сирина и др.), Богословие историческое (Патерики, Четьи-Минеи, жития святых и др.), книги служебные церковного круга (Псалтирь, Часослов, Триоди, Минеи, Требник, Паремейник, Молитвенники, Месхиесловы, Стихирари, Октоихи и др.), Нравоучения (Диоптра, Тропник, Дисидерий и др.) (с. XI–XXX).

живаемся классификации А. В. Горского и К. И. Невоструева³. Они выделяли: *тип документов Книг Священного писания* (Евангелия, Апостолы и др.), *тип документов Толкований Священного писания* (писания святых отцов, писания догматические, писания духовно-нравственные и др.), *тип богослужебных документов* (служебники, требники, октоихи, минеи и др.), *тип церковно-исторических документов* (патерики, прологи, четьи-миней и др.).

Любое основное структурированное сообщение документа претендует на особость. Однотипный характер таких структурированных сообщений, связанный с однотипностью разрешения различных ситуаций человеческой жизнедеятельности, рано или поздно вызывает необходимость их обобщенной персонификации, когда выполняемая документом функция из единичной перерастает в массовую, общераспространенную. Обобщающее обозначение распространенной и специальной, не совпадающей с другими, функции документа и образует его особый *вид*. И как только этот вид конституируется традицией или специальным нормативом, он уже сам становится регулятором включения в себя определенной информации и ее особой упорядоченности внутри себя особым документом как его определенным видом. Таким образом, вид документа, говоря словами О. М. Медушевской, «возникает... не в силу подражания, а в силу более глубоких структурообразующих закономерностей»⁴.

Вид документа как и его название может изменяться динамичнее в сравнении с характером подразумеваемой им информации в ее основных структурированных сообщениях. «Мемории» XVIII в. и современные протоколы заседаний и совещаний, церковноприходские метрические книги

³ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 1–3. М., 1855–1917.

⁴ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 88.

и современные акты записи гражданского состояния, «формуляр» дореволюционного чиновника и «анкета» современного государственного и муниципального служащего и т.д., если исходить из их функциональной заданности, — документы одного порядка со сходным составом основных структурированных сообщений, хотя и с разными названиями.

Вид документа — один из его важнейших признаков, определяющих характер его информации, ее структурированные сообщения, заданность, правоспособность, адресность. Он — один из наиболее динамичных и оперативно реагирующих на исторические события, явления и процессы показателей документирования человеческой жизнедеятельности. Политические и административные преобразования Петра I способствовали возникновению в России целого блока новых видов документов, прямо заимствованных из западно-европейской практики документирования, либо приспособленных к российским условиям. Революционные события 1917 г. привели к ликвидации многих существовавших на то время видов и разновидностей документов, например, связанных с регулированием сословного устройства страны. Они, например, ввели в России характерный для Французской революции нормативно-распорядительный вид документа — декрет. Такой новый вид документа этого времени как мандат представлял собой соединение функции удостоверения личности и норматива приказного характера. Грандиозные идеи социалистического преобразования и коммунистического строительства породили такие новые виды документов, как пятилетние планы развития народного хозяйства, генеральные планы развития его отдельных отраслей, регионов. Современное официальное документирование демонстрирует нам такие интегрированные в глобальные международные процессы документирования виды документов как «концепция» (например, национальной или

информационной безопасности), «стратегия» (например, внешней политики России).

Важно отметить, что развитие носителей информации и технических средств ее фиксации со временем создавало условия и для возникновения новых видов документов. Фотография как вид документа, непосредственно фиксирующая мгновение происходящего, равно как и аудио, видео, кино записи, обладающие теми же свойствами, но обеспечивающие фиксацию не статики, а динамики происходящего, стали важнейшими «производителями» и новых видов документов.

В каких-то своих параметрах они совпадали с традиционными, но в еще большей степени если и не противоречили им, то их дополняли. Письменный протокол заседания, совещания уже не способен конкурировать с их аудио, видеофиксацией, сегодня являющейся общераспространенной и элементарной, например, при государственной закупке товаров и услуг. При этом в последнем случае важно подчеркнуть, что речь идет о нормативном требовании подобной формы документирования.

Разумеется, наша классификация типов и видов документов носит в известной мере условный характер. Вне всякого сомнения она устанавливает реально существующие три класса документов. Безусловно, она достаточно адекватно отражает основные типы документов, существующие внутри каждого класса. Что же касается видового состава каждого типа документов, то здесь мы обнаруживаем наличие целого ряда «переходных» или присущих нескольким типам и даже классам документов их видов.

Рассмотренные особенности функциональной классификации документов покажем в табличной форме.

**Функциональная классификация архивных документов
(документальной исторической памяти)**

<i>Классы документов</i>	<i>Типы документов</i>	<i>Виды документов</i>
Документы официального происхождения	Директивные	Законы, приказы, распоряжения и др.
	Организационные	Планы, протоколы и др.
	Коммуникативные	Переписка, записи телефонных переговоров и др.
	Информационные	Справки, докладные записки и др.
	Учетно-отчетные	Отчеты, статистические документы и др.
	Репродуктивные	Описания путешествий, визуальные документы и др.
	Персонифицированные	Анкеты, послужные списки, личные документы и др.
	Регулятивно-специальные	Карты, правила, инструкции и др.
Документы неофициального происхождения	Творческие	Литературные, научные произведения. мемуары, дневники и др.

Сакральные документы	Книги Священного Писания	Евангелия, Апостолы и др.
	Толкования Священного Писания	Писания Святых Отцов, догматические, духовно-нравственные писания и др.
	Богослужебные	Служебники, требники, октоихи и др.
	Церковно-исторические	Патерики, прологи, четьи-минеи и др.

Познавательная (прикладная) классификация архивных документов (документальной исторической памяти). И. Д. Ковальченко скептически относился к возможности создания общей классификации исторических источников на основе их «содержания», признавая справедливо такую возможность в «конкретно-исторических работах». И. Д. Ковальченко писал: «Поскольку содержание источников в плане отражения ими объективной действительности чрезвычайно многообразно и одни и те же виды источников и даже отдельные источники содержат информацию о самых разнообразных сторонах этой действительности, постольку дать классификацию источников по содержанию, идя от самих источников, не представляется возможным. Но такая классификация может быть проведена на основе выделения исследователем тех или иных сторон и черт исторической действительности. Подобная классификация будет представ-

лать группировку типов и видов источников по степени их ценности для изучения интересующих исследователя явлений исторической действительности»⁵.

Все рассмотренные классификации по своему интересны и применимы в зависимости от проблематики исследований. Наше понимание документального исторического источника как документального свидетельства, выступающего в виде свидетельства-факта, свидетельства-события, свидетельства-явления и свидетельства-процесса, предполагает иную классификацию документальной исторической памяти. Она основывается на объективно присущих связях между определенными документальными комплексами, на наличии между ними последовательных соединений, начало которых связано с разработкой и фиксацией некоего властного решения, когда речь идет об архивных документах официального происхождения, или некоего целеполагания, когда речь идет о документальных источниках личного происхождения, а конец — с фиксацией результатов и последствий этого решения в реальной жизни.

Познавательная классификация учитывает степень ценности архивных документов при их использовании в рамках конкретной исследовательской темы. Однако на первое место она ставит такое распределение, которое позволяет установить развитие факта, события, явления, процесса прошлого.

Познавательная классификация архивных документов всегда носит выборочный характер, поскольку изначально настроена на упорядочение документальных исторических источников в рамках конкретного исследовательского проекта. Она имеет часто определяющее значение при подготовке тематической документальной публикации. И это есть ничто иное как, говоря словами И. Д. Коваль-

⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 125.

ченко, отражение в такой формальной классификации документальных источников исторического факта в «системе» и «взаимодействии» с другими фактами⁶. Как представляется автору книги, «взаимодействие» таких фактов наиболее последовательно отражается в определенных документальных «цепочках» — системах и подсистемах документирования, зафиксировавших некие действия. В принципе любая из таких цепочек состоит из четырех звеньев или «гнезд» документов, отразивших такие действия: инициация и разработка решения — принятие решения — организация реализации решения — результаты и последствия реализации решения.

В классе архивных документов официального происхождения, особенно когда речь идет о документации XVIII—XXI вв., можно выделить шесть больших подклассов документов, часть которых выше мы отнесли к типам документов: 1) подкласс документов директивного характера, решающих и ставящих стратегические, политические задачи регулируемого объекта; 2) подкласс документов исполнительных решений директивных документов с выработанными механизмами их исполнения; 3) подкласс документов, отражающих организацию реализации исполнительных решений; 4) подкласс документов, фиксирующих результаты и последствия реализации директив и исполнительных решений; 5) специальная документация, определяющая технологические процессы реализации директивных решений; 6) подкласс документов, характеризующих организацию деятельности юридических лиц, участвующих в процессе реализации директивного решения.

Каждый из этих подклассов документальных исторических источников в свою очередь состоит из нескольких групп. Например, основополагающие документы подклассов документов «директивной инстанции» и организацион-

⁶ Там же. С. 132.

но-распорядительных документов при их подготовке, как правило, сопровождалось значительными комплексами документов обслуживающего, вспомогательного характера — справками, объяснительными записками, заключениями ведомств и различных специалистов, а также уже готовыми проектами решений. Поэтому подкласс документальных источников директивного характера включает: а) подготовительные документы (справки, аналитические записки, доклады, стенограммы, протоколы заседаний, проекты решений и т.д.), отражающие инициацию, ход подготовки и обсуждения директивных решений; б) законы и другие нормативно-правовые акты; в) концепции; г) прогнозы; д) собственно директивные решения, оформленные в принятом порядке.

Подкласс документов исполнительных решений директивных документов, как правило, состоит из документов разного уровня происхождения: а) подготовительные документы (стенограммы, протоколы заседаний, варианты работки исполнения директивных решений, пояснительные записки, расчеты и т.д.); б) программы; в) собственно исполнительные решения в виде постановлений, распоряжений, приказов, правил, инструкций, планов и т.д.

Подкласс документов, отражающих организацию реализации исполнительных решений, особенно разнообразен. В него входят: а) отдельные виды и разновидности документов, характерные для первого и второго подклассов документов официального происхождения; б) различного рода балансы, лимиты, ордера, ведомости, графики, журналы, методики; в) договоры, контракты, заключения, лицензии; г) задания, заказы, заявки, заявления, иски, нормативы; д) переписка; е) поручения, предписания, представления. Число групп, видов и разновидностей этого подкласса документов официального происхождения можно было бы продолжить, в чем по большому счету нет необходимости — сошлемся на соответствующие справочники и указатели к ним.

Подкласс документов, фиксирующих результаты и последствия реализации директивных решений включает: а) различного рода отчеты и докладные, пояснительные записки к ним; б) специальные тематические доклады; в) оперативные донесения, рапорты и информации; г) обзоры, описания, переписи, сведения, сводки, таблицы; д) статистические документы и т.д.

Подкласс специальной документации, определяющий технологические процессы реализации директивных решений, включает целые системы и подсистемы специальных документов, в том числе: а) картографическую документацию; б) геологическую документацию; в) метеорологическую документацию; г) чертежи и др.

Подкласс документов, характеризующих организацию деятельности юридических лиц, участвующих в процессе реализации директивных решений, включает: а) положения (уставы) об их деятельности; б) кадровую документацию (личные дела, приказы по личному составу и др.); в) бухгалтерскую документацию; г) учетно-отчетную документацию и др.

Класс документов неофициального происхождения в принципе может также в отдельных своих частях фиксировать инициацию решения, его разработку и принятие, организацию реализации, результаты и последствия реализации решения, например, в дневниках и мемуарах одного или нескольких лиц. Однако в первую очередь этот класс документальной исторической памяти важен отражением в нем человеческих судеб. Его составляют подклассы биографических документов, творческих документов и подготовительных материалов к ним, имущественно-хозяйственных документов, коммуникативных документов, коллекционных документов, официальных документов.

Подкласс биографических документов (анкеты, свидетельства, автобиографии и др.) показывают жизненные пути людей, их учебу, работу, перемещения по службе, родст-

венные и семейные связи, роль в общественной и политической жизни.

Подкласс творческих документов и подготовительных материалов к ним (рукописи научных, литературных и др. работ, мемуары, дневники) раскрывает творческую деятельность людей, их вклад в разные сферы человеческой жизнедеятельности, особенности творческой лаборатории.

Подкласс имущественно-хозяйственных документов (завещания, ведомости доходов и расходов, счета и др.) отражает имущественное положение людей, их хозяйственную деятельность, бытовые и материальные условия жизни.

Подкласс коммуникативных документов (переписка, извещения, приглашения и др.) фиксирует творческие, общественные, родственные связи людей, их личные, семейные и творческие планы, случившиеся в жизни события.

Подкласс коллекционных документов (конверты, марки и др.) отражает личные увлечения людей в собирании определенных видов документов, в том числе по истории собственных родов.

Подкласс официальных документов, как правило, связан с участием в их подготовке создателей архивных фондов личного происхождения и включает в основном их копии.

Покажем возможности познавательной классификации всего на одном примере. В истории документа в нашей стране был период, когда важнейшие и фактически нормативно-правовые акты принимались и функционировали вне публичной сферы, в закрытом режиме. Это прежде всего преимущественно непубличные постановления руководящих структур РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, являвшиеся обязательными для исполнения партийными организациями, государственными структурами и членами партии.

Постановления, как политические и нормативные документы, содержали решения долгосрочного стратегического значения и многочисленные решения оперативно-организационного характера, конкретизирующие стратегические

решения, подчас уточняющие и даже поправляющие их. Примером стратегического решения можно считать постановление Пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. относительно руководства партии социалистов-революционеров: «Предрешить вопрос о предании суду Верховного Трибунала ЦК партии с.-р.»⁷. Все остальные решения высших органов РКП(б), других партийных, а также советских и государственных органов по существу представляли собой своего рода организационно-техническое сопровождение обеспечения достижения этого стратегического решения с оперативной реакцией на возникающие конкретные проблемные ситуации. Другим примером таких стратегических решений является постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», определявшее комплекс мер по высылке, расселению кулацких семейств, конфискации и распоряжению их имуществом. Последовавшие после этого другие многочисленные решения Политбюро по этому вопросу вносили в него не только серьезные коррективы, но и представляли собой подчас детальные не только инструктивные, но и прямые организационные вмешательства в ход дел на местах⁸. Примечательно, что такие вмешательства оперативно-организационного характера стали оформляться со временем не только соответствующими решениями и постановлениями высших органов партии, но и директивами в виде, например, шифротелеграмм лидеров партии.

Постановления Политбюро и Секретариата, содержавшие стратегические и оперативно-организационные решения высшего уровня, рождали своеобразные «пучки» документов организационно-распорядительного характера.

⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922г.). Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 147.

⁸ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930. Кн. 1. М., 2005. С. 70–76.

Эти «пучки» представляли собой ничто иное как подкласс организационно-распорядительной документации, представляющий собой взаимосвязанный комплекс документов, прежде всего в виде решений коллегиальных органов, приказов, инструкций, директивных писем, протоколов внутриведомственных и межведомственных совещаний и заседаний, докладов, докладных записок, сводок, информационно-аналитических обзоров. Так, например, серия январских 1930 г. решений Политбюро ЦК ВКП(б) породила постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» и «О воспреещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества»⁹. Эти же партийные решения послужили основанием для издания Приказа ОГПУ №44/21 «О ликвидации кулака как класса»¹⁰. Соответствующие приказы, продублировавшие и конкретизировавшие приказ ОГПУ, были изданы полномочными представительствами (ПП) ОГПУ в регионах. Этими приказами в аппаратах ПП ОГПУ создавались оперативные тройки, оперативные группы в округах и областях и районные оперативные группы для непосредственного руководства выселением.

Приказом ОГПУ №44/21 предусматривалось составление «табелей донесений» — своего рода отчетно-информационных документов, предусматривавших среди количественных показателей «основные (краткие) данные о ходе операции, политсостоянии районов», особо — «об эксцессах, выступлениях, противодействиях, активных действиях банд, контрреволюционных организаций и принятых мерах»¹¹, а также других документов отчетного и статисти-

⁹ Там же. С. 50-51.

¹⁰ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2008. С. 90–104.

¹¹ Там же. С. 103.

ческого характера. Примером такого рода отчетно-информационного документа является докладная записка председателя ГПУ УССР В.А. Балицкого председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому, заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде, начальнику СОУ ОГПУ Е.Г. Евдокимову от 12 июля 1931 г. об итогах выселения кулаков из УССР¹².

В ноябре – декабре 1932 г. Политбюро трижды рассматривало вопрос «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов», результатом чего стало соответствующее постановление. Уже 27 декабря в развитие этого постановления ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу СССР и обязательной прописке паспортов». Оно вызвало к жизни серию приказов союзных и республиканских ведомств, в том числе, например, приказ ОГПУ № 009 от 5 января 1933г. о чекистских мероприятиях по введению паспортной системы в СССР¹³, подготовку аналитико-информационных докладов разного уровня, циркуляры и приказы, представляющие собой оперативный отклик на складывающуюся ситуацию по паспортизации и выселению¹⁴.

В нашей познавательной классификации документальной исторической памяти класс сакральных документов представляет интерес, во-первых, как носитель свидетельств о развитии письменности и языка и, во-вторых, как отражение становления развития религиозного сознания с его специфическими отношениями к миру, человеку и Богу. Эта особая сфера познания, основанная на вере и внечеловеческом авторитете. Она требует специальных знаний в классификации ее источников на основе познавательного подхода, а потому исключается из нашего исследования, ограничи-

¹² Там же. С. 108-114.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 150-172.

ваясь результатами функциональной классификации документов данного класса.

Как видим, познавательная классификация документальных исторических источников существенно не отличается от функциональной классификации документов, предложенной нами выше. Однако она в познавательных целях позволяет установить динамику изучаемого вопроса.

Универсальная классификация архивных документов (документальной исторической памяти). Такая классификация не просто объединяет классификации, рассмотренные выше. Она придает цельность и демонстрирует особость частей документальной исторической памяти.

*Универсальная классификация архивных документов
(документальной исторической памяти)*

<i>Основания классификации документов</i>	<i>Типология документов</i>		
По сферам их обращения	Официальный	Неофициальный	Сакральный
По организации хранения	Фонд/коллекция	Фонд/коллекция	Коллекция
По уровням управления и хозяйствования («рангам») фондообразователей	Высших и центральным органам управления и хозяйствования	Общероссийских деятелей	Нет
	Региональных органов управления и хозяйствования	Региональных деятелей	Нет

	Местных органов управления и хозяйствования	Местных деятелей	Территории бытования
По сферам деятельности фондообразователей	Государственное управление	Государственное управление	Нет
	Промышленность	Промышленность	Нет
	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство	Нет
	Здравоохранение	Здравоохранение	Нет
	Наука	Наука	Нет
	Культура	Культура	Нет
	Другие	Другие	Нет
По функциям (типам) документов	Директивные	Нет	Нет
	Организационные	Организационные	Нет
	Коммуникативные	Коммуникативные	Нет
	Информационные	Информационные	Нет
	Учетно-отчетные	Учетно-отчетные	Нет
	Репродуктивные	Репродуктивные	Нет
	Персонифицированные	Персонифицированные	Нет
	Регулятивно-специальные	Регулятивно-специальные	Нет
	Творческие	Творческие	Нет
	Другие	Другие	Нет
По состоянию и развитию факта, события, явления, процесса прошлого			

<i>Инициация действия</i>	Комплексы документов директивного характера		
<i>Реализация действия</i>	Комплексы документов организационного характера	Комплексы документов биографического характера, творческих документов и подготовительных материалов к ним, коммуникативные документы, коллекционные документы, копии официальных документов	Нет
<i>Фиксация результатов и последствий реализации директивных решений</i>	Комплексы документов учетно-отчетного характера, статистические документы		
<i>Специальная документация</i>	Комплексы научно-технических, технологических и других документов	То же	Нет
<i>Документация, характеризующая организацию деятельности юридических лиц, участвующих в процессе реализации директивных решений</i>	Комплексы уставных, организационно-распорядительных, кадровых, бухгалтерских и других документов	Нет	Нет

Предложенная универсальная архивоведческая классификация документальной исторической памяти преследует две цели.

Первая цель носит эвристический характер. Ее достижение демонстрируется на процедуре и последовательности поиска нужной пользователю документальной памяти: сначала по классам документов, потом по входящим в каждый

из трех классов архивным фондам (коллекциям), затем по типам и видам документов и, наконец, по состоянию и развитию факта, события, явления, процесса прошлого.

Вторая цель носит познавательный характер. Ее достижение обеспечивается выявленными документальными цепочками, зафиксировавшими в документальной исторической памяти зарождение, развитие, результаты и последствия случившегося факта, события, явления, процесса, интересующих пользователя.

Таким образом, рассмотренные классификации архивных документов раскрывают нам, во-первых, организацию хранения документальной исторической памяти, во-вторых, ее структуру и, в-третьих, дают возможность адресного поиска в ней нужной пользователю архивной информации. Они являются важным инструментом создания поисковых средств по документальной исторической памяти и в конечном счете обеспечивают эффективность ее актуализации, т.е. использования, о чем пойдет речь в следующих главах.

ГЛАВА 6

АРХИВ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Функциональная универсальность архива. На протяжении XIX в., вплоть до конца 20-х годов XX в., наконец в 70–80-е гг. этого же века, люди, представлявшие профессию историка-архивиста пытались осмыслить и донести до сведения общественности и властных структур понимание того, что такое архивный документ, архив и каково должно быть к ним отношение. В разные периоды нашей истории это удавалось с разным успехом, но сегодня мы можем уверенно сказать, что именно это и составляет основную интригу архивного дела любой страны.

Легко заметить, что результат этих усилий — отношение к архивам — в нашей стране всегда определялся пониманием роли архивного документа в современной жизни. А оно, это понимание, менялось во времени, отражая само время не менее ярко, чем документы, его запечатлевшие. Сегодня и мы вновь стоим перед если не переосмыслением, то уж во всяком случае перед акцентированием отдельных аспектов понимания архивного документа и архива. Собственно говоря, главный по своей злободневности аспект такого понимания и вынесен в название настоящей главы.

Архивы — память народа — этот словесный китч советского архивного дела, тем не менее, имеет глубокую содержательную основу. Это действительно память. Память о великих свершениях и героических делах, служащая делу созидания, нравственного воспитания народа, могущая стать одной из составляющих той национальной идеи, которую так долго и с разным успехом ищет российская душа и российское государство. Память, откровенная в деталях, всеобъемлющая в мелочах, подчас недобрая, а потому зловеще мстительная, грозно сохраняющая те злые семена, которые не раз в нашей истории бросались, выращивались и вновь бросались в народ для вызревания. Архивы являются надежной гарантией того, чтобы память народа оставалась живой и многомерной, свободной от идолов и знающей подлинных героев, не замутненной мифами и просветленной подлинными свершениями. Без такой памяти нет самого государства.

Архивы — фундамент, источниковая база исторической науки — и это словесное клише вполне точно отражает познавательную функцию архивов. Окунаясь в прошлое, как бы материализованное в подлинных документах, исследователь черпает в них не только факты, подчас противоречивые, нередко недостоверные, часто неопределенные, на основе анализа которых он создает частные и общие полотна прошлого, но и ощущает особый аромат ушедшей жизни, дающий ему новые импульсы вдохновения.

Архивы — организации культуры, хранящие культурные ценности и просвещающие народ. С таким пониманием архивов невозможно не согласиться, хотя порой это приходится доказывать, так как, к сожалению, современному обычному человеку всегда понятней такие организации культуры как цирк, планетарий, зоопарк, тем более театр, музей или библиотека — хотя бы потому, что в каждом из таких институций он побывал однажды.

Архивы — это один из инструментов социальной защиты граждан. И с этим определением невозможно не согласиться-

ся, если вспомнить, что ежегодно они исполняют миллионы т.н. социально-правовых запросов, связанных с трудовыми биографиями и иными интересами людей.

Последние три-четыре десятилетия человеческой истории создали условия для нового понимания архива. Он стал субъектом информационных процессов, частью информационных ресурсов и информационной системой. В таком технократическом понимании архива можно легко увидеть новый вызов времени. Он связан с реальным значением информации в жизни общества и государства. Архивные документы стали информационным продуктом, потребляемым масштабно и активно. В этих условиях со всей остротой встают вопросы о целесообразности, границах, характере контроля за этим информационным ресурсом. Ясно, что такой контроль необходим, хотя бы для того, чтобы не допустить утечки информации о государственной тайне, тайне личной жизни, в интересах безопасности государства и граждан, а также такой концентрации вне пределов России архивной информации, которая могла бы стать критической для ее информационной безопасности. Но также ясно, что современный мир отторгнет любые знаковые для престижа страны ограничения на доступ и использование архивной информации. Разумное, взвешенное разрешение этой проблемы возможно лишь тогда, когда государство будет не только постулировать свои принципы регулирования информационных ресурсов, но и обеспечивать их реализацию финансовыми средствами. Сегодня последнее условие выполняется в экстремально ограниченных объемах, ставя архивистов перед болезненно нелегким выбором между получением дополнительных средств для сохранения архивов и недопущением угроз информационной безопасности конкретному архиву, документальному историческому наследию России.

Наконец, важно подчеркнуть и еще одну функцию архивов. Подобно гимну, гербу, флагу государства, они являются символами государственности. Здесь хранятся не экстре-

менты государственного организма, а его протоплазма, застывшие немим укором и вдохновением его нервы и кровь, слезы и пот. Пусть будет образцом для России то упорство и та настойчивость, с которыми страны Европы добиваются от нас возвращения своих архивов, перемещенных в СССР во время Второй мировой войны. И даже при немыслимом крайнем варианте, которым угрожают России ее недобрые пророки, память о нашем государстве должна сохраниться. Не жалкие останки, доставшиеся современному человечеству от архивов, например, Римской империи, а полноценные архивы, сохраненные поколениями российских архивистов — в этом ответственность нашего современного государства перед будущим человечеством. В нежелании прислушаться к призыву об этой ответственности может скрываться лишь бессилие помочь в разрешении сегодняшних проблем российских архивов.

Место архивов в современном мире определяется ролью, которую играет в нем документ как носитель документальной исторической памяти. Любой архив — это уникальная и универсальная институция.

Обеспечивая использование или организуя использование документальной исторической памяти в научно-исследовательских целях, эта институция имеет признаки научной организации. Пропагандируя историю родного края, общероссийскую историю, архив выступает в качестве культурно-просветительского учреждения. Исполняя социально-правовые запросы граждан, архив является одним из элементов системы социальной защиты в современном российском обществе. Востребованность документальной исторической памяти для решения практических задач модернизации страны, в интересах государственного и корпоративного управления, делает архив самой мощной, надежной, адресной, оперативной и деликатной информационной структурой, являющейся составной частью управленческой деятельности. Аутентичный характер хранящихся в архиве

документов, их неприкосновенность означают, что они носят доказательный характер, превращая архив в правовую структуру. Иначе говоря, через сферу использования архивных документов архив демонстрирует свой универсальный характер, отличный от других институций, существующих в государстве. Эта универсальность находит свое отражение во временной структурной неустойчивости неопределенности положения, например, государственных архивов в системе государственных институтов. В нашей стране архивы находились в ведении Наркомпроса РСФСР, ВЦИК СССР, НКВД СССР, правительства страны, Министерства культуры, а ныне оказались в ведении Администрации Президента Российской Федерации. Аналогичная неопределенная неустойчивость государственных архивов характерна и для других стран. В этой перманентной изменчивости подчиненности мы видим недооценку универсальной природы государственных архивов, которая может быть преодолена самым высоким рангом их подчинения.

Типология архивов. С учетом сказанного выше рассмотрим состояние документа в фазе его покоя, т.е. его вечного архивного хранения. Поскольку в архиве документ, ставший архивным документом, включается в некую совокупность себе подобных, уже переживших все стадии своего бытования, эта некая совокупность как предмет архивоведения представляет и познавательный и практический интерес.

В любом государстве и во все времена архивное дело представляет собой особую сферу человеческой жизнедеятельности. Она связана с сохранением, пополнением и использованием документального наследия. Архивное дело в интересах человека, общества, государства призвано упорядочивать и управлять этим наследием, хранящимся в различных типах и видах архивов. Архивоведение предлагает им свои рекомендации. Они в полной мере относятся и к классификации архивов как одного из элементов их рационального упорядочения и эффективного поиска архивной информации.

Выше, говоря о жизненных циклах документа, мы использовали термин архив в разных его толкованиях. Здесь уточним его понимание. Любой архив – это обособленная, организованная и неорганизованная совокупность документов, утративших и неутративших своего первоначального целевого назначения и хранящихся в специально предназначенном для такого хранения учреждении, имеющем юридическое лицо, или в специальном подразделении юридического лица, а также в комплексе документов, накапливаемых в процессе деятельности физического лица.

В мире и России существовали и существуют не менее семи классов архивов: 1) личные архивы – архивы документов, связанные с личной, общественной, трудовой жизнью человека, семьи, рода; 2) негосударственные корпоративные архивы – архивы негосударственных юридических лиц, в том числе церковные, университетские и др.; 3) государственные корпоративные архивы – архивы государственных (муниципальных) юридических лиц; 4) государственные архивы и архивы органов местного самоуправления; 5) королевские (княжеские) архивы; 6) архивы-библиотеки бывших президентов, 7) рукописные собрания библиотек, музеев, научно-исследовательских учреждений и других институций.

Если говорить о классе документов, связанных с личной, общественной, трудовой жизнью человека, семьи, рода, то форма их бытования – *личный архив* – это совокупность документов, созданных, собранных, сохраненных, организуемых человеком, семьей, родом и распоряжающихся ими по своему усмотрению. В этом случае архив может являться: а) обычной частью движимой собственности, приравненной к мебели, одежде, посуде и т.д.; б) продолжением библиотеки или даже частью каких-то коллекций¹; в) специально организованной самим владельцем самостоятельной совокуп-

¹ Таковыми были, напр., личный архив, рукописное, книжное, нумизматическое, художественное собрания графа А. И. Мусина-Пушкина. См.: Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о пол-

ностью документов². В архивах этого класса можно обнаружить документы личного происхождения, официальные документы в подлинниках или копиях, например, личные документы, документы, связанные со служебной деятельностью человека.

Личный архив имеет несколько разновидностей. Это собственно личный архив — архив одного лица, семейные и родовые архивы — соответственно архивы семей и родов. Родовые архивы, т.е. архивы нескольких поколений людей, связанных родственными связями, создавались на протяжении двух-трех столетий, поэтому большинство дошедших до нашего времени родовых личных архивов относятся к дореволюционному времени. Они в основном связаны с известными дворянскими родами и включают прежде всего документы имущественно-хозяйственного характера.

Этот класс архивов является своеобразной «зоной риска» для жизни документа — тут все для него находится в состоянии неопределенности, все на вполне законных основаниях зависит от собственника и правообладателя, а также от определенных исторических обстоятельств. Перевод такого рода архивов из «зоны риска» в зону более или менее прогнозируемой будущей жизни в государственном, муниципальном или корпоративном архиве является задачей многоплановой и не всегда разрешимой.

В классе личных архивов важную роль играли, особенно в прошлом, личные архивы-коллекции. Они являются определенной компенсацией возможных и случавшихся утрат документов и превентивным способом предотвращения таких утрат. Как вполне отчетливое общественное, научное и куль-

ку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988.

² См., напр., интересное повествование на основе одного из таких архивов (рядового советского служащего А. Я. Бронштейна) в кн.: *Илизаров Б. С. И Слово воскрешает...или «Прецедент Лазаря»*. М.; СПб., 2007. С. 53–87 (глава «Жизнь»).

турное явление в России коллекционирование документов организационно оформилось в XVIII в., отразив общественно-политические процессы и новый уровень духовной жизни страны. В самом деле, на фоне вполне распространенного коллекционирования монет, медалей, хрусталя, природных камней, драгоценностей, иных вполне по-обывательски понятных ценностей собирание документов свидетельствовало, с одной стороны, не только о признании их в качестве неких «раритетов», которыми, наряду с золотыми изделиями, картинами можно было похвастаться перед современниками, но и о стремлении с помощью таких документов изучать прошлое. На рубеже XVIII – начала XIX вв. наиболее масштабно и результативно второй подход к документу в частном коллекционировании был успешно реализован в деятельности графов А. И. Мусина-Пушкина, Н. П. Румянцева, Ф. А. Толстова и их сотрудников. Коллекционные устремления этих людей были направлены на собирание преимущественно рукописных книг древней традиции, включая документы сакрального происхождения в многочисленных списках, и базировались на приобретении таких документов в среде их отдельных владельцев – мещан, купцов, крестьян-старообрядцев, церковнослужителей, а также документов, вращавшихся на антикварно-книжных рынках Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ярославля и др.

В XIX в. социальный состав коллекционеров документов резко расширяется и демократизируется. Наряду с крупными государственными деятелями, например, кн. В. Ф. Одоевским, графами А. С. Уваровым, Н. П. Румянцевым, Ф. А. Толстым, С. С. Ланским, А. С. Норовым, М. А. Оболенским, А. Б. Лобановым-Ростовским коллекционированием документов начали активно заниматься ученые (И. Д. Беляев, Ф. И. Буслаев, В. И. Григорович, Н. М. Карамзин, И. Я. Лукашевич, А. Ф. Малиновский, Н. А. Маркевич, М. П. Погодин, М. П. Полуденский, А. Н. Попов, Н. И. Попов, И. Е. Забелин, Е. Ф. Будде, А. П. Голубцов,

П. И. Севастьянов, Н. С. Тихонравов, В. М. Ундольский и др.), издатели и журналисты (Н. А. Полевой, А. Д. Чертков и др.), представители купеческого сословия (В. Н. Басин, П. Ф. Карабанов, Т. Ф. Большаков, Ф. Ф. Мазурин, Д. В. Пискарев, Г. Д. Юдин, А. И. Хлудов, И. И. Царский, И. А. Вахромеев и др.), средние и мелкие чиновники (П. Я. Актов, Н. П. Дуров, С. В. Ешевский, И. К. Зинченко, Д. В. Разумовский, А. К. Федоров и др.).

Всего от XIX в. до нас дошло в составе государственных архивохранилищ не менее 600 документальных коллекций, в каждой из которых число рукописных единиц составляло от 10 номеров и больше³. В основном это рукописные книги древней традиции (сакральные, нарративные документы и др.). Однако важно отметить, что пусть и редко, но в таких коллекциях встречаются списки документов, носивших либо конфиденциальный характер (например, мемуары Е. Р. Дашковой), либо документы и их копии, которые по цензурным условиям XIX – нач. XX вв. не могли быть публичными (например, сочинения М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Записка о древней и новой России» и «Записка о Польше» Н. М. Карамзина, агитационные сочинения народников и народовольцев и др.).

В XX в. в России сохранилась устойчивая традиция частного коллекционирования документов древнерусской рукописной традиции в среде ученых и педагогов (И. С. Абрамов, И. К. Андронов, Г. М. Залкинд, В. Г. Зыкин, А. В. Кокорев, А. И. Маркушевич, В. Н. Перетц, С. А. Поляков, Н. А. Пущешников, М. Н. Тихомиров, М. И. Успенский и др.). Наряду с ними мы видим представителей крестьянства, в основном старообрядческого (Ф. А. Каликин, А. И. Брысин, М. И. и О. И. Шабловские и др.), инженеров (Н. А. Залес-

³ Здесь и далее приводятся подсчеты, сделанные автором на основе опубликованных справочников.

ский, В. В. Егереv, А. П. Гранков и др.), столяра Н. С. Плотникова, бухгалтера И. А. Смирнова, певчего церковного хора И. Г. Иванова и священника Г. Г. Юдина, торговца времен нэпа М. И. Полякова и т.д.⁴.

Их собирательская деятельность документов древнерусской и славянской рукописной традиции проходила в условиях гонений на церковь. По этой причине, с одной стороны, их коллекционный интерес в значительной степени реализовывался в почти полулегальных условиях, а с другой — он в первую очередь был связан с изъятием церковных ценностей, включая и документы из церковных учреждений в 20-е — 50-е гг. прошлого века. Именно вопреки и благодаря этим двум обстоятельствам значительная часть документального наследия России древней традиции была сохранена, поступив затем на государственное хранение в виде частных собраний.

От XX в. таких частных собраний, поступивших на государственное хранение, сегодня насчитывается не менее 200 с числом единиц хранения не менее 10 номеров в каждой.

Применительно к XX в., да и к XIX в., термин «коллекционирование» вряд ли можно считать полностью корректным. Более адекватным является термин «собирательство». Коллекционирование — это все же прежде всего собирание редкого, раритетного, имеющего вполне реальную стоимость. В XX в. этот термин более правомочно применять в отношении таких документов как грампластинки, марки, почтовые конверты, открытки. Собирательство — это нацеленность не только на редкость, раритетность, но прежде всего на сбор всего, что может послужить приращению нового знания о прошлом и, как правило, в его документальной составляющей не имеющей отношения к официальному документированию.

⁴ См., напр.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. М.; Л., 1965.

Советская власть с большим подозрением относилась к антикварно-книжному рынку, где волею судеб вращались и документы. Его корпоративность всегда и везде затрудняет контроль над финансовыми потоками. Но для советской власти главной угрозой было не это. Важно было сохранить идеологический контроль над рукописным антикварным рынком, не допустить обращения на нем идеологически опасных документов. Поэтому их обращение здесь проходило нелегально. Одним из выдающихся людей среди них был И. С. Зильберштейн⁵.

Интересы Зильберштейна в основном были связаны с собиранием документов по истории российской культуры, искусства в первую очередь, и рассматривались им в качестве своеобразного дополнения к его другим коллекциям, прежде всего живописи. К тому же, благодаря своему авторитету, энергии и предприимчивости Зильберштейну удалось в рамках, строго ограниченных официальной идеологией и политикой, получить поддержку советской власти, что дало ему возможности сравнительно беспрепятственных контактов в среде российской эмиграции и получения скромных финансовых ресурсов на приобретение различных документов по истории российской культуры.

Однако уже в начале XX в. в России возникла мощная традиция собирания документов политического характера — первоначально по истории революционно-освободительного движения, а затем, после 1917 г. — по истории второй российской Смуты, а потом по истории СССР вообще.

Начало этой традиции было связано с именем В. Л. Бурцева, собравшего богатейший документальный комплекс, который он широко привлек для публикации в специальном историко-документальном журнале «Былое». В основе его собрания лежали документы личного происхождения —

⁵ Подробнее см.: *Козлов В. П.* Рефлекс цели // И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету: к 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 13–25.

письма, дневники, мемуары, а также копии документов из архивов специальных служб Российской империи⁶.

Традицию Бурцева подхватил и поднял на необычайную высоту Б. И. Николаевский. Оставаясь с 1922 г. и вплоть до смерти в 1966 г. за границей, Николаевский всю свою жизнь собирал документы по истории СССР, которые он широко использовал в своих многочисленных исторических сочинениях. Свыше восьмисот коробок оригиналов и копий архивных документов, собранных Николаевским, ныне хранятся в Гуверовском институте в США⁷.

В этой же связи нельзя не упомянуть роль Д. Б. Рязанова, как директора Института Маркса и Энгельса, в собирании в России и за рубежом документов по истории революционного движения, несмотря на то, что оно происходило в рамках официальных, государственных проектов⁸.

С конца 20-х по начало 50-х гг. собирание документов политического характера, связанных с именами лиц, подвергшихся репрессиям, в СССР означало немалый риск для собирателей. Смелостью было даже их сохранение в семьях правообладателей. Однако приблизительно с середины 50-х годов намечается определенный перелом. Именно к этому времени, например, относится создание историко-художественной летописи ГУЛАГа Евфросинией Керсновской, чьи мемуары-рисунки были продублированы и рассредоточены у нескольких лиц для обеспечения гарантированной сохранности⁹.

⁶ Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

⁷ Крылов В. В. Его страстью был архивизм (о Б. И. Николаевском) // Россия в США: Сборник статей. М., 2001. С. 269-289; Ахметова Ф. Д. «Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой». Николаевский Борис Иванович (1887–1966). Уфа, 2003.

⁸ Подробнее см.: Д. Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000.

⁹ Керсновская Евфросиния. Сколько стоит человек. М., 2008. С. 10.

В 60-е годы XX в. частное собирание документов в СССР приобрело новые черты. Они были связаны с развитием диссидентского движения, заявившего о себе многочисленными публицистическими, литературными, историческими и другими сочинениями — т. н. «Самиздат» — и произведениями, публиковавшимися за рубежом, — т. н. «Тамиздат». Их многочисленные, как правило, машинописные списки, расходились по стране, вероятно, в тысячах экземпляров, оседая в основном среди советской интеллигенции. Вероятно, не все, но многие из их представителей, опасаясь неприятностей, после прочтения такие документы уничтожали. Имена тех, кто не только читал, но и целенаправленно собирал документы «Самиздата» и «Тамиздата», автору не известны.

Однако люди, не боявшиеся этого делать, в СССР были. А. И. Солженицын оказался, вероятно, первым среди них. Готовя свое монументальное историко-документальное исследование «Архипелаг ГУЛАГ», он собрал огромную коллекцию письменных документов, включая записи устных свидетельств об этом зловещем явлении в истории нашей страны. Это собрание несмотря на неопределенность его дальнейшей судьбы, останется фундаментальным дополнением к официальной документации, отразившей историю ГУЛАГа.

Сохранение гражданами страны своих личных архивов и их последующая передача в официальные архивохранилища есть также ничто иное как собирание документов, ибо в основе этого явления лежит ничто иное как осознание их ценности для чего-то в будущем. Сомнение и стеснительность в представлении о такой ценности не должны быть ни у кого. Путеводитель по Народному архиву, созданному благодаря энтузиазму его многолетнего директора Б. С. Илизарова, и комплектовавшемуся на добровольной основе поступлениями в этот архив документов граждан СССР и России, показывает, что сохранение документов личного характера

и личного происхождения в советской России и СССР оставалось тоненьким, но все же ручейком давней традиции¹⁰.

Справочник «Личные архивные фонды в архивохранилищах СССР»¹¹, другие архивные справочники показывают, что процесс сбережения личных архивов граждан нашей страны оставался и остается вполне реальным, и, если и не носит массового характера, то все же сохраняет свое значение в сбережении документальной исторической памяти о жизни и деятельности тысяч людей.

Корпоративные архивы негосударственных юридических лиц, входя в состав принадлежащей им собственности, как и личные архивы, разнообразны по организации сохранения и использования хранящихся в них документов и характеру их содержания. Корпоративные предпринимательские и подобные им архивы, где документ рассматривается лишь как оперативный, либо отработавший свою задачу инструмент бизнеса, отличаются, например, от архивов общественных объединений, также являющихся одним из видов корпоративных архивов.

В мире не существует общепринятых принципов, правил и норм организации, сохранения и публичного использования негосударственных корпоративных архивов. Например, известно, что в США архив династии Рокфеллеров без каких-либо последствий был подвергнут его владельцами сознательным и масштабным чисткам¹². В современных российских условиях существование таких архивов в соответствии с архивным законодательством не является обязательным, а всего лишь желательным. Разумеется, реальная действительность, жизнь, работа понуждают создавать кор-

¹⁰ Центр документации «Народный архив». Справочник по фондам. М., 1998.

¹¹ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. I. М., 1962; Т. II. М., 1963; Т. III. М., 1980.

¹² Фурсенко А. А. Архив Рокфеллеров // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976. С. 324–325.

поративные архивы, но подчеркнем, их создание не является, согласно российскому законодательству, обязательным. Из этой нормы российского архивного законодательства вытекают и последствия, связанные с сохранением документа, создаваемого в процессе деятельности негосударственной корпоративной организации. Лишь за небольшими исключениями обязательного сохранения некоторых видов документов, которые регулируются специальным законодательством, такой архив может быть ликвидирован или запрещен к публичному использованию, подвергнуться любым деформационным воздействиям, включая нарушение неприкосновенности документов в стадии их покоя. «Зона риска» для документа в такого рода случаях ничуть не меньше, чем в ситуации с личными архивами. Более того, она много больше по своим последствиям для граждан страны, для государства, поскольку затрагивает интересы не отдельных людей, а их целых сообществ.

В Республике Беларусь, наоборот, за корпоративными архивами негосударственных юридических лиц архивное законодательство предусматривает жесткий контроль со стороны государства.

В развитых странах корпоративные архивы негосударственных юридических лиц часто самоорганизуются, объединяясь для более экономного существования по родам деятельности, общественным интересам, политическим пристрастиям. Это своего рода объединенные ведомственные архивы, когда-то успешно действовавшие в СССР и ликвидированные в ходе административных преобразований новейшего времени.

Корпоративные архивы государственных (муниципальных) юридических лиц — это так называемые ведомственные архивы¹³. Как правило, архивное законодательство любой

¹³ В России издан единственный путеводитель по ведомственным архивам: Путеводитель по фондам Архива внешней политики России.

страны мира распространяется на их деятельность в полном объеме. Оно же во всех странах предусматривает после истечения определенных сроков хранения документов в ведомственных архивах передачу их в государственные или муниципальные архивы.

Статус негосударственных и государственных корпоративных архивов (самостоятельное или несамостоятельное юридическое лицо) в современном мире всегда связан с разными конкретными обстоятельствами, в том числе с исторически сложившимися традициями организации архивного дела в той или иной стране, и в принципе не подчиняется какой-либо закономерности. Существует, пожалуй, одна устоявшаяся тенденция, связанная с тем, что корпоративные архивы государственных силовых структур по преимуществу являются юридически самостоятельными лицами, в том числе и в Российской Федерации. Другие корпоративные архивы, как правило, являются структурными подразделениями негосударственных и государственных юридических лиц.

Государственные и муниципальные архивы в любой стране являются ядром национальной архивной службы. Именно здесь в конце концов (иногда через столетия) концентрируются официальные документы государственных и муниципальных юридических лиц, а также по взаимной договоренности личные архивы физических лиц и негосударственные корпоративные архивы. В отличие от корпоративных архивов и архивов муниципальных образований, статус которых бывает также разнообразен, государственные архивы, в основном, имеют статус юридического лица и являются самостоятельными объектами и субъектами хозяйствования. Система государственных архивов в любой стране, как правило, приспособлена к ее административно-территори-

Ч. 1–5. М., 1988–1992 (издание на микрофишах); Архив внешней политики Российской империи: Путеводитель. Minneapolis, 1996.

альному делению. Следует отметить, что в последнее время в ряде стран на общегосударственном уровне происходит объединение национальных библиотек и национальных архивов, например, в Канаде и Иране. Время должно показать целесообразность такого объединения с последствиями его прежде всего для национальных архивов.

Королевские (княжеские) архивы и архивы-библиотеки бывших президентов государств представляют собой некий гибрид государственного и личного, семейного, родового архивов. В мире их организация отличается большим разнообразием и, также как корпоративные архивы, связана с традициями. Такие архивы могут наряду с документами личного происхождения вполне законно хранить документы официального происхождения, связанные с государственной деятельностью первого лица государства, не говоря уже о специально изготовленных копиях таких документов. Их статус как особого государственного символа формально и не формально чрезвычайно высок. Доступ к таким архивам и использование их документов, как правило, регулируется не нормами общенационального архивного законодательства, а специальными нормативными актами.

Рукописные отделы библиотек, музеев, научно-исследовательских учреждений, общественных организаций и других институций, как правило, специализируются на хранении документов негосударственного происхождения, а также документов, так или иначе связанных с основным профилем деятельности таких институций. В России первое такое хранилище возникло в начале XIX в. в императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. С самого начала оно специализировалось на концентрации личных архивных фондов, документальных коллекций, рукописей древней традиции. Возникший затем Румянцевский музей положил начало Отделу рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации, в советские времена пополнявшийся не только личными фондами, рукописями древней

традиции, но и фондами общественных организаций, а также церковными и поместно-вотчинными архивами. Еще в дореволюционной России в ряде научно-исследовательских учреждений Академии наук возникли рукописные подразделения, специализировавшиеся на хранении личных фондов ученых и документов, соответствовавших профилю научных исследований таких организаций. Ныне они составляют целую систему научно-отраслевых и мемориальных хранилищ РАН¹⁴.

Рукописные отделы являются важным звеном в сохранении документальной исторической памяти любой страны. В них концентрируются преимущественно документы негосударственного происхождения и тем самым формируются документальные массивы особой части документальной исторической памяти, связанной с жизнедеятельностью человека и общественных объединений.

Продолжая типологию архивов, можно выделить среди них два типа — архивы комплектуемые и некомплектуемые, обычно называемые историческими. *Комплектуемые архивы* постоянно пополняют состав своих фондов и/или состав документов фондов. *Исторические архивы* в определенные моменты национальной истории прекратили пополнение состава своих фондов и состава документов фондов, ограничиваясь лишь случайными поступлениями, в том числе копий архивных документов, относящихся к профилю исторического архива, например, поступающих из-за рубежа. Наличие исторических архивов в той или иной стране сигнализирует о крутых переломах в ее истории, прежде всего революциях и войнах, в результате которых ломались прежние системы государственного устройства и ликвидировались фондообразователи архивных фондов, либо страна утрачивала свою независимость.

¹⁴ См., напр.: Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979.

И, наоборот, страны, не переживавшие в своей истории катаклизмов, как правило, не имеют специальных исторических архивов.

Ряд стран, переживших период колониализма, например, Китай, Вьетнам, имеют даже свои системы исторических архивов. В России и на постсоветском пространстве также существуют исторические архивы. Российский государственный архив древних актов хранит документы Московского царства и часть документов Российской империи по XVIII в. включительно¹⁵. Российский государственный исторический архив стал плодом октябрьских событий 1917 г., сконцентрировав документы высшего и центрального уровней управления Российской империи XIX — нач. XX в.¹⁶. Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории¹⁷, ряд архивов субъектов федерации, созданные после событий 1991 г. на базе документов органов, учреждений и организаций КПСС, также стали архивами историческими в связи с ликвидацией КПСС¹⁸.

В зависимости от профиля архива, т.е. общетематической и видовой заданности хранящихся в нем документов, выделяют два вида архивов — архивы универсальные и специализированные.

Универсальные, т.е. многопрофильные, архивы хранят архивные документы на любых носителях с политематической информацией.

Специализированные архивы хранят документы на определенных носителях или с информацией определенной тема-

¹⁵ Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997. С. 146–151.

¹⁶ Там же. С. 152–157.

¹⁷ Там же. С. 196–208.

¹⁸ Государственные хранилища документов бывшего Архивного фонда КПСС. Справочник. Новосибирск, 1998.

тической заданности. В зависимости от носителей информации документов в мире и России существуют разнообразные подвиды архивов: киновидеофотоархивы (например, Российский государственный архив кинофотодокументов)¹⁹, аудиоархивы (например, Российский государственный архив фонодокументов)²⁰, электронные и др. архивы. В соответствии с тематической заданностью информации архивных документов создаются экономические (например, Российский государственный архив экономики)²¹, литературы и искусства (например, Российский государственный архив литературы и искусства²²), научно-технические (например, Российский государственный архив научно-технической документации²³), геологические, метеорологические, академические, университетские, картографические и др. архивы.

В России исторически сложились все перечисленные выше виды и разновидности архивов. Большинство архивов субъектов федерации — многопрофильные, в ряде субъектов федерации имеются электронные, научно-технические архивы, архивы литературы и искусства, кинофотоархивы, архивы бывшей КПСС, служб безопасности и т.д.

Таким образом, названные классы, типы, виды и разновидности архивов представляют собой некие разнообразные по своему статусу, уровню, организации деятельности структуры, функциональное назначение которых связано с сохранением и использованием определенных частей документальной исторической памяти. Их типологию можно представить в следующем виде.

¹⁹ Архивы России... С. 190—195, 259—261 и др.

²⁰ Там же. С. 187—189.

²¹ Там же. С. 168—171.

²² Там же. С. 172—175.

²³ Там же. С. 180—186.

Типология архивов

Классы архивов	Типы архивов	Виды архивов	Разновидности архивов
Личные архивы	Комплектуемые Некомплектуемые	Персональные Семейные Родовые	Писателей Историков Инженеров Художников Другие
Негосударственные корпоративные архивы	Комплектуемые Некомплектуемые	Специализированные Специализированные	Промышленные Здравоохранения Сельского хозяйства Другие
Государственные (ведомственные) корпоративные архивы	Комплектуемые	Специализированные	Военные Служб охраны и порядка Налоговые Финансовые Другие.
Корпоративные архивы государственных (муниципальных) юридических лиц	Комплектуемые	Специализированные	Строительные Образовательные Коммунального хозяйства Другие
Государственные архивы и архивы органов местного самоуправления	Комплектуемые Некомплектуемые	Многопрофильные Специализированные	Федеральные Субъектов федерации Муниципальные
Королевские (княжеские) архивы, архивы-библиотеки бывших президентов государств	Комплектуемые	Многопрофильные	Нет
Рукописные собрания библиотек, научно-исследовательских и других организаций	Комплектуемые Некомплектуемые	Многопрофильные Специализированные	Библиотечные Музейные Научные Университетские Другие

Система архивов любой страны отражает ее государственное устройство, социально-экономический уклад и особенности национальной истории. В целом в мире существует трехзвенная система государственных и муниципальных архивов — общегосударственный (национальный, федеральный) архив нередко с его филиалами в региональных административно-территориальных единицах (провинциях, штатах, областях и др.) — государственный архив административно-территориальной единицы — муниципальный архив. Другие классы, типы и виды архивов в разных странах имеют свои особенности.

Каждый архив является органической составной частью общего документального исторического наследия страны, храня разные по объемам и характеру документальной информации архивные документы, своеобразные «архивные кирпичики», из которых и складывается здание национальной документальной исторической памяти. В. Н. Автократов на основании этого выявил даже одну из закономерностей архивоведения, связанную с «распределением» архивной информации в соответствии «с принятой структурой» ее хранения²⁴.

Любой архив представляет собой ограниченную и органичную совокупность архивных документов. Она может расширяться в объеме, но всегда будет находиться в пределах той сферы, которая определяется *профилем архива*. Это значит, например, что в корпоративном архиве нефтяной компании никогда не появятся фонды организаций культуры, в некомплектующемся государственном архиве — фонды действующих учреждений и организаций и т.д., хотя пересекающиеся документальные комплексы разных по своему профилю архивов в реальной жизни имеются. Часть из них возникает исключительно по субъективным причинам,

²⁴ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 78.

не имея никакого научного архивоведческого смысла. Например, трехчастная раздробленность архивных документов высшего звена руководства КПСС – Политбюро (Секретариата) ЦК КПСС – в современной России почти два десятилетия являлась отражением случайных обстоятельств и теперь постепенно замещается двухчастной. Другая часть связана с недостаточной архивоведческой проработкой логического разделения пересекающихся зон комплектования архивов разных профилей.

В любом случае, говоря об архиве как предмете архивоведения, следует иметь в виду, что понятие его профиля является одним из определяющих. Этот системообразующий признак архивоведческого знания вносит организующее начало в прикладное архивоведение – архивное дело. Профиль архива есть ничто иное как его модель, включающая такие его признаки как принадлежность архива к определенному классу, типу, виду и подвиду. Профиль архива определяет сущностной, предметный, видовой и материальный (в смысле носителей информации документов) его креатив, его специфическое, особое и всегда индивидуальное положение среди других архивов. Профиль архива не только индивидуализирует, но персонализирует его, выступая одним из самых общих поисковых признаков архивных документов и архивной документной информации.

Основные элементы информационной системы архива. Несмотря на сложившееся в мире многообразие архивов любой из их классов, типов, видов, разновидностей имеет общие фундаментальные основания и представляет собой информационную систему, состоящую из различных уровней информационных подсистем.

Верхний уровень информационной системы архива представлен всей совокупностью его фондов и коллекций. Средний уровень информационной системы – это фонд или коллекция как совокупность дел, информация которых или сами они как физические сущности связаны меж-

ду собой историческими и/или логическими связями, либо каким-то признаком формирования коллекции. Нижний уровень информационной системы представлен единицей хранения, объединяющей документы по какому-либо из общих признаков их информации. И, наконец, сам архивный документ, как самодостаточный элемент информационной системы.

Совокупность архивных фондов и коллекций архива является результатом действий по реализации его модели, в основе которой, как уже говорилось выше, лежит его профиль. С одной стороны, профиль архива — понятие материальное, предметное, находящееся в постоянном изменении из-за простого приращения числа фондов комплектующегося архива и документов его фондов, либо в состоянии, исключающем какую-либо изменчивость. Поскольку такое приращение в идеале и в нормальной жизни должно происходить и происходит не одномоментно, а во времени, это значит, что профиль архива — понятие не только физическое и предметное, но и историческое. С другой стороны, это понятие и информационное, имеющее отношение к любому архиву, хранящему хотя бы больше чем один архивный фонд, поскольку в процессе реализации модели архива на основе его профиля происходит накопление документной информации.

На совокупности архивных фондов и коллекций архива как части его информационной системы мы и остановимся ниже.

Прежде всего отметим, что профиль архива определяет взаимодополняемость информации его архивных фондов и коллекций. Она проявляется: а) между архивными фондами вышестоящих фондообразователей и архивными фондами подчиненных им фондообразователей; б) между архивными фондами однотипных фондообразователей разной территориальной принадлежности; в) между архивными фондами разных по характеру деятельности фондообразователей,

связанных одной сферой или одним предметом деятельности постоянно, регулярно или одномоментно; г) между архивными фондами фондообразователей – юридических лиц и архивными фондами личного происхождения, а также архивными коллекциями; д) между архивными фондами личного происхождения фондообразователей – современников и фондообразователей последующего времени, изучавших их жизнь и деятельность.

Такие же связи архив обеспечивает между архивными фондами ликвидированных фондообразователей и архивными фондами фондообразователей, занявших сферу их деятельности, ответственности, разумеется, если они сохраняют свою актуальность для человеческой жизнедеятельности.

Наличие совокупности архивных фондов и межфондовых связей между их документами, которые обеспечивает архив, делает его своеобразным накопителем архивных документов и документальной исторической памяти со строго заданными хронологическими, географическими, тематическими, видовыми и другими параметрами.

К сожалению, практика не всегда соответствует этому теоретическому посылу. Например, современный Государственный архив Российской Федерации²⁵ представляет собой искусственное формирование комплекса архивных фондов, вырванных по политическим соображениям из фондов императорской России (например, Министерства внутренних дел), ныне сосредоточенных в РГИА, фондов высших органов власти и государственного управления СССР и РСФСР и комплектуемых фондов высших органов государственной власти и государственного управления Российской Федерации. Этот конгломерат архивных фондов высшего уровня происхождения, нарушивший профиль комплектования и модель нескольких других федеральных

²⁵ Архивы России. С. 137–145.

архивов, останется неудачным памятником советского и российского архивного дела. В самом деле, если это главный государственный архив новой России — Российской Федерации — то причем здесь архивные фонды императорской России и фонды, как и императорская Россия, ушедшей в прошлое РСФСР? Если же в таком конгломерате заложена идея преемственности российской государственности, то почему к нему не добавлены принципиально важные для понимания такой преемственности фонды РГАДА и РГИА, а заодно и РГАЭ?

Ответы на эти вопросы очевидны и предполагают в соответствии с архивоведческой теорией о профиле и модели архива уточнение профиля ГАРФ, к чему, разумеется, Россия сегодня не готова. К сожалению, такое решение и в будущем будет затруднено, учитывая те затраты, которые уже были сделаны на создание общего по фондам этого архива научно-справочного аппарата.

Таким образом, первый, высший, уровень модели архива, связанный с профилированием состава его фондов, свидетельствует о несовершенстве и ошибках его построения в реальной жизни прошлой и современной России. Корень этих ошибок в современной России — в недооценке архивного документа, в механическом приравнивании его к движимому имуществу и в стремлении разграничить право собственности на него, а, точнее, на некий комплекс документов, в который он входит. Это механическое отношение к документу легко исправить законодательными нормами, которые могли бы показать, что официальный документ — это не лес, не вода, не другие природные богатства страны, не книга, автор которой имеет особые права на нее, а некое особое общественное достояние, подлежащее особому регулированию. И в его основе должен находиться не принцип собственности на архивные документы, а принципы сохранения, доступности и эффективного поиска и использования документальной исторической памяти.

Тем не менее мы все же должны констатировать, что модели большинства архивов России в своей информационной составляющей за небольшим исключением являются больше естественными, нежели искусственными. Их построение, несмотря на многочисленные субъективные факторы, все же опирается пусть на отдельные, но существующие и даже в ряде случаев едва ли не общепринятые подходы.

Теперь от уровня совокупности архивных фондов, определяющих модель архива на основе его профиля, перейдем к рассмотрению его важнейшего системообразующего признака – архивного фонда. Архивный фонд – одно из ключевых понятий архивоведения, прямо связанных с организацией хранения, учета, поиска и использования архивных документов. Некая множественность архивных документов, объединенная в дела, соединяется в нем в конкретную совокупность дел, связанных общностью своего происхождения от одного конкретного фондообразователя – юридического или физического лица, а также в ряде случаев историческими и логическими связями между несколькими юридическими или физическими лицами.

Архивный фонд является результатом выявленной В. Н. Автократовым «первой закономерности архивоведения», смысл которой в том, что «всякая организованная деятельность общественной системы типа «учреждение», сопровождающаяся документированием, вызывает образование генетически единого фонда документной информации, отражающего содержание и структуру /его, т.е. «учреждения» – В. К./ деятельности»²⁶. В.Н. Автократов, на наш взгляд, проявил излишнюю осторожность в характеристике этой закономерности, распространив ее, как можно понять, лишь на документы официального происхождения. Между тем, жизнедеятельность любого человека по крайней мере в наше время обнаруживает такую же закономерность. Кро-

²⁶ Автократов В. Н. Теоретические проблемы. С. 77.

ме того, принципиально важно говорить не о едином фонде «документной информации», а о документах фонда как о физической и информационной единой сущности, что имеет принципиально важное значение в прикладном архивоведении.

Архивный фонд в архиве выступает как физическая сущность, требующая физического размещения, соблюдения определенных параметров безопасности и т.д., т.е. всего того, что необходимо для сохранения документа, о чем говорилось выше. Однако в данном случае нам важно подчеркнуть, что архивный фонд представляет собой логически упорядоченную совокупность дел, между которыми также существуют информационные связи. Они проявляют себя во времени деятельности (жизни) фондообразователя, в пространстве его деятельности, в предметности и структуре его деятельности, в видах документов, создаваемых им.

Иначе говоря, в архивном фонде связи между входящими в его состав делами могут быть организованы в соответствии с хронологией деятельности фондообразователя, по географии его деятельности, в соответствии с его организационной структурой, на основе предметов ведения, сфер ответственности или избранных сфер деятельности фондообразователя, по видам документов, создаваемых фондообразователем. Нетрудно заметить, что основания таких связей повторяют принципы организации документов в дела и также как там могут представлять их различные комбинации. Эти основания и их комбинации определяют структуру архивного фонда и его материальную и информационную модель как концентрированных в нем по тем или иным признакам совокупностей архивных документов.

Архивный фонд является целостной и самостоятельной информационной системой. В нем документ обретает естественно сложившиеся в процессе своего оперативного бытования или логически определенные связи с другими документами — сначала на уровне дела, затем совокупности дел

и, наконец, в пределах фонда. Такие связи являются информационными и первичными по своему существу, определяя их вторичное физическое объединение. Деятельность фондообразователя объединяет все такие связи. Подобно тому как профиль архива является системообразующим признаком в архивоведении и организующим признаком в архивном деле, понятие фондообразователя выступает таким же системообразующим признаком в архивоведении и организующим признаком в его прикладной составляющей — архивном деле. Фондообразователь объединяет теоретически и практически в целостную и самостоятельную информационную систему созданные и сконцентрированные в процессе его деятельности архивные документы архивного фонда. Например, Н. Д. Чечулин, работая над своей книгой «Города Московского государства в XVI в.», обнаружил, что рукопись писцовых книг Елифанского и Веневского уездов 1571–1572 гг. хранилась не среди «городовых» книг, как другие аналогичные писцовые книги, а в фонде Разрядного приказа, курировавшего службу бояр и чинов «государева двора». Это дало ему возможность высказать мысль об особом, «государевом», статусе этих двух городов в XVI в.²⁷

Для определенных видов архивных документов с неясным происхождением, сложным и запутанным бытованием, особо важным мемориальным значением, объединяемых в коллекции, принципами организации их связей являются хронологический, географический, номинативный или тематический. На основе хронологического принципа организованы связи между архивными документами в «Древлехранилище» РГАДА²⁸. Ряд собраний древнерусских рукописей Пушкинского дома организован на основе географического принципа их бытования до поступления в архив, например,

²⁷ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1898. С. 262.

²⁸ Шумилов В. Н. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971.

«Карельское», «Керженское», «Мезенское», «Печерское», «Пинежское» и др.

Введенное В. Н. Автократовым понятие «ранга» фондообразователя²⁹ является удачным признаком, указывающим на степень кумулятивности, т.е. воздействия на регулируемые объекты созданных и отложившихся в процессе деятельности фондообразователя документов, их составе и разнообразии, представленных в архивном фонде. Однако само по себе это понятие мало что дает без уточняющих его признаков. Но как только мы начнем формулировать эти признаки они неизбежно в своей глубинной основе заставляют выстраивать не только иерархию документов и существующих между ними связей, но и иерархию ценности документальных свидетельств, что в принципе нельзя считать допустимым. Например, в соответствии с такой иерархией фондообразователь — законодательный орган — получит, вне всякого сомнения, высший ранг. Но это ни в коей мере не говорит о том, что принятый им закон отражает в большей степени историческую действительность, чем письмо рядового человека о действии этого закона в повседневности. Вероятно, все же единственным, хотя и формальным признаком ранга фондообразователя является ежегодный объем документов, остающихся после экспертизы ценности, а также их видовое разнообразие. Они показывают степень реальной вовлеченности фондообразователя в решение проблем современности, даже если эти проблемы узко специализированы.

На наш взгляд, в современных условиях не следует абсолютизировать архивный фонд как один из системообразующих признаков архива, в первую очередь когда речь идет об организации хранения комплексов специальной документации. С позиций классического архивоведения, где принцип происхождения является первенствующим, очень трудно его реализовать в случаях когда, например, для определен-

²⁹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы. С. 115.

ных типов специальной документации организация документов по географическому, хронологическому, тематическому, объектному и другим признакам является не только уже состоявшейся реальностью, но и более эффективна при поиске и предметном изучении, а современные информационные технологии способны восстановить не только естественные, но и скрытые связи между документами, в том числе в рамках их общих фондообразователей. В этом смысле автор разделяет точку зрения В. Н. Автократова об особенностях формирования в архиве отдельных документальных комплексов, хотя и не видит необходимости формирования в связи с этим «архивоведческих субдисциплин»³⁰.

Нижний уровень информационной системы архива — архивное дело — позволяет выйти на системообразующий элемент любого архива — архивный документ. Архивный документ как объект архивоведения является своеобразным геном для архивоведения, конструируя все процессы, связанные с функционированием предмета архивоведения — архива. Он является результатом селекции, объектом сохранения и поиска. Ради всего этого и существует архив.

Архивная среда бытования архивного документа в фазе покоя и фазе его публичного состояния. Одним из важных достижений советского архивоведения являлось сформулированное В. Н. Автократовым понятие «архивной информационной среды» как «системы, состоящей из двух подсистем: совокупности документной ретроспективной информации и приданных ей поисковых средств»³¹. Теоретические идеи В. Н. Автократова формировались под сильным воздействием разработок в области теории информации. Этим и объясняется то, что ни документ, ни архивный документ в его теории архивоведения не присутствуют не только в объекте, но и в предмете архивоведения. А раз нет документа как фи-

³⁰ Там же. С. 74–75.

³¹ Там же. С. 68.

зической, материальной сущности, то нет и архива как институции, обеспечивающей сохранение документа.

Поэтому мы вынуждены констатировать расхождение логики наших рассуждений с логикой В. Н. Автократова и в соответствии с этим попытаться дать свое видение важного состояния документа в фазе покоя в архиве. Выше мы убедились в том, что архивный документ может находиться в разных типах архивов и проявлять себя на разных уровнях информационных подсистем таких архивов: в деле — вполне предметно, в фонде и коллекции — через совокупность дел, в архиве — через совокупность фондов. Поэтому вопрос о том, существуют ли некий общий знаменатель, некие общие параметры и принципы, присущие жизни документа при его попадании в любой архив, и ответ на него являются принципиально важными.

Понятие *архивная среда бытования архивного документа*, на наш взгляд, и является таким общим знаменателем. Однако в нашем понимании архивная среда бытования архивного документа — это совокупность параметров среды его нахождения, обеспечивающих его заданное сохранение и учет, средства его эффективного поиска и публичного, основанного на законе, здравом смысле и общепринятых нравственных нормах, использования.

Эту среду составляют несколько элементов. Во-первых, архивная среда бытования документа характеризуется вполне реальными физическими показателями: воздух, влажность, освещенность, условия размещения на полке и т.д. Во-вторых, несмотря на то или иное состояние архивного документа он принципиально может иметь с другими документами архивной среды его бытования функциональные, исторические и логические связи. В этих условиях при любом варианте возникает необходимость по крайней мере закрепления его стратиграфии среди других документов архивной среды бытования. В-третьих, в архиве архивный документ оказывается среди миллионной и даже миллиардной

совокупности других архивных документов, причем, такая совокупность может быть уже упорядоченной или еще не организованной, либо организованной не полностью, что соответственно отражается и на состоянии архивного документа как уже идентифицированного или еще не идентифицированного в системах его учета и эффективного поиска.

Рассмотрим подробнее каждый из трех названных параметров архивной среды бытования документа.

Физическая упорядоченность документа связана с тем, что он представляет собой неразрывное целое информации и ее физического носителя, включая способ закрепления на нем информации. Учитывая физический признак документа следует отметить, что для архивной среды бытования архивного документа важно видеть в нем прежде всего материальный объект. Как материальный объект документ и сохраняется. В качестве такового документ в первую очередь требует размещения, поддержания своего физического состояния с помощью специальных технических средств, обеспечивающих его сохранность, хранение, перемещение.

Понятно, почему. Во-первых, в качестве материального объекта архивный документ постоянно испытывает на себе воздействие фактора времени и фактора архивной физической среды своего бытования. Это воздействие связано с угрозой негативных изменений в его физическом состоянии, иногда создающими условия для его утраты, а иногда и приводящих к такой утрате. Во-вторых, находясь в архивной среде своего бытования, архивный документ как материальный объект не утрачивает свойства движения. Такое движение создает дополнительные угрозы его физическому состоянию и даже утраты. Архивная среда бытования архивного документа среди прочего призвана нейтрализовать или парировать эти угрозы, опираясь на разработки естественных и технических наук и развивающиеся технологии хранения, реставрации и учета. При этом она опирается на два собственно архивоведческих требования.

Первое исходит из необходимости минимально возможного числа раз обращения к подлиннику архивного документа, максимального ограничения его движения в архивной среде бытования, что обеспечивается копированием документа и передачей копии в специальный фонд пользования архива, который и используется в повседневной работе, в том числе пользователями в читальном зале. Второе требование предполагает для гарантированного сохранения информации архивных документов создавать их копии для включения в страховой фонд, хранящийся в удаленном от архива месте с соблюдением общепринятых параметров хранения копий. Копии фонда пользования и страхового фонда, не заменяя подлинного архивного документа, являются его почти аутентичными представителями. Оба фонда открывают возможности частичной нейтрализации угрозы утраты или ухудшения физического состояния оригинала архивного документа, обеспечивая последнему почти абсолютный покой, а в случае непредвиденной утраты – гарантию сохранения его информации.

Теперь важно представить процессы, связанные с состоянием архивного документа в архивной среде применительно ко второй части его составляющей – информации. Это более сложное явление в сравнении с физическим параметрами состояния архивного документа.

Архивная среда бытования архивного документа в его информационной составляющей прежде всего требует преодоления неопределенности его существования среди других документов. Она обеспечивается логической упорядоченностью архивного документа. Это предполагает, во-первых, обязательную идентификацию каждого документа среди других документов дела (единицы хранения), фонда, архива. Иначе говоря, речь идет о его описании – указании на вид, авторство, дату создания, основное содержание и т.д. Во-вторых, это требует определения связи и взаимосвязи конкретного архивного документа с другими документами

архивной среды его бытования — внутри существовавших документальных систем, а также в пределах исторически и логически сложившихся документальных комплексов — дела, фонда, коллекции, архивных фондов, других архивов. Для документов официального происхождения такие связи и взаимосвязи, складывающиеся в основном в делопроизводстве, как правило, являются неприкосновенными, хотя и не исключают их модернизации даже в архивной среде бытования архивного документа. Для документов личного происхождения такие связи выявляются в процессе обработки на основе достаточно отработанных и общепринятых схем их упорядочения.

Эти связи устанавливаются с помощью одного или нескольких признаков документа.

Признак первый — вид документа. В соответствии с ним связь между документами определенного комплекса устанавливается на основе общности их вида. Для документов официального происхождения это означает формирование общности документов по т.н. *номинативному признаку*, например, приказы — в одно дело, письма — в другое, планы — в третье, отчеты — в четвертое и т.д. Для документов личного происхождения номинативный признак определения связей документов означает их объединение по формам выражения духовной жизни человека — творческие произведения, письма, дневники и т.д. Для документов сакрального происхождения таким объединяющим признаком также является их вид.

Номинативно-хронологический и номинативно-тематический признаки организации информационных связей между документами являются более совершенными нежели признак чисто номинативный. Первый из них дает возможность в архивных документах закрепить динамику развития документального факта, события, явления, процесса в определенных видах документов. Второй открывает возможности отразить в определенных видах документов некую общую предметность их структурированных сообщений.

Тематический признак организации связей между архивными документами предполагает концентрацию их разных видов и разновидностей в пределах определенного предмета деятельности фондообразователя. Дополненный хронологическим и номинативным признаками организации документов — по дате их создания или по их видам — он позволяет проследить развитие факта, события, явления, процесса во времени и в неопределенной множественности видов документов.

Тематический, тематико-хронологический и тематико-номинативный признаки организации связей между архивными документами присущи прежде всего документам официального происхождения. Функциональная предметность деятельности их фондообразователей позволяет отражать ее через тематические подборки документов, формируемые в дела. Для документов личного происхождения тематический, тематико-хронологический и тематико-номинативный признаки организации связей применимы при создании коллекций архивных документов, формируемых не на основе целостных личных фондов, а на их «следах». Например, коллекция документов личного происхождения о Великой Отечественной войне в архиве может быть представлена делами «Письма времен войны», «Дневники времен войны», «Воспоминания о войне».

Тематический, тематико-хронологический и тематико-номинативный признаки организации связей между архивными документами обеспечивают не только максимально предметную концентрацию информации в деле, но и ее эффективный адресный поиск.

Все названные выше принципы организации связей между архивными документами в пределах дела основаны на логических построениях, изначально, т.е. в процессе бытования документа в качестве оперативного регулятора современности, применяемых в делопроизводстве при формировании дел в соответствии с номенклатурой дел каждого конкретного

юридического лица, либо в архиве при научно-технической обработке документов, например, личного происхождения. Каждый из них, все они в совокупности или в различных комбинациях представляют собой ничто иное как некую модель организации архивных документов в пределах их ограниченной определенными признаками совокупности — модель дела. Эти же логические основания лежат в основе организации связей между делами, входящими в состав архивного фонда.

Учетная упорядоченность архивного документа в архивной среде его бытования. Архивный документ является не только физическим объектом, но и материальной ценностью. В мире не существует общепринятых критериев определения материальной ценности, т.е. стоимости документа. В принципе стоимость архивного документа связана со временем его создания — чем он древнее, тем он дороже, т.е. чем он дольше сохраняется, тем больше он стоит, хотя бы учитывая затраты на его сохранение.

На стоимость архивного документа оказывает воздействие фактор его распространенности: тиражированный документ всегда ниже по стоимости, нежели документ, существующий в единственном экземпляре. Разумеется, важным показателем стоимости архивного документа является наличие в нем автографа исторически значимого лица, драгоценных металлов и камней, художественное оформление. При определении стоимости конкретного документа, учитывается и значимость его информации — вещь субъективная, но с помощью специальных общепринятых критериев относительно определяемая.

Все эти и множество других факторов и определяют стоимость архивного документа. Она наиболее адекватно проявляет себя, когда документ попадает в сферу купли-продажи и прежде всего на официальных торгах, например, аукционах. Именно рыночная цена и определяет стоимость архивного документа, которая в принципе со временем не уменьшается, а увеличивается относительно и абсолютно.

Как носитель частички документальной исторической памяти и материальный объект, имеющий определенную стоимость, документ в архивной среде его бытования прежде всего по этим причинам является объектом учета и требует учетной упорядоченности. Практика, нормативные требования предусматривают две формы такого учета: статичный и динамичный.

Статичный учет архивного документа фиксирует его логически или исторически сложившееся положение относительно других документов дела, в фонде, архиве, а также его физическое состояние. Он реализуется в основных и вспомогательных учетных документах архива, прежде всего в описях дел фондов. Особенностью статичного учета архивного документа является не только его собственно учетная функция, но и функция надежного поискового средства

Статичный учет фиксирует положение архивного документа в фазе его покоя. Как и архивный документ, в этой фазе статичный учет неизменен, неразрывно связан с самим документом и может быть лишь продублирован системами учета с использованием современных информационных технологий.

Динамичный учет архивного документа связан, как уже говорилось выше, с присущим документу или его копии в фонде пользования свойством движения в архивной среде его бытования и вне ее (временно в сторонние организации вне архива). Динамичный учет призван фиксировать нахождение архивного документа в каждой из точек его движения, изменяющих его местонахождение, и персональную ответственность лиц, связанных с перемещением документа, а также хронику такого перемещения. Динамичный учет архивного документа в современных условиях наиболее восприимчив к внедрению современных информационных технологий.

Учет учета архивного документа в архивной среде его бытования диктуется прагматическими соображениями,

связанными, с одной стороны, с материальной стоимостью документа, а с другой — немыслимым для какой-либо иной сферы человеческой жизнедеятельности по своим объемам объектом учета. В последнем случае с архивными документами по объему можно сравнить, вероятно, лишь денежные знаки которые, впрочем, являются также ничем иным, как тиражированными документами. Учет учета документа в архивной среде бытования позволяет не только определить его место в больших массивах документов, но и гарантированно предотвратить искажение первичных учетных документов, связанных с наличием архивного документа в архиве. Учет учета документа придает всей системе учета свойства системности, взаимодополняемости и взаимопроверяемости.

Архивный документ в системе вторичной архивной информации архива. Названные выше четыре уровня информационных подсистем архива — архив — архивный фонд — архивное дело — архивный документ, представляют собой ничто иное как четыре элемента системы его первичной архивной информации. Она, отражая состояние покоя архивного документа, в равной мере может быть статичной и неизменной, когда речь идет об исторических (некомплектующихся) архивах и находящейся в постоянном изменении, связанном с пополнением (например, когда речь идет о ведомственных архивах или о комплектующихся архивах). Первичная архивная информация архива и есть частичка документальной исторической памяти.

Система вторичной архивной информации призвана обеспечить эффективный и адресный поиск необходимой пользователю части документальной исторической памяти. Ее создание основывается на аналитико-синтетической переработке первичной архивной информации. Такая система всегда динамична в развитии своих новых подсистем и способов их модернизации. Существовало и существует также несколько уровней подсистем системы вторичной архивной информации архива.

Нижний уровень первой из таких подсистем связан с подокументным описанием документов, входящих в состав некоей совокупности документов — дела, на основе аналитико-синтетической переработки информации каждого документа. Получающийся при этом вторичный информационный продукт носит как учетный, так и поисковый характер, а потому еще не дает больших возможностей для его персонифицированного поиска в большом массиве других документов архива, либо требует значительных финансовых затрат для создания такой персонифицированной подсистемы подокументного поиска и учета, например, каталогов или современных поисковых систем в электронном формате.

Следующий уровень подсистемы системы вторичной архивной информации относится к такой аналитико-синтетической переработке информации нижнего уровня первичной архивной информации, которая обеспечивает фиксацию и поиск дела с исходным, поисковым документом в фонде или коллекции. Эта переработка сопровождается созданием описи дел фонда — как говорилось выше, основным не только поисковым, но и учетным документом архива. Опись фонда как информационный продукт обладает надежными свойствами не только эффективного учета, но и эффективного поиска нужного документа.

Как прежде всего учетный документ, список фондов архива является первым шагом к созданию еще более высокого уровня подсистемы системы вторичной архивной информации архива. На основе аналитико-синтетической переработки описей дел фондов и коллекций архива создается исключительно справочный инструмент по поиску в нем документа — путеводитель по фондам архива. Путеводитель по фондам архива — одно из самых выдающихся достижений прикладного и теоретического архивоведения. Он локализует поиск нужного документа, во-первых, в пределах архива, во-вторых, в пределах конкретного фонда и,

в-третьих, не всегда, но даже на уровне совокупности дел и определенного дела. Подобно ледоколу, раздавливающему ледовую броню и создающему водный путь следующим за ним кораблям, путеводитель по фондам архива взламывает толщу миллионов документов архива и открывает первый, самый приближенный, но и самый верный путь, к поиску конкретного документа и их совокупности. Путеводитель по фондам архива – это не только «архивный ледокол», но и своего рода «архивный маяк», без которого поиск пользователем архива определенного документа становится бессмысленным или превращается в борьбу с бескрайним морем архивных документов с неопределенным результатом.

«Четырехчленка» первичной и «четырёхчленка» вторичной архивной информации в своих основах ориентированы прежде всего на статичные учет и поиск документа. Однако жизнь, все более и более усложняясь, ставила и ставит все чаще и чаще задачу поиска не просто того или иного документа, а некоей заданной, востребованной информации, зафиксированной в совокупности документов архива. В то время, когда появилась такая востребованность, также как в библиотеках и музеях, в архивах стали создаваться различного рода каталоги, распределявшие структурированные сообщения совокупности документов архива по различным предметам и темам. Так возник пятый уровень подсистемы системы вторичной архивной информации, основанный на вторичной тематической упорядоченности первичной информации документов архива.

Такая упорядоченность не только предметно структурирует информацию документов архива. Она открывает большие возможности для точечного и многовекторного поиска нужной информации в ее целых тематических блоках. Однако ручной режим пользования такими каталогами, не говоря уже об идеологизированных схемах классификации в них информации, не всегда обеспечивали эффективный поиск необходимой первичной архивной информации.

Внедрение современных информационных технологий и деидеологизация прикладного и теоретического архивоведения на основе принципа беспристрастия архивоведения в значительной степени обеспечили преодоление этих недостатков. Поиск с их помощью необходимой информации по документам архива быстр и эффективен, а создание посредством их полнотекстовых баз данных исключают любую идеологию, засоряющую поиск, поскольку теперь он основывается исключительно на естественных формальных и предметных признаках структурированных сообщений документов. Вряд ли это можно назвать особым, шестым, уровнем подсистемы системы вторичной архивной информации. Скорее всего это ее технологически модернизированный пятый уровень.

Именно в этом наиболее ярко проявляется динамизм, универсальный характер вторичной документной информации архива. В ней структурированные предметные сообщения документа виртуально и логически раздробляются, чтобы стать частичками некоего целого, важного для пользователя своей тематической, предметной заданностью. Разумеется, при создании таких систем вторичной архивной информации пока есть свои проблемы и трудности, связанные, например, с разработкой тезаурусов, системы ключевых слов, большими трудовыми и финансовыми затратами на их реализацию и т.д.

Автоматизированные системы поиска, включаясь в систему вторичной архивной информации архива, открывают возможности для многочисленных комбинаций структурированных предметных сообщений архивных документов и представляют результаты таких комбинаций, в том числе сформулированных в запросе пользователя.

Функционирование вторичной архивной информации — поразительно важное явление в бытовании архивного документа. Благодаря вторичной информации устанавливаются трудно выявляемые без нее связи и взаимосвязи документов

и их структурированных предметных сообщений, в конечном счете отражающих факт, событие, явление, процесс прошлого.

Вторичная архивная информация и преодоление дискретности документальной исторической памяти. Любой архив представляет собой организованную информационную систему, основанную на определенном сегменте документальной исторической памяти. Сегментированность документальной памяти, иначе говоря, ее дискретность, в своей основе явление объективное и, как показано в начале этой главы, определяется классом, типом, видом, иначе говоря, профилем архива, т.е. его моделью, а она, в свою очередь, создается под воздействием различных факторов, связанных с управлением человеческой жизнедеятельностью.

Для того, чтобы определить состояние и пути преодоления дискретности документальной исторической памяти, нам надо определиться с самим ее понятием. В принципе она характеризует сегментарность организации документальной исторической памяти, т.е. ее разделенность во времени, пространстве и даже в пределах одного архива. Дискретность документальной исторической памяти является следствием воздействия при ее формировании не менее трех факторов. Во-первых, существующая система организации хранения документальной исторической памяти в соответствии с моделями архивов изначально распределяет ее на сегменты. Во-вторых, в истории архивного дела имели место разрывы, насильственные разделения архивных фондов по разным, как правило, субъективным причинам. В-третьих, комплектование негосударственной части документальной исторической памяти может носить вариативный характер, завися от распоряжения фондообразователя или фондодержателя, свободных в своем выборе архивной институции.

Дискретность документальной исторической памяти связана с раздроблением: а) исторически сложившегося и существовавшего профиля архива; б) архивного фонда;

в) архивного дела; г) архивного документа. Каждое такое дробление снижает эвристические возможности и информационный потенциал архива, архивного фонда, архивного дела и архивного документа.

История архивного дела в России знает немало примеров всех четырех видов дискретности документальной исторической памяти, необоснованных объективными обстоятельствами.

Дискретность вида «а» поразила, например, фонды Русского заграничного исторического архива, существовавшего в Праге и переданного в конце 1940-х годов в СССР. Однако впоследствии часть его фондов оказалась в ряде республик бывшего СССР³².

Дискретность вида «б» затронула, например, РГИА в Санкт-Петербурге, когда в 50-е годы прошлого века огромный фонд Департамента полиции был изъят из фонда МВД Российской империи и передан в Москву в ЦГАОР СССР. Ее испытал ряд сибирских архивов, когда, после создания императорской Археографической комиссии, их части были перемещены в Санкт-Петербург и ныне составляют фонды рукописного отдела Санкт-Петербургского Института истории³³. Этот вид дискретности присущ личным архивам, когда их создатели, владельцы и распорядители сознательно разделяли такие архивы по разным хранилищам, руководствуясь самыми разнообразными соображениями.

Дискретность вида «в» особенно характерна для старинных документов и прежде всего рукописей древней традиции, представляющих собой сборники документов. Она, с одной стороны, отразила читательские интересы, игравшие свою роль в формировании сборников-конволютов за счет разрушения первоначальных сборников. С другой сторо-

³² Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999.

³³ Костанов А. И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв. Владивосток, 2007.

ны, к этому толкали исследовательские интересы и интересы коллекционеров, разделявших рукописные сборники по самым разным соображениям. Например, известны случаи такого разделения ряда сборников Иосифо-Волоколамского монастыря, сделанные П. М. Строевым в начале XIX в.³⁴

Дискретность вида «г» — явление редкое и, как правило, объясняемое случайными обстоятельствами.

Архивоведение для преодоления дискретности архивных документов предлагает создание межархивных, межфондовых путеводителей и указателей, баз данных и т.д., а также обычное физическое воссоединение разорванных «цепочек» документов и их комплексов, например, в виде коллекции документов. Так, справочник по фондам Русского заграничного исторического архива смог «соединить» искусственно распыленные по архивохранилищам бывших республик СССР фонды этого архива и, преодолев тем самым их дискретность, фактически реконструировать архив в его первоначальном состоянии. В археографии искусственная и естественная дискретность документа преодолевается документальной публикацией, объединяющей своей моделью документ с другими документами, относящимися к проблематике документальной публикации. В документальном источниковедении учет принципа дискретности позволяет не только нейтрализовать разрывы документов, но и объединять документальные свидетельства разных документов об одном и том же факте, событии, явлении, процессе прошлого.

Преодоление дискретности документа означает преодоление его искусственного разрыва с когда-то единой функциональной «цепочкой» других документов, либо с вполне естественным, независимым от этой «цепочки» возникнове-

³⁴ *Зимин А. А.* Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1977. Вып. 38. С. 15–29.

нием документа. Документоведение призвано максимально нейтрализовать угрозу искусственного разрыва с помощью правил и нормативов. Однако и оно бессильно, когда такой разрыв совершается под воздействием политических решений, общественного давления или иных факторов. Например, письмо А. Н. Шелепина Н. С. Хрущеву об уничтожении учетных дел военнопленных польских офицеров, написанное от руки и в единственном экземпляре, осталось вне официального делопроизводства КГБ СССР. Факт уничтожения этих дел в результате устного согласия Хрущева с предложением Шелепина в настоящее время связан только с этим документом³⁵.

В этой главе мы рассмотрели «жизнь» документа в состоянии покоя в архивной среде его бытования – в качестве физического объекта, носителя первичной документной архивной информации с ее преобразованием во вторичную архивную информацию. Эта «жизнь» документа призвана обеспечить ему комфорт и создает условия для его поиска с целью трансляции его информации для пользователей документальной исторической памяти, о чем и пойдет речь в следующей главе.

³⁵ Россия. XX век. Документы. Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1999. С. 601–603.

ГЛАВА 7

ТРАНСЛЯЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Постоперативная востребованность документальной исторической памяти и ее виды. История архивного дела в России и других странах показывает несколько видов использования архивных документов, утративших свое первоначальное функциональное назначение, т.е. оказавшихся в состоянии покоя и ставших частью документальной исторической памяти. Выше мы не раз говорили о том, что изобретение документа отразило потребности людей в создании наряду с речевым и предметно-визуальным еще одного типа коммуникаций между ними, способного преодолевать пространство и время с большей эффективностью нежели обычная человеческая речь или иные физические способы коммуникации, например, дымовые сигналы. Далее мы говорили о том, что с усложнением человеческого общежития усложнялись типы и виды документов в соответствии с усложнением структурированной информации и способов ее закрепления, изобретением новых носителей информации. Мы также обращали внимание на то, что процесс создания документов все более демократизировался, затрагивая не только круг избранных, но и в конце концов привел к

возникновению общества всеобщего документирования. Но в любом человеческом сообществе на разных этапах его развития и в разных состояниях существует не только документальная форма коммуникаций между людьми, носящая оперативный характер, но и некая востребованность документа уже после утраты им основного целевого назначения или первоначального практического значения. Со временем документ начинает востребоваться уже не только потому, что без него было просто невозможно достижение какой-то поставленной цели, но и в силу того, что он сохраняет свое значение как носитель свидетельств о достижении этой цели.

И российская, и зарубежная художественная литература немало сделала для того, чтобы показать архивный документ как ненужный «хлам», архив — как некий склад бумаг, а архивиста — как несчастливую, озлобленную на весь мир человека — неудачника и пьяницу¹. На самом же деле, как мы могли убедиться из предшествующих глав, документ после утраты своего первоначального целевого назначения и экспертизы ценности, заканчивая одну, начинает другую жизнь в качестве носителя информации о прошлом и как вещественный остаток от этого прошлого. Запросы современности к документальной исторической памяти многообразны, но в принципе их можно свести к нескольким видам востребованностей, отвлекаясь от многочисленных нюансов, не влияющих кардинально на сущность таких востребованностей.

В постоперативной востребованности документальной исторической памяти особенно отчетливо обнаруживается связь прошлого и настоящего, причем, в ряде случаев неизбежная и даже обязательная для разрешения проблем современности.

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 37.

Постоперативная востребованность документальной исторической памяти — одно из ее выдающихся свойств, которое одновременно характеризует и особенность общественной жизни в части, связанной с ее потребностью в информации о прошлом. Эта потребность постоянна, хотя и изменчива во времени. Она имеет как точечный, так и массовый характер. Ее разнообразный спектр отражает нередко общественные интересы ярко и поучительно.

В мире всегда существовали и будут существовать не менее четырех видов востребованности документа после утраты им своего первоначального целевого назначения: постоперативная практическая, постоперативная социальная, постоперативная юридическая, постоперативная историческая и постоперативная политико-идеологическая.

То, что условно можно назвать *постоперативным практическим востребованием* документальной исторической памяти связано с использованием архивного документа, находящегося в фазе покоя, для решения новых практических задач. В рамках того или иного человеческого сообщества такое использование было продемонстрировано очень давно. Например, в Средневековье для правящей элиты важное значение имели документы, связанные с историей родов. Мореплаватели Средневековья пользовались картами и описаниями морей, океанов и земель, созданными в глубокой древности. Современные реставрации и реконструкции памятников недвижимости невозможны без их первичных чертежей. При возобновлении строительства БАМа привлекались документальные наработки российских картографов, проектировщиков и инженеров конца XIX — начала XX в. Для восстановления и модернизации после пожара Останкинской телевизионной башни привлекались ее первичные чертежи и технологическая документация. Иначе говоря, в постоперативной практической востребованности документ, утративший свое первоначальное целевое назначение, используется для решения иных практических задач,

возникающих в процессе человеческой жизнедеятельности часто спустя столетия после его создания.

В современных социально ориентированных обществах социальная защищенность конкретного человека прямо связана с его трудовой биографией, отраженной в разных видах документов. Поэтому *постоперативная социальная востребованность* документальной исторической памяти, т.е. ее использование для удовлетворения широких социальных и моральных запросов человека, особенно в XX в. — веке массовых миграций, войн и связанных с ними плена, массовых политических репрессий, этнических чисток — в наше время остается постоянной и очень высокой².

XX в. оказался для России веком грандиозных потрясений. Революционные события 1917 г. сломали традиционный государственный уклад страны и в конечном итоге привели ее к Гражданской войне. Две мировые войны беспощадными цунами пронесли над Россией, затронув судьбы каждого человека — их реальные последствия сохраняются до сих пор. Репрессии 20—начала 50-х гг. искалечили жизни миллионов людей. Грандиозные проекты социалистического строительства породили мощные миграционные процессы внутри СССР, которые в начале 90-х годов после очередного, в XX столетии, слома государственности, резко обострились и осложнились. Экономические, политические и административные реформы 90-х годов прошлого века привели к возникновению и оформлению новых, часто противоречивых, жизненных и духовных ценностей и реальных жизненных обстоятельств.

Поэтому начиная с 1953 г. и особенно со второй половины 80-х годов интерес к документу в российском обществе стал неотъемлемой составляющей общественной жизни, в связи с политической, моральной и материальной

² Подробнее об этой востребованности см.: Козлов В. П. Бог сохранял. С. 243—245.

реабилитации жертв незаконных репрессий в отношении правящих слоев дореволюционной России, социальных групп (крестьянства, священнослужителей и др.), политических противников большевиков, репрессированных народов, конкретных людей. Созданный в стране соответствующий правовой механизм реабилитации не мог функционировать без привлечения архивных документов. В его архивно-документальном обеспечении приняли участие не только государственные архивы, но и архивы Министерства внутренних дел России, Федеральной службы безопасности России, ряд других ведомственных архивов. Подтверждались факты незаконного т.н. раскулачивания, осуждения по политическим мотивам, репрессии по национальному и религиозному признакам, пребывания в спецпоселениях и т.д. К сожалению, полная статистика работы архивов по этому направлению отсутствует, однако, созданный неправительственной организацией Обществом «Мемориал» банк данных о жертвах репрессий, насчитывающий около 1,5 млн. имен, показывает тот минимальный объем дел, который был представлен архивами в институции, занимающиеся реабилитацией. Только в 2006–2007 гг. федеральные государственных архивы исполнили более 4 тысяч 400 запросов граждан этой категории (в том числе иностранных и лиц без гражданства). В 2006 г. в целях урегулирования условий ознакомления с материалами прекращенных уголовных, административных, фильтрационно-проверочных дел, в том числе в исследовательских целях, Министерством юстиции было зарегистрировано специальное «Положение» о порядке доступа к ним³.

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии для россиян сегодня является не только героической, но и особо святой страницей советской истории, в которой граждане России находят источ-

³ Регистрационный номер 8296.

ник духовных сил для национального возрождения и процветания. Война оказалась Великой не только по величию подвига, совершенного в ней советским народом, и всемирно-историческим последствиям победы над фашизмом. Велики оказались жертвы СССР и противоборствующей стороны.

Документы этого времени последние десятилетия были непосредственно вовлечены в распутывание узлов, доставшихся от времен Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В значительной степени эта работа носила гуманитарный характер и проходила и проходит по нескольким направлениям.

Первое из них связано с выяснением судеб погибших на полях сражений воинов Советской армии. С помощью архивных документов их обстоятельства гибели, места захоронений ныне зафиксированы в издающейся многотомной «Книге Памяти», а также в создаваемом банке данных, доступном в Интернете и содержащем оцифрованные документы на каждого погибшего. Родственники и потомки теперь имеют возможность узнать прижизненную и посмертную судьбу своих близких и предков.

Второе направление распутывания с помощью архивных документов последствий войны связано с обеспечением социальной защиты мирных граждан СССР, насильственно угнанных на территорию Германии и ее сателлитов. Тогда, в 1944–1946 гг., когда невольники третьего рейха проходили после освобождения проверку в фильтрационных лагерях, их судьбы в фашистской неволе, зафиксированные в специальных опросно-проверочных документах, может быть, представляли интерес в первую очередь только для готовившегося Нюрнбергского процесса. Но со второй половины 90-х годов документы об этих судьбах, сохраненные в российских архивах, оказались востребованными и вовсе не ради исторического изучения одного из самых нечеловеческих явлений Второй мировой войны. Преодолевая самую

мрачную страницу своей истории, Германия, а чуть позже Австрия, мужественно согласились выплатить денежные компенсации ныне живущим невольникам фашистских государств. Сегодня эта гуманитарная акция с участием российских архивов завершилась⁴.

Конец войны, особенно войны несправедливой со стороны поверженного врага, всегда сопровождается возмездием, в том числе пленом. На территории СССР, включая Россию, военнопленных оказалось свыше 4 млн. — японцев, немцев, итальянцев, венгров, французов, болгар и т.д. Свой грех служения фашистскому рейху и японскому милитаризму они искупали в течение нескольких лет трудом на территории СССР, чтобы потом в своем подавляющем большинстве вернуться на родину. Но кто-то не вернулся, оставшись лежать в земле теперешних самостоятельных государств Казахстана, России, Узбекистана, Украины, Беларуси и других республик бывшего СССР. Российские архивы передали в соответствующие страны все сохранившиеся данные об их упокоении на территории бывшего СССР. Более того, для Германии и Японии Россия реализовала грандиозные проекты по микрофильмированию и сканированию учетных дел всех военнопленных, понимая, что бывшим военнопленным, еще здравствующим, уже умершим ныне, или родственникам, на их родине полагаются определенные компенсации за пребывание в плену. В настоящее время, например, Японии переданы микрофильмы сотен тысяч учетных дел японских военнопленных. И это стало третьим направлением постпрактического социального использования документов по преодолению последствий Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Холокост — это слово и скрывавшаяся за ним трагедия еврейского народа в годы Второй мировой войны долгое

⁴ См. «Заявление ФГУ «Фонд взаимодействия и примирения» от 30 августа 2010 г. WWW.fondvp.ru.

время были неизвестны советскому человеку. Лишь во второй половине 80-х годов прошлого века документы российских архивов об этой трагедии оказались востребованными. Ныне копии их тысяч страниц пополнили фонды музеев Холокост в Иерусалиме и Вашингтоне, в других городах мира, напоминая людям о случившемся и воспитывая ненависть к фашизму.

Одно из основных направлений деятельности российских архивов связано с исполнением роли социальных нотариусов — безвозмездного официального подтверждения трудовых биографий граждан, зафиксированных в разнообразных архивных документах. Специфика социальной защиты граждан России, других стран — бывших республик СССР заключается в том, что она учитывает, например, при начислении пенсии трудовой стаж гражданина, условия его труда, наличие наград и поощрений и т.д. Его особые заслуги перед государством, регионом поощряются также определенными льготами. Реализация тех или иных прав граждан России на социальную защиту и льготы возможна только при наличии соответствующих архивных документов. Ежегодно по России в целом в этих целях востребуется около 1 млн. документов, причем, реальная востребованность в них в начале XXI в. постоянно росла: в 2003 г. — 1 миллион, 600 тысяч, в 2007 г. — 3 миллиона 100 тысяч. Связано это с двумя факторами. Во-первых, вопреки советской архивной практике в новой России на государственное хранение в массовом объеме стали поступать трудовые биографии граждан из архивов обанкротившихся и ликвидированных организаций и, во-вторых, в начале этого века в России был принят ряд актов, расширивших социальные права граждан, что потребовало их дополнительного документального подтверждения.

Документальное обеспечение реабилитационного процесса, социально-правовых запросов граждан России и зарубежных стран привело к созданию многочисленных баз

данных. Так, например, в Государственном архиве Российской Федерации функционирует база данных «Надзорные производства СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде» за 1933–1953 гг., в Воронежской области созданы и систематически пополняются базы данных «Репрессированные» и «Именной указатель к фонду фильтрационно-проверочных дел», в Приморском крае – «Межфондовый именной указатель жертв политических репрессий», в республике Коми – «Спецпереселенцы – раскулаченные на территории Коми», в Алтайском крае – «Учет осужденных по политическим мотивам» и т.д. Из всех имеющихся в архивных учреждениях России баз данных социально-правового характера примерно 13% составляют базы данных о репрессиях.

Постоперативная правовая или юридическая востребованность документальной исторической памяти связана прежде всего с разнообразными имущественно-хозяйственными отношениями, в которые когда-то архивный документ был вовлечен, и которые по разным причудам истории неожиданно актуализируются после его практического оперативного использования. В глобальном масштабе такая востребованность очень характерна после распада государств, когда на их основе вновь возникшие государства активно заявляют свои права на когда-то существовавшую общегосударственную собственность. Документ в этих и других случаях, связанных с претензиями на собственность, становится юридически значимым доказательством, часто даже независимо от своего вида и роли в сравнении с другими документами в процессе их совместного оперативного бытования. После распада СССР России пришлось с помощью архивных документов доказывать свое право на собственность, например, ряда объектов в бывшей ГДР, Болгарии, Венгрии, Польше. Свои претензии на бывшую общесоюзную собственность за рубежом предъявляли и постсоветские государства. В связи с изменениями форм собственности многих российских

предприятий, в основном их приватизацией, оказались востребованы документы, например, о когда-то случившихся землеотводах под них.

Особая постпрактическая правовая или юридическая востребованность документальной исторической памяти характерна для межгосударственных отношений. Часто возникающие приграничные споры участвующие в них стороны подкрепляют с помощью заключенных когда-то договоров, картографических документов, документов о хозяйственном освоении спорных территорий той или иной страны.

Постоперативная источниковая востребованность документальной исторической памяти связана с присущим архивному документу свойством быть носителем информации о произошедшем и тем самым выступать документальным историческим источником, содержащим документальные свидетельства о прошлом. Говоря словами теории когнитивной истории, это эпистемологическая востребованность документа. Вплоть до конца XVIII в. такая востребованность была уделом избранных — специально уполномоченных властными структурами доверенных лиц — историографов. Однако класс буржуазии после Великой Французской революции громко заявил о своих правах на использование архивных документов в исторических исследованиях. Борьба за это право, в том числе в России, шла в мире на протяжении всего XIX в., пока, наконец, в разных странах в разное время, с разным успехом и в разных формах победа сторонников доступности для использования архивных документов в исторических исследованиях не была закреплена нормативно. Ныне использование архивных документов в исторических исследованиях является не просто «правилом хорошего тона», но неперенным условием доказательности исследовательских выводов. Для того, чтобы обеспечить источниковую востребованность документов в архивах создаются читальные залы, развиваются разные формы предоставления исследователям копий документов, в том чис-

ле через Интернет, готовятся документальные публикации⁵. Такое использование в России резко расширилось после 1991 г. в связи с массовым рассекречиванием ранее недоступных архивных документов.

Неудивительно поэтому, что с начала 90-х годов прошлого века неуклонно росло число посетителей читальных залов государственных и муниципальных архивов России. Если в 1992 г. в целом по стране архивы всех уровней посетило чуть больше 42 тысяч читателей, то уже в 2007 г. их стало более чем в два раза больше — около 97 тысяч (речь идет не о числе человекопосещений, а о количестве записавшихся в читальные залы архивов). Всего же за 1992 — 2000 гг. в государственных и муниципальных архивах было свыше 1 миллиона 65 тысяч посещений читателей. Автор не берется судить, много это или мало — здесь была бы важна аналогичная статистика по другим странам, но более чем двукратный рост числа читателей только в 90-годы прошлого века, безусловно, впечатляет.

По данным архивной статистики России в 1993 г. 46 тысячам читателям государственных и муниципальных архивов было выдано свыше 1 миллиона 194 тысяч дел, т.е. приблизительно в среднем 20 дел на читателя. В 1998 г. почти 63 тысячам читателей этих архивов выдано более 1 миллиона 343 тысяч подлинных дел и 130 тысяч дел фонда пользования в виде микрофильмов, ксерокопий, электронных копий, т. е. всего свыше полутора миллиона дел или приблизительно в среднем 23 дела на читателя. В 2007 г. приблизительно 97 тысячам читателей эти же архивы предоставили около 1,5 миллиона подлинных дел и около 220 тысяч дел фонда пользования, т.е. всего около 1 миллиона 700 тысяч дел или в среднем 16 дел на одного читателя. Всего же по неполным данным за первое десятилетие нынешнего века

⁵ Подробнее об этой востребованности см.: *Козлов В. П.* Бог сохранил. С. 198–257.

чуть более одного миллиона читательских посещений архивов России были обеспечены свыше 20 миллионами дел, т.е. в среднем по 20 дел ежегодно.

Показательно, что если среднее число читателей федеральных архивов, расположенных в основном в Москве и Петербурге, последние 20 лет, несмотря на нелегкое экономическое положение их иногородних пользователей, оставалось стабильным (около 11 тысяч человек в год) с неуклонной тенденцией в последние годы к снижению до 9 тысяч читателей, то в государственных архивах субъектов федерации и в муниципальных архивах все эти годы число читателей постоянно росло. В государственных архивах субъектов федерации оно выросло с 7 тысяч в 1992 г. до свыше 45 тысяч в 2007 г., т.е. в 5 раз, а в муниципальных архивах с 23 тысяч 600 в 1992 г. до 42 с половиной тысяч в 2007 г., т.е. почти в 2 раза. Эта статистика, с одной стороны, свидетельствует о том, что снижение числа посетителей в читальных залах федеральных архивов объясняется все более расширяющимся предоставлением их информационных ресурсов (включая научно-справочный аппарат) в Интернет (например, Архива Коминтерна), а с другой стороны, показывает усиление интереса исследователей страны к местной истории, отраженной в документах региональных и муниципальных архивов. Таким образом, документы удовлетворяют общественные потребности в одном из их проявлений, каким является потребность в изучении истории своей страны и своей «малой родины» — республики, края, области, города, поселка, деревни.

Законом Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» (2004 г.) государственным и муниципальным архивам предоставлено право подготовки и издания документальных публикаций. Тем самым на законодательном уровне была закреплена давняя традиция существования одного из направлений работы российских архивов, ведущая свое начало со второй половины XVIII в.

За 2 последних десятилетия архивами России всех уровней подготовлено и издано свыше 2 тысяч документальных изданий, т.е. в среднем ежегодно около 130 документальных публикаций в виде кодексов. В стране в эти же годы с периодичностью 6 номеров в год издается журнал «Исторический архив», публикующий на своих страницах только документальные исторические источники. Документальные издания последних 20 лет, например, такие как «Трагедия советской деревни» (5 томов), «Деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», «История сталинского Главного управления лагерей» (7 томов), «Атомный проект СССР» (7 книг в 4 томах, издание продолжается), «Становление и развитие советского оборонно-промышленного комплекса» (3 тома, издание продолжается), «Политические партии в России в конце XIX — начале XX вв.» (около 40 томов, получила Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники) и др. отразили заинтересованность российского общества в изучении ранее замалчивавшихся страниц отечественной истории и в значительной мере документально обеспечили возможности для такого изучения⁶.

За последние два десятилетия в России произошли кардинальные изменения в демонстрации архивных документов на выставках. В Выставочном зале федеральных архивов в Москве ежегодно проводится не менее 4—6 выставок, посвященных юбилейным датам, крупным событиям отечественной и всемирной истории, например, «Агония третьего рейха», «1953 год: между прошлым и будущим», «XX съезд КПСС», «Сталин и Тито», «1937 год», «Философский пароход». Особенности современной демонстрации архивных документов на выставках являются, во-первых, полнота документального раскрытия тематики выставки (в некоторых выставочных проектах одновременно принимало уча-

⁶ Подробнее см.: Козлов В. П. Об итогах и перспективах подготовки отечественных документальных публикаций // Новая и новейшая история. 2006. №4. С. 27—34.

стие до 20 архивов разного уровня), во-вторых, обязательная кооперация подготовки выставок с музеями, в-третьих, оригинальное художественное и дизайнерское оформление концептуальных идей конкретной выставки, в-четвертых, издание каталогов выставок. Ряд документальных выставочных проектов был реализован совместно с архивами Дании, Швеции, Финляндии, Монголии, Вьетнама, Сербии, Болгарии, Испании, Украины, Беларуси, Словении, Чехии, США и демонстрировался не только в России, но и в соответствующих странах.

Среднее число посетителей каждой выставки колеблется от 6 до 10 тысяч человек за приблизительно 1–1,5 месяца ее экспонирования. Разумеется, это намного меньше, чем в музеях. Однако следует иметь в виду, что в музеях помимо временных тематических экспозиций имеются постоянно действующие экспозиции, привлекающие посетителей своим образовательным потенциалом. С учетом последнего обстоятельства можно считать, что по числу посетителей временные документальные архивные выставки вполне сопоставимы с аналогичными музейными. Демонстрация документа на выставке — наиболее доступный способ взаимодействия прошлого с настоящим, пропаганды прошлого и роли документа в современном мире в условиях его постоперативной источниковой востребованности.

Постоперативная политико-идеологическая востребованность документальной исторической памяти связана с ее использованием в качестве одного из инструментов в политической борьбе и формировании идеологии. Она стара как мир. Люди и их сообщества очень давно поняли, что даже древний документ можно использовать с помощью соответствующих интерпретаций в качестве своеобразного интеллектуального «выстрела» по политическим и идеологическим противникам. Примеров этому — тысячи, причем в современном обществе такое использование документа случается особенно изошренно, цинично и широко.

Одним из первых масштабных случаев использования документов в политических целях в России стала рассылка из Москвы в ряд уездных центров для публичного оглашения подборки документов из канцелярии Лжедмитрия I, осуществленное правительством Василия Шуйского. Смысл этой подборки заключался в показе «самозванства» убитого в результате заговора в 1606 г. Лжедмитрия I и доказательстве его стремлении сделать Россию вассалом польского короля⁷. Другой пример. В 1718 г. Петр I, еще будучи царем, но уже готовясь провозгласить себя императором, распорядился перевести и опубликовать на русском языке и языке германского оригинала грамоту императора Священной Римской империи Максимилиана I великому князю Василию III. Многословно-торжественный заголовок, данный издателями («В Посольской канцелярии в Москве при разборе старинных архив или дел и писем, найдена грамота подлинная его цесарского величества Римского Максимилиана, за его собственною рукою и печатью златою 1514 году, писанная на немецком старинном языке, к царю и великому князю всероссийскому, Василию Ивановичу, ко отцу царя Иоанна Василиевича, которого помянутый цесарь в той грамоте своей титуловал цесарем всероссийским...», которая «яко вещь древняя и куриозная, и ко утверждению без прекословному того высокого достоинства за толко уже лет всероссийским монархом надлежит, и от цесаря Римского, яко в свете первый градус имеющего монарха воздаванного») однозначно утверждал, что еще в XVI в. германский император Священной Римской империи по крайней мере одного из правителей России признавал равным себе, т.е. императором⁸.

⁷ Станиславский А. Л. К истории второй «окружной» грамоты Василия Шуйского // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 134–135.

⁸ См.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. С. 145. № 19.

В 1918 г. бывший матрос-балтиец Н. Маркин, назначенный после октября 1917 г. секретарем наркома иностранных дел Советской республики, издал секретные договора императорской России с рядом европейских государств рубежа XIX — начала XX вв. о союзах и разделе сфер влияния⁹. Молодое советское государство тем самым отмежевывалось от них, а самое главное, публикуя договоры, демонстрировало миру верность ленинского понимания империалистической сущности мировых держав. Тогда многим этот необычный шаг показался символом новой политики, предвестием открытости российских архивов. И действительно, нечто подобное вскоре произошло. Ранее недоступные материалы Департамента полиции, других органов политического сыска Российской империи, документы царской семьи уже в 20-е годы прошлого века начали широко вводиться в общественный оборот, создав возможности для, например, начала издания одной из крупнейших документальных серий — «Восстания декабристов».

Постоперативная политико-идеологическая востребованность документов была реализована, например, при подготовке процесса над эсерами и в ходе его. Специальная комиссия Политбюро ЦК РКП(б) 6 мая 1922 г. приняла решение: «Истпарту поручить подбор всех фотографий, мемуаров, воспоминаний и пр., характеризующих кровавую работу союзников и эсеров во время Гражданской войны», устроить выставку этих документов¹⁰. К июлю 1922 г. в распоряжении большевиков оказался «парижский архив» Административного центра партии эсеров, выкраденный ГПУ и включавший бумаги А. Ф. Керенского, Авксентьева, Чернова, в том числе их переписку. Специальная комиссия По-

⁹ Хорхордина Т. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 38–39.

¹⁰ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002. С. 396.

литбюро по подготовке этого процесса немедленно приняла решение: «1. Принимая во внимание исключительную важность полученного из Парижа архива для судебного следствия...немедленно передать в распоряжение ГПУ несколько высококвалифицированных и ответственных работников для содействия работе в разборе архива... 2. По мере опубликования на суде наиболее важных документов из архива Керенского, Чернова публиковать их в «Правде», воспроизводя факсимиле и в переводах на иностранные языки сообщать по радио за границу. 3. Признать необходимым издание брошюры с кратким, чисто деловым, предисловием, дающим общие указания на способ получения документов, их перечисление, как общую характеристику всех документов, так и точную характеристику документов, печатаемых в данном издании, и наиболее важные доказательства подлинности этих документов...»¹¹.

Документальная публикация части этих документов была подготовлена уже к середине августа 1922 г. под названием «Работа эсеров за границей» и с сопроводительным письмом НКВД направлена полномочным представителям РСФСР за рубежом. В нем подчеркивалась необходимость доведения до общественности Запада, что партия эсеров «не только пользовалась полной поддержкой правительств Антанты, как и находящихся под ее влиянием государств, в ее преступной деятельности, но что п/артия/ с/оциалистов-/р/еволюционеров/ существовала прямо на деньги иностранных капиталистических держав»¹².

Б. И. Николаевский пишет о том «страшном оружии», которым стал для Сталина его тайный архив, не приводя впрочем, убедительных доказательств. Однако он, в частности, сообщает детали, ныне хорошо известные: «Делались огромные усилия, чтобы этот архив пополнять. Специаль-

¹¹ Там же. С. 290.

¹² Там же. С. 353.

ные уполномоченные производили обследование провинциальных и столичных архивов старых, дореволюционных полицейских учреждений, выискивая там материалы, которые могли компрометировать настоящих и будущих противников Сталина... Дело это ставилось, конечно, как особо секретное. Наиболее «драгоценные» материалы не передавались даже в секретный архив секретного отдела секретариата ЦК, а хранились в особых сейфах личного секретариата Сталина. Но в партии о существовании этого секретного архива и о шантажистских приемах Сталина было известно в достаточной мере широко. Троцкий в своих статьях, написанных в связи с процессами 1936–1938 гг., рассказал, что слухи об этом архиве «через систему сообщающихся сосудов» доходили до него еще в Москве; он знал, что «все факты, порочащие советских сановников, собираются Сталиным с научной тщательностью и составляют особый архив, откуда извлекаются по частям, в меру политической надобности»¹³. Вероятно, Николаевский имел в виду постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 9 февраля 1925 г. «Об изъятии документов», которым создавалась специальная группа по изъятию историко-партийных документов из архивов государственных учреждений, партийных организаций, членов партии для концентрации их в будущем секретном архиве ЦК¹⁴. Подобное изъятие можно рассматривать и как «оружие», и как способ защиты от возможного неконтролируемого использования документов в зарубежных антибольшевистских пропагандистских кампаниях.

С 1926 г. начинается планомерная «разработка» архивов политического сыска императорской России по выявлению секретной царской агентуры, подкрепленная февральским (1927 г.) циркуляром Центрархива РСФСР, на основе кото-

¹³ Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 150–151.

¹⁴ В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы. Сборник документов. М., 1989. С. 17.

рой затем в Главном архивном управлении НКВД СССР составлялась «Спецкартотека»¹⁵.

Политическими интересами, связанными с подготовкой Нюрнбергского процесса, объяснялась оперативная разборка документов архива концлагеря в Освенциме, а также трофейных архивов германских нацистских учреждений, хранившихся в Особом архиве СССР. Документы этого архива впоследствии широко использовались в качестве документальных доказательств на судебных процессах над нацистскими преступниками¹⁶.

Выделяются не менее 5 форм использования архивного документа в политико-идеологических целях.

Первую и самую крайнюю форму, хотя, как правило, почти всегда малоизвестную, можно назвать селективной. Селективная форма использования архивного документа в политике и идеологии на самом деле означает исключение любой возможности его использования когда-либо. Она достигается давно проверенным способом — его уничтожением. Мир и Россия знает немало примеров этого, а еще больше — вообще не знает и вряд ли когда-нибудь узнает, если только не изобретет в будущем особо изощренные и доказательные методы реконструкции. Например, макулатурные кампании в архивах СССР, проведенные в 20-х — 40-х гг. прошлого века, хотя и были продиктованы бумажным дефицитом, в их реальном исполнении содержали попытки освободиться от документов «эксплуататорских классов». Результаты известны — были утрачены многие фонды банков, заводов, помещичьих хозяйств феодальной и капиталистической России.

¹⁵ Копылова О. Н. В поисках «Спецкартотеки» ГАУ НКВД СССР // Отечественные архивы. 2000. №1. С. 31-37.

¹⁶ Ковчинская С. Г. Из истории использования документов Центрального государственного (Особого) архива СССР в 1946—1965 гг. // Актуальные вопросы истории, политики и права. Материалы межведомственной научно-практической конференции 25—26 апреля 2006 года. Петрозаводск, 2006. С. 121—124.

Вторая форма политико-идеологического использования архивных документов — это их сокрытие, засекречивание не только на определенный, но и на неопределенный сроки. Каждая страна прошла, проходит и будет проходить через преодоление этой формы политического использования архивных документов. Насколько известно, по состоянию на начало XXI в., например, Франция не рассекретила документы о коллаборационистском движении на ее территории в годы Второй мировой войны. В интересах «дружбы народов СССР» документы о националистических и фашистских движениях в Украине и Прибалтике также оставались на секретном хранении. Более того, лишь в начале XXI в. они стали осторожно вводиться в научный оборот, и только в последние 10 лет начали обнародоваться в специальных тематических документальных публикациях.

Умолчание, сокрытие документов — это тоже политика. Умный и циничный Августин Блаженный писал: «Хотя всякий, кто лжет, хочет скрыть истину, но не всякий, кто хочет скрыть истину, лжет ... Ибо большей частью мы скрываем истину не при помощи лжи, а с помощью умолчания». Мир хотя и догадывался, но мало что знал реально, например, о цене коллективизации или политической борьбе в СССР, потому что все архивные документы об этом находились в спецхране. «Заморозка» в секретных хранилищах документов об этом не менее чем на 70 лет затормозила изучение важнейших страниц советской истории. Ошеломляющий по своей откровенности и тревожному прогнозу т.н. «Доклад Комиссии академика Кирилина»¹⁷, показавший перед какой экономической пропастью оказался СССР в конце 70-х годов прошлого века, засекреченный и чудом сохранившийся вопреки решению Секретариата ЦК КПСС об уничтожении всех его экземпляров, хотя бы частично, но реабилитирует

¹⁷ *Лацис О.* Неуслышанное предупреждение: в 70-е годы власть имущие не хотели слышать даже робких реформаторов // *Известия.* 1993. 27 августа. С. 5.

т.н. называемую «команду Горбачева», бестолково, но все же начавшую неизбежную перестройку. Цена сокрытия этого архивного документа по политическим соображениям, отсутствие реакции на него со стороны руководства страны среди прочих причин для СССР оказалась слишком велика.

Третья форма политико-идеологического использования архивных документов – это их частичная или полная фальсификация. Она может выступать как фальсификация документа, никогда не существовавшего, и как специальная фальсификация документального исторического источника, созданного для «поправления» прошлого, часто очень давнего, из современности¹⁸.

Этой третьей форме политико-идеологического использования никогда не существовавших документов внешне противоречит, а фактически с ней сливается, выступает союзником, четвертая форма, которую условно можно назвать реверсивной. Смысл ее в том, что подлинный и достоверный документальный исторический источник стараются представить сфальсифицированным. Наиболее яркий пример – агрессивные и наукообразные попытки доказать, что документальные источники по Катынской трагедии являются подделкой российских архивистов начала 90-х годов прошлого столетия. Понятна политическая подоплека этой акции. Она в том, чтобы опять-таки обелить сталинизм, освободить его историю от одного из преступлений с необъяснимой мотивацией.

На первый взгляд безобидная, но на самом деле очень опасная по своей привлекательности и внешней убедительности пятая форма политико-идеологического использования документальных исторических источников может быть названа конструктивистской или потребительской. Суть

¹⁸ Подробнее см.: *Козлов В. П.* Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио. Анализ подделок документальных исторических источников по истории России в XVIII – начале XXI века. М., 2015.

ее в подборе источников под определенную политическую конструкцию прошлого и настоящего. В России она отчетливо прослеживается уже в XVIII в. Ярко и простодушно она была сформулирована историком первой трети XIX в. Г. И. Спасским. Поводом для этого послужила, казалось бы, задача ординарная: на фоне такого важного в истории России явления как присоединение Сибири: выяснить обстоятельства смерти Ермака. Историки XVIII – начала XIX вв., опираясь на версию Тобольской летописи, полагали, что Ермак, спасаясь от войск Кучума, утонул в Иртыше. Однако в распоряжении историка начала XIX в. Н. М. Карамзина, помимо Тобольской летописи, находились Есиповская и Строгановская летописи. Последняя, в отличие от двух первых, сообщала о гибели Ермака на поле битвы, хотя содержала и ссылку на версию о смерти Ермака в водах Иртыша. Н. М. Карамзин, вообще придававший большое значение Строгановской летописи, на этот раз принял версию Тобольской и Есиповской, даже не упомянув о сообщении Строгановской. И понятно, почему. Карамзину было важно описанием менее героической гибели Ермака подчеркнуть свою общую оценку его личности и деятельности как «буйного», «беглого атамана волжских разбойников», выполнявшего огромной важности государственное дело, но проявившего «легковерие, неосторожность».

Спасский подловил Карамзина на его игнорировании Строгановской летописи. И тут же невольно согласился с Карамзиным, правда, с иным намерением: «Не взирая на сии противоречия, — писал он, имея в виду разные версии трех летописей, — я осмеливаюсь сказать, что гораздо сообразнее с великими качествами храброго Ермака окончить жизнь свою как герою с оружием в руках, нежели утонуть при побеге с места битвы...»¹⁹. Вот и вся доказательная

¹⁹ Спасский Г. И. Сибирская летопись Саввы Есипова // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1. С. 154–155.

история, которая не окончилась на самом деле и была еще раз эффектно продемонстрирована в другое время и при показе других обстоятельств гибели иного героя в фильме «Чапаев».

Ныне иные времена, но не всегда иные нравы. Украинские архивисты и историки проделали колоссальную, важную и нужную работу по выявлению и опубликованию документов по истории голода на Украине в 1929–1933 гг. Однако эта работа исходила из политической идеи «голодомор как геноцид украинского народа». Голод в Украине был документально освещен досконально. Однако получилась «фотография», сделанная фотоаппаратом с ограниченным по обзору объективом. Но использование этой «фотографии» различными политическими силами достигло заоблачных политических высот. Пример с «голодомором – геноцидом украинского народа» здесь более чем показателен, учитывая масштабное использование документальных источников в угоду откровенному глобальному политическому проекту.

Возникает вопрос: когда, при каких обстоятельствах появляется сама идея использования архивных документов в политико-идеологических целях? Она появляется всегда тогда, когда прошлое стремятся использовать в политических разборках современности, особенно когда проблемные вопросы современности восходят прямо к давнему и недавнему прошлому, либо так или иначе могут ассоциироваться с ним. Архивный документ в таких случаях становится одним из инструментов политических сил в достижении своих целей. Он превращается не только в свидетельство о проблемных вопросах прошлого, но и в некое «доказательство» в руках противоборствующих политических сил.

Использование архивных документов в политических и идеологических целях ориентировано прежде всего на массовое общественное сознание. Его эффективность определить очень трудно, разве только с помощью специальных

социологических замеров. Но то, что такое использование способно обеспечить манипуляцию общественным сознанием — это несомненно. Например, более двух десятилетий назад опубликованное из РГАСПИ письмо Тольятти о судьбе итальянских военнопленных в СССР после Второй мировой войны, вырванное из общего исторического и документального контекстов, да еще и немного сфальсифицированное текстуально, сыграло свою роль при выборах в итальянский парламент, в результате чего коммунисты потерпели поражение²⁰.

Документ, ставший документальным историческим источником, т.е. частичкой документальной исторической памяти, одновременно всегда превращается в беспристрастное свидетельство произошедшего прошлого независимо от целей его обнародования. Но политическая составляющая цели такого обнародования, вероятно, всегда какое-то время преобладает над его научно-познавательной ролью. Судебное рассмотрение конституционности указов Президента РФ Б. Н. Ельцина по т.н. «делу КПСС» исключительно благодаря архивным документам превратилось в рассмотрение роли партии большевиков в истории России и СССР. Более 40 томов документов, извлеченных и подобранных из партийных архивов, и в обывательском сознании, и в сознании суда не могли не произвести сильнейшего политического впечатления и идеологического воздействия.

Политические обстоятельства в одних случаях способны актуализировать архивный документ ради самой идеи человечности, справедливости, демократии, объективного познания прошлого исторической наукой. Спорят о Тмуротаканском камне, надпись на котором — тоже документ. Но его находка и оперативное опубликование, так же как и опубликование в это же время (конец XVIII в.) надписей на так называемых «Двинских камнях» — есть ничто иное как

²⁰ Подробнее см.: Козлов В. П. Тайны. С. 568–579.

ответ на политические события — присоединение причерноморских и белорусских земель к России. В судьбе этих важных документальных источников политика, таким образом, сыграла свою позитивную роль — она способствовала их введению в общественный, а значит, и в научный оборот. И в этом случае, какими бы не бывали политические расчеты, их результатом становятся созданные архивными документами условия познания прошлого, способные оздоровить государство и общество. При всех издержках процесса именно так произошло в России в начале 90-х гг. И в этом случае нельзя не приветствовать результаты «архивной революции» в России 90-х годов.

Однако широта случившегося тогда процесса не сопровождалась его глубиной. Например, осторожность российских властей в начале 2000-х гг. в отношении рассекречивания документов о голоде в СССР открыла путь для определенных политических сил Украины не без успеха продвинуть в международных организациях упоминавшийся выше проект «голодомор — геноцид украинского народа». Цена такой осторожности — не только позиция России в качестве оправдывающейся стороны, но в конечном итоге — отставание российской исторической науки от украинской в объективном изучении проблемы минимум на 5 лет.

Таким образом, итожа сказанное, отметим следующее. У любого государства должна быть осмысленная политика в широком смысле этого слова в отношении использования архивных документов. В кризисные моменты ее главный смысл заключается в том, чтобы об архивах хотя бы не забывали, чтобы не случились их утраты. В других случаях необходимо всегда оставлять простор для маневра, главными поводами в котором должны быть общественное мнение гражданского общества и предложения профессиональных историков и архивистов. Нет и не может быть у нас сейчас тайн, например, в истории Великой Отечественной войны, кроме тайн, связанных с личными обстоятельствами воен-

ных судеб ее участников, — и по совести, и по чести, и по политическим мотивам современной и будущей России.

Пытаясь раскрыть главный смысл вечной коллизии: использование архивного документа в политических и идеологических целях, нельзя не признать того, что вряд ли эта коллизия когда-либо разрешится в интересах всего общества, а значит, в интересах настоящего прогресса человечества. Такой прогресс среди прочего связан с нравственным состоянием человека и человеческих сообществ. Во всяком случае, до тех пор, пока политика сохраняет свой внеморальный, вненравственный модус, а общество представляет собой не толерантное плюралистическое сообщество, а кипящий китайский котел со сладкой и горькой пищей, символически разделенной всего лишь половинной частью знака бесконечности. Кто был в Китае или в настоящем китайском ресторане, тот, вероятно, имел возможность задуматься над этим странным, элементарно простым аппаратом для приготовления исключительно китайской пищи, привлекательной не только для китайцев. Половинная часть знака бесконечности в этом котле, разделяющая горькое и сладкое, кажется и трудным и радостным образом бытия частички документальной исторической памяти.

Факторы, ограничивающие востребованность документальной исторической памяти. Мы обозначили и описали факторы, вызывающие востребованность документа в постоперативный период его бытования, а также привели некоторые примеры той или иной его востребованности. Эти факторы постоянны, неизменчивы и вряд ли когда-либо уйдут в историю и будут считаться принадлежностью только несовершенной прошлой и современной организации жизни. Они — вечны, пока существует современная человеческая цивилизация. И с этим связан один из парадоксов существования документа в повседневности: чем больше он бывает востребован, тем меньше у него возникает возможностей для удовлетворения такой востребованности.

Дело в том, что на пути такой востребованности стоит немало преград, влияющих на возможность доступности к документу, востребованному по той или иной причине.

Назовем их опять же не в порядке иерархии, учитывая национальные и региональные особенности разных стран: физическое состояние документа, его упорядоченность среди других документов, ограничение доступа к документу по соображениям национальной безопасности, безопасности личности, личное распоряжение владельца, собственника, распорядителя документа — негосударственного юридического, а также физического лица.

Физическое состояние документа иногда не позволяет ознакомиться с его оригиналом из-за плохого качества носителя или средства закрепления информации. Такие случаи редкие, но не исключительные. Плохие бумага и чернила приводят к массовым «угасаниям» текстов документов, созданных в советском делопроизводстве 20-х годов прошлого столетия. Ксероксные, принтерные, факсовые тексты 90-х гг. стремительно выцветают уже в наше время. Столетиями отсутствие надлежащих условий хранения документов приводило к их безвозвратному поражению плесенью, насекомыми — следы таких поражений можно обнаружить в каждом современном архиве и не только России. Как правило, такие документы консервируются в надежде на то, что со временем будут изобретены более совершенные способы реставрации²¹. Один из них — сканирование — уже сегодня показал свою эффективность в отношении документов с угасающими текстами.

Несвобода и свобода документальной исторической памяти. Выше мы не раз говорили о том, что одним из свойств части документальной исторической памяти является ее

²¹ Так, например, поступили китайские архивисты с «ямными архивами» — обугленными остатками китайских архивов, которые японцы, покидая Китай, сжигали в ямах. Ныне в Китае разработана эффективная технология их реставрации.

неактивированное состояние, смысл которого заключается в ограничении доступа к ней еще в период бытования документа как регулятора человеческой жизнедеятельности. Явление это — вневременное и интернациональное. Его регулирование, в том числе законодательно, в реальной повседневности имеет высокую степень субъективности. В наименьшей степени этот субъективизм проявляет себя при реализации соответствующих законодательных норм — при засекречивании и рассекречивании документа.

Несвобода и свобода документальной исторической памяти является одним из ее коренных свойств. Это свойство, с одной стороны, по своей сути носит альтернативный характер, а с другой — такой альтернативе присуще свойство колебательности в соответствии с общественно-политическими настроениями общества и политикой государства в формировании выгодного для его целей общественного сознания.

Общественное мнение со временем, признавая необходимость непубличной формы бытования документа, начало ставить вопрос о том, насколько долго и оправданно должно существовать ограничение на доступ к нему. В теории когнитивной истории эта ситуация определяется как «информационный магнетизм» — объективно присущее социуму стремление к освоению новых информационных ресурсов²².

Вообще говоря, засекречивание документа является своеобразной формой цензуры его публичного использования. В основе засекречивания часто лежат не только соображения защиты реальной государственной тайны и тайны личной жизни, но и меняющаяся политическая конъюнктура. Засекречивание не только тормозит освоение документальной памяти, но подчас способно скрыть важные исторические явления. Например, тотальное засекречивание до-

²² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 126.

кументов о голоде в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. превратило это явление в некое легендарное событие, не имеющее документального подтверждения.

Засекречивание документа в подавляющем большинстве случаев встречает негативную реакцию общественности. В определенные исторические моменты общественное давление встречает сопротивление властных структур, либо, наоборот, давление общественности мобилизует процесс рассекречивания. В XX в. в России эти две противоположные тенденции обнаружили себя в 1917–1920 годах, на рубеже 50-х – 60-х годов и на рубеже 80-х – 90-х годов.

Радикализм в переводе непубличной формы бытования документа в его публичную форму является одним из признаков неустойчивого государственного и общественного состояния. В более или менее стабильных состояниях государства и общества такие радикальные перемены в доступе исключаются и переводятся в рамки определенных законодательных норм.

Сказать, что выработка и принятие таких норм даже в современных стабильных демократических государствах дело простое и давно состоявшееся, значит, исказить существующие реалии²³.

Альтернативность несвободы и свободы документальной исторической памяти выражается в двух, прямо противоположных, установках и реальных действиях.

Первая обосновывает требование максимального ограничения ее доступности, мотивируя это интересами государства. В первую очередь это требование распространяется на ту часть документальной исторической памяти, которая зафиксировала однозначно негативные свидетельства о фактах, событиях, явлениях прошлого. Все это знать не обязательно и даже вредно, поскольку угрожает превратить историю в сплошной клубок ошибок, преступлений и мешает

²³ Подробнее см.: *Козлов В. П.* Бог сохранял. С. 169–178.

исключительно позитивному взгляду на прошлое, разрушает чувство патриотизма и препятствует воспитанию новых поколений людей на позитивных исторических примерах, утверждают сторонники этой альтернативы. Несвобода документальной исторической памяти для государства и общества лучше, полезней, чем ее свобода, считают они.

Вторая альтернатива исходит из убеждения в том, что все тайное в документальной исторической памяти должно быть явным. Сторонники этой альтернативы полагают, что свобода документальной памяти является одним из условий очищения общества и государства от негативного наследия прошлого, важным средством воспитания у людей понимания ошибок и преступлений, случившихся в прошлом, как возможности недопущения их повторения в современной жизни. Несвобода документальной памяти, утверждают сторонники этой альтернативы, есть ничто иное как консервация, а то и один из способов реставрации негативного наследия прошлого, неизбежно заставляющих государство действовать по дискредитировавшим себя лекалам.

В истории России обе эти альтернативы успешно реализовывали себя, нося колебательный характер. Вплоть до начала XIX в. торжествовала первая альтернатива. В начале XIX в. она чуть-чуть подверглась эрозии благодаря указу Александра I, разрешавшему Н. М. Карамзину «невозбранно пользоваться» всеми библиотеками и архивами империи для подготовки «Истории государства Российского». Но тот же Карамзин был вынужден отказаться от намерения написать историю Отечественной войны 1812 г. в связи с недоступностью архивов. При Николае I первая альтернатива вновь укрепилась. Например, даже А. С. Пушкин не смог получить доступ к следственному делу Е. И. Пугачева. К архивам имел доступ только избранный круг лиц. Во второй половине XIX в. этот круг заметно расширился в связи с деятельностью ученых архивных комиссий, сумевших мобилизовать региональные архивы для изучения местной истории.

Вторая альтернатива пробила себе дорогу после Февральской революции 1917 г., в результате которой стали доступны даже архивы карательных органов Российской империи. Она сохраняла свою роль приблизительно до конца 20-х годов XX в., реализуя себя под лозунгом разоблачения деяний царского режима и документального освещения революционно-освободительного движения в России.

Новой власти, заявившей о разрыве с прежней государственностью, было легко раскрывать тайны, за которые она не несла ответственности ни перед собственным народом, ни перед мировым сообществом. Но эта же новая власть начала создавать свои тайны и прятать их на полках архивов. Процесс оказался столь стремительным и масштабным, что к началу 30-х гг. едва ли не треть всех документов, находившихся в архивах, стала практически недоступной. К тому же понятие государственной тайны было дополнено понятием тайны партийной. В конце 20-х гг. архивы превратились в своеобразные вспомогательные идеологические учреждения, обслуживавшие марксистскую историографию в ее советском обличье, или же органы, в функции которых входило содействие оперативно-розыскной и иной деятельности государственного аппарата. Провозглашенный принцип партийности архивоведения и не декларируемый, но строго соблюдавшийся в конкретной деятельности архивов принцип «государственной целесообразности» определили на десятилетия многие практические шаги в области сохранности, экспертизы ценности архивных документов, их использования, подготовки и издания научно-справочного аппарата, сборников документов.

С началом 30-х годов альтернатива свободы документальной исторической памяти стала утрачивать свою роль, окончательно потеряв какое-либо значение в результате передачи архивной службы страны в ведение НКВД СССР. После этого период неограниченного торжества первой альтернативы продолжался приблизительно до 1956 г., ко-

гда архивная служба оказалась в непосредственном ведении Правительства СССР.

В 20–50-х гг. прошлого века вопрос о доступности документальной исторической памяти исключался из публичного обсуждения, тем более в рамках архивоведческой или историографо-источниковедческой проблематики. Предметно он ставился в партийно-государственных структурах, исключительно в плане применения принципа дозированной информации, обусловленного политическими и идеологическими соображениями. Административно-командная система позволяла и в архивном деле проводить этот принцип в жизнь безукоризненно четко. Вот лишь один пример, ставший известным сравнительно недавно. В 1948 г. работники Военно-исторического архива обнаружили рукопись известного военного деятеля России начала XX в. А. А. Брусилова под названием «Мои воспоминания», которая была проникнута антисоветским духом. По донесению тогдашнего министра внутренних дел С. Н. Круглова ЦК КПСС немедленно принял решение о закрытии доступа к архивным материалам, связанным с именем Брусилова, что неукоснительно соблюдалось вплоть до 1962 г.²⁴

Некоторая либерализация общественной жизни в СССР во второй половине 50-х гг. позволила вынести на повестку дня вопрос о доступности архивной информации. Постановление Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г., хотя всего лишь «упорядочивало режим хранения архивных документов», тем не менее, пусть и двусмысленно, декларировало их «лучшее использование». С этого времени российские архивы приступили к большой работе по подготовке и изданию научно-справочных материалов, прежде всего путеводителей по архивам, сборников архивных документов. Впервые в плановом порядке были рассекречены це-

²⁴ См.: Тайна одной фальсификации: *Брусилов А. А. «Мои воспоминания»* // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 372–403.

лые комплексы документов, в том числе дореволюционного времени, материалы, подписанные лицами, впоследствии подвергшимися репрессиям, и др. Впрочем, слегка качнувшаяся в сторону либерализации стрелка политического и идеологического курса ничуть не затронула фундаментальных принципов политики в отношении доступности архивов²⁵. По-прежнему отсутствовала правовая база их функционирования, что ничуть не мешало осуществлять скрытое манипулирование архивной информацией. Весьма показательно, что именно тогда архивные документы, связанные с именем Брусилова, становятся доступными с санкции ЦК КПСС. Это произошло после того, как группой историков и архивистов была показана его лояльность по отношению к советской власти.

Идеи «оттепели» открыли ограниченные возможности для внедрения в сферу доступности советских архивов слабых ростков второй альтернативы. Однако с середины 1960-х годов они были подавлены в вновь вплоть до начала перестройки первая альтернатива определяла ограничения доступности советских архивов²⁶.

Новая смена политического курса в середине 60-х гг. за морозила, а вскоре фактически вернула в прежние рамки едва начавшийся процесс обеспечения свободы архивной информации. В 1986 г. Главархивом СССР была введена в действие «Инструкция о работе государственных архивов с секретными документальными материалами». Она закрепила существование архивных документов т.н. ограниченного доступа. Такие документы не имели каких-либо грифов секретности, но доступ к ним осуществлялся с теми же ограничениями. Это привело к тому, что

²⁵ Подробнее см.: *Павлова Т. Ф.* Доступ к архивным документам в период хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х гг.) // *Отечественные архивы*. 2012. № 5. С. 13–26.

²⁶ *Она же.* Доступ к архивным документам спецхранов в начале 1960-х – середине 1980-х гг. // Там же. 2014. № 3. С. 13–26.

к 1987 г. только в госархивах бывшего СССР объем охваченных теми или иными ограничениями документов составлял более 50% от их общего объема. Именно тогда в спецхран был вновь возвращен ряд дореволюционных фондов — штаба Отдельного корпуса жандармов, органов полицейского сыска царской России, белоэмигрантских организаций и др.²⁷

С началом перестройки в России наконец-то появились уже не условия, а сама возможность гласного обсуждения и практического решения проблемы доступности документальной исторической памяти. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (1–3 октября 1986 г.) Е. К. Лигачев призвал архивное руководство страны принять «разумное и взвешенное решение» в отношении доступности архивов. Этот острожно-двусмысленный призыв означал реакцию ЦК КПСС на недовольство части обществоведов недоступностью архивной информации, которое в то время наиболее резко и смело выражалось в публичных выступлениях Ю. Н. Афанасьева и других историков, разделявших его взгляды на доступ к архивам.

3 декабря 1986 г. постановлением Секретариата ЦК КПСС для решения вопросов, связанных с расширением доступа к архивам, в том числе содержащим статистическую информацию, была создана специальная комиссия. По рекомендациям комиссии к маю 1987 г. 14 министерств и ведомств перевели из режима ограниченного пользования на открытое хранение 767195 архивных дел, ЦСУ СССР — 92589 единиц хранения. Комиссия предложила в течение 1987–1988 гг. провести «работу по пересмотру их состава и возможному переводу части документов на режим ограниченного доступа или открытого хранения»²⁸.

²⁷ РГАНИ. Ф.4. Оп.35. Д.57. Л.43

²⁸ Там же. Л. 41–42.

Показательно, что кого-то в ЦК КПСС рекомендации комиссии не удовлетворили. Во всяком случае, неизвестный автор в небольшой справке к записке комиссии написал: «Прошло свыше тридцати лет после постановления Президиума ЦК КПСС от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов». Оно по-прежнему наиболее полно выражает суть вопроса, решение которого требуется и в настоящее время»²⁹.

Тем не менее, в 1988–1991 гг. в архивах России и СССР была осуществлена, пожалуй, наиболее масштабная работа по уточнению режима хранения архивных документов и снятию с них ограничений на доступ. В новом журнале «Известия ЦК КПСС» стали публиковаться ранее закрытые архивные документы, содержащие информацию высшего уровня. Институт теории и истории социализма при ЦК КПСС приступил к реализации программы публикации рассекречиваемых архивных документов.

Этот «перестроечный» период открытия российских архивов не только сохранял многие черты прежней системы, старых подходов и решений, но и обнаруживал зарождение новых негативных явлений. Главным регулятором деятельности архивов, в том числе в вопросах доступа к архивным документам и их использования при отсутствии законодательной базы по-прежнему выступали политические и идеологические мотивы. Не случайно в режиме ограниченного доступа оставались материалы о национальных и религиозных движениях, нарушениях конституционных прав граждан, функционировании репрессивного аппарата – всего свыше 7 млн. дел только в государственных архивах³⁰. В ряде ведомств СССР было проведено массовое уничтожение

²⁹ Там же. Л. 56.

³⁰ Елпатьевский А. В. О рассекречивании архивных документов // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 15

целых комплексов архивных документов, представлявших научно-историческую ценность³¹. Сохранился диктат самих ведомств в отношении определения условий доступа и использования созданных в процессе их деятельности документов, включая и уже хранящиеся в государственных архивах. Как и в былые годы, лишь избранный круг лиц имел доступ к архивам КПСС, ни один из которых к тому же не имел опубликованных справочников даже самого общего характера. Так называемый Особый архив, в котором хранились трофейные документы и фонды Главного управления по делам военнопленных и интернированных, оставался тайным, а его несанкционированная легализация в 1990 г. в газете «Известия»³² была воспринята властями с большим неудовольствием. Появились первые ростки монополизации рассекречиваемой архивной информации отдельными группами лиц и идеи коммерциализации ее использования.

Политические изменения, последовавшие в России после августа 1991 г., запрет КПСС и распад СССР полностью разрушили прежнюю систему регулирования архивного дела России. Одновременно встал вопрос о его реформировании на основе общепринятых в мировом сообществе принципов и реализации свободы информации в рамках второй альтернативы. Уже первые шаги в этом направлении вселяли оптимизм. Начала работать созданная Верховным Советом РСФСР комиссия по передаче-приему архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию. 20 мая 1992 г. распоряжением Б. Н. Ельцина была образована Специальная комиссия по архивам при Президенте Российской Федерации во главе с М. Н. Полтораниным, в составе представителей Росархива, МИДа РФ, МБ РФ, МО РФ, других ведомств, на которую возлагались за-

³¹ См.: Козлов В. П. Российское архивное дело. М., 1999. С. 272. Сн. 8.

³² Максимова Э. Пять дней в Особом архиве // Известия. 1990. 17–21 февраля.

дачи рассекречивания документов высших органов КПСС, центральных и местных органов власти и управления, сконцентрированных в бывших партийных архивах, архивах Министерства безопасности, государственных федеральных и местных архивах. 19 июня 1992 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление «О временном порядке доступа к архивным документам и их использовании». Разработка этого документа проходила в атмосфере острых дискуссий. Наиболее ясно позиции сторон обозначились при обсуждении проекта постановления на комиссии Верховного Совета, где одни заявляли о необходимости полного открытия всех архивов как условия всеобщего покаяния и нравственного оздоровления общества, а другие придерживались более осторожной позиции, полагая, что такой подход способен обострить общественную атмосферу в стране. Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. отразил промежуточный подход к решению проблемы: он позволил начать массовое рассекречивание архивных материалов по истории репрессий в СССР.

Иначе говоря, августовские события 1991 г. вновь как и в феврале 1917 г., привели к торжеству второй альтернативы. Она начала реализовываться под лозунгами документального разоблачения деяний советской власти, раскрытия «белых пятен» и «черных дыр» российской истории XX в. В результате общество получило в свое распоряжение огромный документальный массив, ранее находившийся на секретном хранении.

Как видим, краткий экскурс в историю доступа к российским архивам показывает, что две его альтернативы обеспечивали колебательные действия вокруг разрешения этой проблемы. На самом деле они ее не решали ни в революционной форме, ни в форме тайной ползучей реставрации. Они представляли собой две крайности, исключительно формировавшиеся под воздействием разных субъективных факторов.

Поэтому одновременно с революционной целесообразностью в решении вопросов доступа в 1990-х годах складывалось понимание того, что торжество любой альтернативы в рамках субъективных и, как правило, политических решений не может быть приемлемо в демократическом обществе. Речь шла о публичном нормативном регулировании вопросов доступа к документальной исторической памяти. Результатом такого понимания стали упомянутые выше постановления Верховного Совета РСФСР «О порядке доступа к документам Архивного фонда РСФСР и их использования», указ Президента Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», закон «О государственной тайне в Российской Федерации», особенно «Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах».

«Основы законодательства» установили принцип публичности государственной части Архивного фонда России. Он запрещал организацию тайных государственных архивов, затрагивающих права и законные интересы граждан.

«Основы законодательства» провозгласили принцип общедоступности архивной информации, включая научно-справочный аппарат, для пользователя независимо от его пола, возраста, образования, национальности, вероисповедания, политических взглядов, профессии, гражданства. Разумеется, речь идет об архивной информации открытого доступа. «Основы законодательства» в этом смысле определенно вводили хронологические ограничения на доступ к секретной информации и информации, затрагивающей тайну личной жизни человека. В первом случае информация архивных документов, содержащая предмет государственной тайны, как правило, могла стать доступной только спустя 30 лет после ее фиксации в документе (критерии и механизмы отнесения информации к категории, содержащей государственную тайну, определялись в принятом Верховным Советом законе «О государственной тайне»). Во

втором случае информация, затрагивающая тайну личной жизни человека – состояние его здоровья, имущественное положение, семейные и интимные отношения и т.п., – могла быть доступна только через 75 лет с момента ее фиксации в документе.

Принцип общедоступности архивной информации является гарантией неотъемлемого права человека на профессиональное и непрофессиональное познание прошлого независимо от целей, которые он преследует при этом, разумеется, в пределах законов гражданского общества и общечеловеческой морали и нравственности.

«Основы законодательства» утвердили принцип свободы распоряжения пользователем найденной или полученной им в государственном архиве информацией. Исключение касалось лишь случаев, когда пользователь обнаруживал коммерческий интерес в ее использовании. «Основы законодательства» разрешали государственным архивам в таких случаях выдавать лицензии, условия и порядок выдачи которых утверждался Правительством Российской Федерации.

В «Основах законодательства» провозглашался принцип бесплатности предоставления архивной информации государственной части Архивного фонда России, исключая использование архивами особого рода запросов (тематическое выявление документов) и отдельные услуги (прежде всего – копирование архивных документов), а также, как указывалось выше, в случаях коммерческого использования архивной информации.

«Основы законодательства» зафиксировали принцип личной профессиональной, нравственной, гражданской ответственности пользователя за использование архивной информации. Речь шла прежде всего о неукоснительном соблюдении пользователем обязательств, данных им архиву (например, обязательства ссылаться на место хранения архивных документов, не передавать их копии третьим лицам

и т.д.) и точно воспроизводить тексты архивных документов при их публикации или цитировании.

В «Основах законодательства» отсутствовали статьи, регламентирующие профессиональные действия архивиста, этические нормы его поступков. Однако «Основы законодательства» рассматривали архивиста не просто как хранителя старых бумаг, но как доверенное лицо государства и личность, обязанностью которой является соблюдение законодательных норм работы с архивными документами, в том числе регулирование доступа к ним. Иначе говоря, «Основы законодательства» исходили из принципа профессиональной, административной и уголовной ответственности архивиста за сохранение государственной тайны, тайны личной жизни человека и такой же ответственности за необоснованное ограничение доступа к архивной информации под предлогом сохранения государственной тайны и тайны личной жизни.

«Основы законодательства» освобождали российского архивиста от прежних догм и одновременно возлагали на него ответственность исходить в своей профессиональной деятельности из принципа беспристрастия, предполагающего невмешательство в планы и интересы пользователей, сколь бы ни были противоположными политические, нравственные, идеологические, научные взгляды архивиста и пользователя. Любой вид цензуры архивиста, кроме оговоренных в законе, — начиная от тематики исследований и кончая ограничениями на выдачу архивных документов и справочников к ним открытой категории — чреват научным, политическим и нравственным ущербом. Архивист может быть лишь регистратором интересов пользователя, его профессиональным и беспристрастным помощником.

Таким образом, к концу 1990-х годов Россия имела нормальную, соответствующую международным стандартам нормативную базу обеспечения динамичной доступности документальной исторической памяти. Она исключала аль-

тернативность и колебательность в решении вопросов, связанных с ее публичностью. Нормы «Основ законодательства» о доступе к документальной исторической памяти были фактически повторены в новом законе о российских архивах 2004 г.

К настоящему времени сложилось несколько процедур рассекречивания архивных документов, а также обеспечивающих допуск к архивной информации личного характера.

Во-первых, в соответствии с Законом Российской Федерации «О государственной тайне» министерства, ведомства, а также учреждения, организации, предприятия их систем могут делегировать свои полномочия по рассекречиванию архивных документов соответствующим государственным архивам, в которых хранятся их документы. После принятия «Основ законодательства» государственным архивам такие полномочия передали Министерство финансов Российской Федерации, Министерство науки и технической политики Российской Федерации, Государственный комитет Российской Федерации по статистике, Комитет Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации.

Во-вторых, рассекречивание архивных документов, в том числе хранящихся в государственных архивах, осуществляется в плановом или инициативном порядке самими министерствами и ведомствами, а также учреждениями, организациями, предприятиями их систем (инициатива может исходить и от самого государственного архива).

В-третьих, процедура рассекречивания документов министерств, ведомств, учреждений, организаций и предприятий, не имеющих правопреемников, в каждом конкретном случае устанавливается предусмотренной Законом Российской Федерации «О государственной тайне» Межведомственной комиссией по защите государственной тайны, которая в настоящее время фактически занимается и практической работой по рассекречиванию архивных документов

учреждений, организаций, предприятий федерального и союзного уровней, не имеющих правопреемников.

В-четвертых, особый порядок рассекречивания был предусмотрен для документов, созданных бывшей КПСС, — распоряжением Президента Российской Федерации от 22 сентября 1994 г. создана специальная комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС.

Охарактеризованный выше порядок организации работы по рассекречиванию архивных документов в целом решил этот вопрос пока еще в первую очередь на федеральном уровне. Он предполагал достаточно сложные процедуры подготовки документов к рассекречиванию и их предварительной экспертизы, требовал немалых трудовых, материальных и временных затрат. Но он был понятен архивистам и пользователям, являлся публичным и, хотя и нуждался в совершенствовании, обеспечивал планомерную работу по рассекречиванию.

Однако с конца 1990-х годов сложившаяся нормативная база начала постепенно размываться. Во-первых, ряд новых законодательных актов, например, об оперативно-розыскной деятельности, внешней разведке, атомной промышленности и др. фактически сделали бессрочным ограничительный срок на доступ к соответствующим архивным документам. Во-вторых, сам механизм рассекречивания оказался сложным и затратным, действуя оперативно и эффективно лишь в отдельных случаях, вызванных конкретными поручениями властных структур. Так, например, произошло с массовым рассекречиванием архивных документов по истории советского атомного проекта.

В начале этой книги мы говорили о принципе историзма в архивоведении. Применительно к решению проблемы несвободы и свободы документальной памяти он предлагает уповать на время, которое в конце концов обеспечивает трансформацию несвободы документальной памяти в ее свободу. В поздней императорской России не было более

тайного документального комплекса чем фонд Департамента полиции. Этот статус он частично сохранял и в советские времена. Но все же спустя 80 лет этот фонд обрел полную свободу, будто усмехаясь сегодня над теми, кто препятствовал ее обретению и включению в публичную часть документальной исторической памяти.

Выше проблему несвободы и свободы документальной исторической памяти мы рассмотрели в плане ее засекречивания и рассекречивания и в отношении преимущественно документов официального происхождения. В реальности эта проблема более сложна, когда частью этой памяти является информация т.н. персонального характера, т.е. имеющая отношение к конкретному и в особенности живущему человеку. В 90-ые годы прошлого века законодательные нормы на этот счет отсутствовали и поэтому архивисты вынуждены были по собственному разумению решать вопросы, связанные с охраной тайны личной жизни. И практика, и нормативное регулирование, и рекомендации международных организаций в отношении ее разрешения противоречивы и отличаются в разных странах. При этом общий подход, кажется, ни у кого не вызывает возражений и официально закреплен, например, в заявлении международной организации библиотечных работников (ИФЛА): «поддерживать доступ к информации для исследователей, которые нуждаются в идентифицирующей личность информации для биографических, генеалогических и других научных исследований и публикаций и защищать доступ перед руководством...»³³.

Однако та же ИФЛА, имея в виду прежде всего размещение персональных данных в Интернете, это общее положение справедливо предложила ограничить в случаях, когда такие данные «являются неверными, слишком личными, размещены нелегально или неправомерно», из-за чего «мо-

³³ Право на забвение: заявление ИФЛА и предыстория вопроса // Библиотекосведение. 2016. Т. 65. № 3. С. 317.

жет несправедливо пострадать репутация или безопасность человека»³⁴. Это достаточно неопределенная рекомендация в реальности трудно выполняемая, но все же в определенных пределах дающая некоторые ориентиры.

С 90-х годов прошлого века, когда Интернет стал вещью обычной, оформилось движение за т.н. «право на забвение», т.е. право людей ограничить доступ к информации о себе и даже на ее уничтожение. В результате возникла коллизия поиска разумного баланса между правом на забвение и свободой доступа к персональной информации. В настоящее время этот баланс в разных странах и даже в архивах таких стран носит разнообразный характер, например, предлагая хронологическое ограничение доступа или замену фамилии человека его индексом, тем самым, демонстрируя одну из трудно решаемых архивоведческих проблем. Автор этой книги специально разобрал эту проблему на примере реального случая поспраивания всех нормативных и этических норм доступа к архивным документам личного происхождения и их использования³⁵.

В зависимости от доступности архивы можно подразделить на несколько видов: публичные, т.е. общедоступные на равных основаниях для любого гражданина и юридического лица; ограниченно публичные, т.е. доступные для определенных категорий юридических и физических лиц; доверительные, т.е. доступные для доверенных юридических и физических лиц; закрытые или оперативно-текущие, т.е. доступные только юридическим лицам и их представителям для выполнения служебных задач.

Нетрудно заметить, что эта типология связана, во-первых, с формой собственности на архивы и, во-вторых, с их ведомственной принадлежностью. Совершенно очевидно,

³⁴ Там же. С. 316.

³⁵ Козлов В. П. Второе археографическое обозрение истории России XX века. М., 2016. С. 235–263.

что доверительные и ограниченно публичные виды могут быть присущи только частным архивам, а также архивам общественных объединений, в то время как публичный и закрытый виды характерны соответственно для государственных и ведомственных архивов. Таким образом, уже сама классификация архивов показывает наличие вполне официальных ограничителей на доступ к документальной исторической памяти.

В каждом из названных видов архивов, естественно, находятся комплексы засекреченной архивной информации. Это — объективная реальность, ограничивающая публичность архивов наряду с такими субъективными факторами, как наличие необработанных документов, недоступность и некомплектность научно-справочного аппарата, условия, выдвигаемые фондодержателями или фондотладельцами при передаче в архив документов негосударственного происхождения, и, наконец, ограничения селективного порядка, произвольно устанавливаемые самими архивистами на основе идей протекционизма. Кроме того, существует и еще ряд ограничивающих доступность архивов факторов, которые возникают уже на стадии использования архивной информации. Они также достаточно многообразны, чаще всего субъективны. Их можно свести к нескольким группам:

- ограничения, связанные с техническими возможностями знакомства с архивной информацией (наличие микрофильмов, объем выдачи дел и документов, сроки их предоставления, продолжительность знакомства с ними и т.д.);

- ограничения, связанные с техническими возможностями копирования или оперативной обработки информации (наличие копировального оборудования, самих возможностей копирования подлинников и т.д.);

- ограничения, накладываемые самим архивом, например, по причине контроля за приоритетом в публикации документа или комплекса документов в подлинном виде.

Таким образом, пользователю приходится преодолевать как бы тройной барьер в доступе к архивной информации и ее использовании. Он все время испытывает сопротивление ограничений государственного порядка, решений субъективного характера и ограничений по техническим причинам. Возникают как бы две балансирующие системы, подчас непримиримые друг к другу, нередко действующие согласованно на основе договоренностей, иногда естественно совпадающие в своих действиях, опираясь на взаимное уважение существующих норм и правил.

В рамках взаимодействия этих двух систем на практике сложилась своеобразная модель преодоления трех названных барьеров. Она включает, прежде всего, механизм преодоления ограничений на доступ и использование архивных материалов: нормативное рассекречивание, т.е. рассекречивание архивных документов на основе законодательно закрепленных норм (принятого временного срока, по истечении которого потенциально признается утрата секретности сведений); инициативное рассекречивание, т.е. рассекречивание архивных документов по инициативе пользователя, исходя из признания реальной утраты секретности сведений ранее законодательно закрепленного временного срока, но с соблюдением соответствующих процедур; прагматическое рассекречивание, вызванное практическими обстоятельствами, исключающими саму возможность и экономическую целесообразность сохранения секретности архивной информации в пределах законодательно установленного временного срока; политическое рассекречивание, вызванное государственной необходимостью получить краткосрочный или долгосрочный внутривнутриполитический или внешнеполитический результат.

Завершая эту главу, отметим, что трансляция документальной исторической памяти есть ничто иное, как ответ на ее многочисленные общественные запросы. В этом процессе архивный документ вновь трансформирует свою цен-

ность в совсем иную полезность — в способность обеспечить самопознание общества в интересующей и необходимой ему ретроспективе. Такая трансляция встречает немало сложностей объективного и субъективного характера, но, в конечном счете, она оправдывает формирование и сохранение документальной исторической памяти, воплощенной в архивных документах и собираемой в разных типах и видах архивов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если человек, никак не связанный с работой с документом, посмотрит на все накопленное документальное наследие и узнает объем создаваемого ежедневно документального массива, уверены, что у него возникнет впечатление хаоса. Это все равно как в детстве, когда все мы, не обремененные еще элементарными знаниями в астрономии, смотрели на ночное небо, на котором мириады мерцающих звезд казались простым нагромождением светящихся точек. Астрономия разобралась и продолжает разбираться с объектами во Вселенной, совершенствуя свои инструменты их познания.

Документ, как и язык, — не просто система знаков, а своеобразный инструмент организации жизни общества, человека, государства. Документ является феноменальным продуктом человеческой цивилизации. Он создается ею уже несколько тысячелетий, регулирует ее жизнедеятельность и ею же, если возможно такое выражение, «потребляется», хотя бы как свидетельство о прошлом. Документ как публичный и непубличный регулятор жизнедеятельности человеческих сообществ, документ как артефакт, сохраняющийся в архиве, документ как источник познания прошедшего, документ как явление культуры в повседневности — даже только эта самая общая проблематика для современного исследователя не ме-

нее важна и интересна, чем изучение истории какой-то иной сферы человеческой жизнедеятельности и возникающих в процессе ее человеческих интеллектуальных продуктов.

Феноменальное свойство документа быть не только регулятором процессов современной жизни, но и запоминать ее делает документ частичкой документальной памяти — всего накопленного и создающегося массива документов.

Архивоведение как научная дисциплина призвана упорядочивать свой объект — документы, этот лишь внешне кажущимся хаотичным документальный массив. Оно разрабатывает новые принципы и методы управления документами и совершенствует проверенные временем приемы и способы их сохранения и трансляции запечатленной в них информации.

Архивоведение решает задачи, связанные с судьбой документа после реализации им функций по организации человеческой жизнедеятельности в тех сферах, где без документа как регулятора действительности невозможно достижение какого-либо результата. Оно разрабатывает исходные принципы и критерии определения полезности и ценности документа в постоперативной фазе его бытования, объясняет присущее ему свойство запоминания происходящего, обосновывает основополагающие подходы, связанные с формированием, упорядочением, трансляцией документальной памяти, генерируемой документом, как особом типе носителя исторической памяти.

Архивоведение призвано показать и объяснить феномен документа как особого интеллектуального продукта человеческой жизнедеятельности и особость архива, хранящего документы, как одного из депозитариев исторической памяти, представляющего собой не только некую институцию, но и информационную систему с первичной и вторичной документной информацией, систему, в конечном итоге заточенную на обеспечение вечного сохранения архивных документов и их публичности.

Рассмотрение своей проблематики и выработку предложений по ее разрешению архивоведение осуществляет на основе анализа различных практик архивного дела, в том числе касающихся их нормативно-методической упорядоченности. В этом смысле упоминавшийся выше метод наблюдения за предметом и объектом архивоведения является исходным для получения и анализа эмпирических данных с их последующим аналитическим рассмотрением.

Документ и архив составляют сущность архивоведческого знания. В кругу вещественных «интеллектуальных продуктов» мыслительной деятельности человека, когда речь идет не об отвлеченной деятельности вообще, а о деятельности в настоящем и прошлом, документ занимает не просто особое, но первенствующее место. Это, конечно же, тоже «вещь», стоящая в одном ряду с книгой, рукотворным парком, архитектурным сооружением, орудиями труда и т.д. Но эта вещь как интеллектуальный продукт человека обладает специфическими свойствами. Она способна регулировать и одновременно запоминать мгновение действительности, отражать как ее статику, так и динамику, а также некие результаты человеческой деятельности, опять же в их статике и динамике. Она неизменна, если принято решение о ее сохранении. Она системна, т.е. прямо и опосредованно связана с себе подобными и с другими интеллектуальными продуктами человеческого социума. Она целостна и последовательно организована, запрограммирована при своем бытовании, начиная от своего создания как регулятора реальной действительности, выражающей ее полезность, и кончая преобразованием в носителя документальных свидетельств об ушедшей реальной действительности, придающих ей ценность. Она все больше и больше становится всеобщим неотъемлемым элементом современной человеческой жизни, организация которой без нее невозможна. В этой вещи есть все — и строгий формализм, практицизм и механицизм, технологичность, присущие другим продук-

там человеческого уodelия, и, говоря словами М. Блока, «человечина» в непосредственной фиксации различных состояний конкретного человека и его различных сообществ.

Документ, в зависимости от настройки взгляда на него, изменчив как хамелеон, и неопределенен в своем состоянии как ртуть. Мы попытались посмотреть на документ как носитель документальной памяти с позиций архивоведения. Обнаруженные в результате этого особенности состояния документа есть ничто иное, как разные формы его преобразования при неизменной сущности его информации и ее носителя.

Четыре парадокса жизни документа как кажется автору, ему удалось обнаружить и описать. Парадокс первый, определяющий соотношение информации и документа: человеческое общество шло и идет не просто по пути развития информационного общества, а по пути общества всеобщего документирования, в котором не информация, а документ является доминирующим фактором человеческой жизнедеятельности. Парадокс второй: рост объемов публичной информации и публичных документов сопровождается едва ли не пропорциональным ростом непубличности того и другого, стремительно накапливающегося в депозитариях их сохранения и непубличной ликвидации. С этим парадоксом связан третий парадокс: накопление объемов документов, особенно в крупных депозитариях исторической памяти совершенствование инфраструктуры их хранения создают новые угрозы для обеспечения их безопасности, пропорционально усиливающиеся по мере совершенствования средств и методов их предотвращения. Жизнь документа в повседневности свидетельствует об этом достаточно убедительно. Парадокс четвертый означает, что без носителя информации нет информации, а без информации нет документа. Следовательно, документ есть не просто соединение информации и ее носителя, а их объективно предопределенное, необходимое и обязательное единство.

Документ един во всех своих ипостасях — и как регулятор действительности в документоведении, и как объект и предмет архивного хранения и использования в архивоведении, и как предмет и объект документальной публикации в археографии, и как объект источниковедческого анализа в документальном источниковедении, и как неоспоримое доказательство истинности произошедшего в историческом исследовании. Однако такое единство, обеспечиваемое двумя составляющими его элементами — носителем информации и самой информацией, — не означает постоянства его свойств на разных стадиях его бытования и эволюции. Но не менее важным и нужным было бы рассмотрение документа как прямого и опосредованного цивилизационного проявления, как элемента внутриобщественного взаимодействия, как элемента взаимодействия человека и общества, человека и государства, элемента взаимодействия между людьми и пока мало понятным взаимодействием человека с неким надчеловеческим авторитетом.

Традиционно считалось и считается до сих пор, что документ всегда вторичен, всегда отражает лишь некую волю и мысль. И это действительно так в подавляющем большинстве ситуаций. Однако имеются случаи, когда документ, подчас давно утративший свою первоначальную функциональную заданность, определяет действия настоящего, когда он, например, в своей постоперативной практической или постоперативной политической востребованностях диктует современности решения и действия. Примеров этого из нашей сегодняшней жизни больше чем достаточно. Иначе говоря, бывают ситуации, когда уже отработавший свое дело документ, спустя время, вдруг становится вновь самодостаточным, да еще с таким запасом энергии, который и не предполагался в момент его создания.

Под понятием документа скрывается не некая одинокая обособленная сущность, а бесконечная множественная совокупность с постоянной переменчивостью и безусловной

тенденцией, с одной стороны, к объемному росту в каждый момент организации человеческой жизнедеятельности, а с другой — к постоянному накоплению в депозитариях исторической памяти. Почему это происходит и зачем это надо — вопросы не праздные, связанные с историей человечества в прошлом и в настоящем. Это какое-то особое явление современной цивилизации, требующее изучения также как и другие ее проявления — политика, экономика, культура и т.д. Понять и объяснить это явление, явно вторичное в сравнении с процессами, происходящими в обществе, государстве, с человеком в каждое историческое мгновение их существования, но находящееся в несомненной зависимости, а иногда и взаимосвязи с этими процессами, значит, понять не только сам феномен документа, но через него — частички истории человека, общества, государства не только в прошлом, но и, через документ этого прошлого, настоящее.

Создание документа есть ничто иное как производное от бытия человека, общества и государства, от их состояния и деятельности. Но и без существования документа бытие человека, общества и государства невозможно, особенно в наше время. Современный человек может прожить без стула, автомобиля, книги, но без документа в современном обществе — едва ли. Основное и второстепенное, главное и производное в документе оказываются в неразрывной связке, обеспечивая единство и цельность человеческой жизнедеятельности, ее естественное объективное, субъективное, правдивое, ложное, полное, неполное, точное, реальное и идеальное запоминание в документальных свидетельствах и последующее преобразование последних для использования в невообразимо невозможных, не предвиденных при создании документа целях.

Как важнейший элемент предмета архивоведения — архива — документ, включенный в архив, оказывается здесь в особой среде и обретает необходимую упорядоченность. Они обеспечивают его вечное сохранение, эффективный

поиск и трансляцию. В архиве документ обнаруживает различные (общие и частные, конкретные и эксклюзивные) взаимосвязи с другими документами и элементами архивной среды его бытования, выступая частичкой определенным образом профилированной большой совокупности документов, и являясь носителем свидетельств о прошлом.

Архив как особый депозитарий является хранителем частички документальной памяти. Ее формирование является следствием трансформации документа из регулятора человеческой жизнедеятельности в носителя свидетельств о ней. В результате такой трансформации создается особый тип исторической памяти — историческая документальная память с присущими только ей особенностями запоминания прошлого.

Документальная историческая память в архиве выступает в качестве первичной архивной информации архивных документов и приданных ей поисковых средств в виде вторичной архивной информации. Архив обеспечивает актуализацию и развертывание той части документальной исторической памяти, которая хранится в нем.

Актуализация и развертывание документальной исторической памяти происходят в архиве для решения разных задач и в разных формах. Для нас важна прежде всего источниковая, познавательная сущность документальной исторической памяти.

Хранение документа в архиве означает абстрактную возможность его превращения в документальный исторический источник. Она становится действительностью после приобретения архивным документом характера публичности. Эта действительность, в свою очередь, представляет собой не что иное, как абстрактную возможность самопознания общества в ретроспективе его прежних состояний.

Документ и архивный документ имеют равновероятные возможности своего бытия и небытия, конечного и бесконечного бытования, вечного сохранения и забвения. Архи-

ведение призвано регулировать их судьбу: с одной стороны, оно способствует вытеснению, удалению, забыванию части их, а с другой — обеспечивает создание новой их целостности. Архивоведение, таким образом, нейтрализует неопределенность формирования документальной исторической памяти, вносит в нее элементы упорядочения ради ее трансляции сегодня и в будущем. В этом заключается не только познавательная, регулирующая, но и гуманистическая сущность архивоведения как научной дисциплины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алфавитный словарь книги

Автор документа
Адресат документа
Архив
Архивная среда бытования документа
Ассиметрия документов
Ассиметрия документальных исторических источников
и документальных свидетельств
Аудиовизуальный документ

Библиотека

Ведомственный архив
Вид документа
Визуальное структурированное сообщение
Визуально-звуковое структурированное сообщение
Визуальный документ
Востребованность документа
Вторичные признаки документа как документального
исторического источника

Государственный архив

Дата документа
Директивная функция документа
Директивный подкласс документальных исторических
источников официального происхождения

Директивный тип документа
Дискретность документального свидетельства документального исторического источника
Документальная публикация
Документальное источниковедение
Документальное свидетельство
Документальный исторический источник
Документирование
Документирование духовной жизни человека
Духовная функция документа
Духовный тип документа

Заголовок документа
Закрытая (конфиденциальная) форма реализации функции документа
Закрыто-открытая (непублично-публичная) форма реализации функции документа
Звуковое структурированное сообщение
Звуковой документ (аудиодокумент)

Информационная система архива
Информационная функция документа
Информационный тип документа
Информация документа
Использование документов в архиве

Класс документов личного происхождения
Класс документов официального происхождения
Класс документов сакрального происхождения
Классы документов
Коммуникативная функция документа
Коммуникативный тип документа
Комплектование архива
Концептуальная фаза бытования документа
Королевский (княжеский) архив
Корпоративный архив

Личный архив
Личный творческий документ

Муниципальный архив

Носитель информации документа
Непубличное документирование
Обнародование (публикация) документа
Объект архивоведения
Ограниченные первично-вторичные признаки документа
как документального исторического источника
Оперативная фаза бытования документа
Организационная функция документа
Организационный подкласс документальных исторических
источников
Организационный тип документа
Организация хранения носителей информации в архиве
Организация хранения носителей информации в библиотеке
Основные структурированные сообщения документа
Открытая (публичная) форма реализации функции документа
Официальное документирование

Первичные признаки документа как документального
исторического источника
Перемещенный документ
Персонализирующая функция документа
Персональный тип документа
Полифоничная структурированная информация
Полифоничный документ
Постоперативная источниковая востребованность документа
Постоперативная политическая востребованность документа
Постоперативная правовая востребованность документа
Постоперативная практическая востребованность документа
Постоперативная социальная востребованность документа
Предмет архивоведения
Президентский архив
Признаки документа как документального исторического
источника
Принцип беспристрастия в архивоведении
Принцип классификации документов в архивоведении
Принцип связи документа (документов) с другим документом
(документами) в архивоведении
Рассекречивание официального документа
Регулятивно-специальная функция документа
Регулятивно-специальный тип документа
Реконструкция документального комплекса
Репродуктивная функция документа

Репродуктивный тип документа
Рукописный отдел (библиотеки, музея, НИИ)

Сакральный класс документов
Сакральное документирование
Система вторичной архивной информации архива
Система первичной архивной информации архива
Структурированное сообщение документа
Стратиграфия документа
Страховой фонд документов
Структурированная информация документа
Структурированное сообщение документа
Сферы документирования

Текст документа
Текст документа с просто структурированным сообщением
Текст документа со сложно структурированным сообщением (ями)
Текстовое структурированное сообщение
Текстовый документ
Типология архивов
Типы документов
Типы депозитариев исторической памяти

Уровни вторичной архивной документной информации архива
Уровни первичной архивной документной информации архива
Учетно-отчетная функция документа

Учетно-отчетный тип документа
Фаза бытования документа в состоянии покоя
Фаза бытования документа в качестве документального исторического источника
Фаза концептуального бытования документа
Фаза оперативного бытования документа в качестве архивного
Фаза собственно оперативного бытования документа
Фазы (жизненные циклы) бытования документа
Фактор ограничения доступа к документу в связи с его неупорядоченностью среди других документов
Фактор ограничения доступа к документу в связи с его физическим состоянием
Фактор ограничения доступа к документу в связи с распоряжением его собственника, владельца

Фактор ограничения доступа к документу по соображениям безопасности личности

Фактор ограничения доступа к документу по соображениям национальной (внутренней и внешней) безопасности

Факторы ограничения доступа к документу

Фонд пользования документов

Формы реализации функции документа

Функция (функции) документа (документов)

Частное коллекционирование (собирательство) документов

Частный архив

Электронный документ

Элементы документа

Этикетная группа элементов документа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Глава 1. Архивоведение

как научная дисциплина	31
------------------------------	----

<i>Архивоведение и его основные проблемы</i>	<i>31</i>
--	-----------

<i>Документ — объект архивоведения</i>	<i>32</i>
--	-----------

<i>Совокупность архивных документов — архив — как предмет архивоведения.....</i>	<i>38</i>
--	-----------

<i>Принципы архивоведения.....</i>	<i>39</i>
------------------------------------	-----------

<i>Методы архивоведения</i>	<i>52</i>
-----------------------------------	-----------

Глава 2. Документное регулирование человеческой жизнедеятельности

и ее документальное запоминание	58
---------------------------------------	----

<i>Документ как интеллектуальный продукт.....</i>	<i>58</i>
---	-----------

<i>Понятие документа</i>	<i>64</i>
--------------------------------	-----------

<i>Документ как материальный носитель информации</i>	<i>72</i>
--	-----------

<i>Документ и его информация</i>	<i>75</i>
--	-----------

<i>Эволюция документа</i>	83
<i>Трансформация (фазы бытования) документа</i>	102
<i>Формы реализации документом функциональной заданности</i>	115
<i>Признаки документа как документального исторического источника</i>	119
<i>Классы документов.....</i>	126
 Глава 3. Документальная память и документальное наследие — фундаментальные категории архивоведения	
<i>Документальная память как особый тип исторической памяти.....</i>	132
<i>Документальное наследие в составе историко- культурного достояния страны</i>	144
<i>Репрезентативность документальной исторической памяти</i>	152
 Глава 4. Сбережение документальной исторической памяти и документального наследия: необходимость и достаточность	
<i>Сохранение накопленной документальной исторической памяти.....</i>	163
<i>Пополнение документальной исторической памяти.....</i>	181
<i>Реконструкция документальной памяти.....</i>	192

Глава 5. Классификация и упорядочение архивных документов и документальной исторической памяти	196
<i>Классификация архивных документов, основанная на виде носителя и способе закрепления на нем информации</i>	196
<i>Классификация архивных документов, основанная на содержании их структурированных сообщений</i>	197
<i>Попондовая классификация архивных документов</i>	198
<i>Функциональная классификация архивных документов</i>	200
<i>Познавательная (прикладная) классификация архивных документов</i>	208
<i>Универсальная классификация архивных документов</i>	217
 Глава 6. Архив	
<i>как информационная система</i>	221
<i>Функциональная универсальность архива</i>	221
<i>Типология архивов</i>	225
<i>Основные элементы информационной системы архива</i>	243
<i>Архивная среда бытования архивного документа в фазе покоя и фазе его публичного состояния</i>	251
<i>Архивный документ в системе вторичной архивной информации архива</i>	259

<i>Вторичная архивная информация и преодоление дискретности документальной исторической памяти</i>	263
Глава 7. Трансляция документальной историче- ской памяти	267
<i>Постоперативная востребованность документальной исторической памяти и ее виды</i>	267
<i>Факторы, ограничивающие востребованность документальной исторической памяти</i>	292
<i>Несвобода и свобода документальной исторической памяти</i>	293
Заключение	314
Приложение	
Алфавитный словарь книги	322

Научное издание

Козлов Владимир Петрович

**Документальная память
в архивоведческом знании**

Оформление и макет:

С. С. Ермолаев

Гарнитура «Newton». Формат 84×108/32.

Бумага офсетная. 10,375 печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ 4435.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-9909105-3-9

9 785990 910539